Владимир Качан

АРТ ПАСЬЯНС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Владимир Качан – народный артист России, актер театра и кино, автор-исполнитель, писатель. По выражению его друга Михаила Задорнова, – «человек без определенных занятий».

«Арт-пасьянс» по Качану – это «собрание пестрых глав»: воспоминания, капустники, байки, розыгрыши, пародии, фельетоны, стихи и песни. Тут и репетиции Анатолия Эфроса, и улыбка Любови Полищук, и молчание Владимира Высоцкого… И Лев Дуров, на сцене гоняющий в футбол.

- Владимир Качан
  - Предисловие
  - «Бедность не порок»
  - Часть 1
    - Про Задорнова
      -
      - Про Филатова
      - Бело-розовая пастила для Леонида Филатова
    - Про Эфроса
      -
      - И тогда придет Эфрос
    - Про Высоцкого
      - Гори, гори, его звезда…
    - Про Михаила Козакова
    - Про Дурова
      - Perpetuum mobile, или Портрет Льва Дурова в интерьере нашей жизни. Масло. Елей
      - Смотреть прямо
      - Речь в честь открытия фонтана на даче у Льва Дурова
      - Словарь
      - Обзор центральных газет
    - Про Райхельгауза и его книгу
      -
      - Некролог-1
    - Про Константина Певзнера
      - Человек грузинского лета
    - Про Хмельницкого
    - Про Любовь Полищук
      - Любка-улыбка

- Часть 2
  - «Ночь нежна» при полной «Луне»
  - «А чой-то я во фраке?»
  - Пародийная рецензия на другие рецензии на спектакль «С приветом, Дон Кихот!» театра «Школа современной пьесы»
- Часть 3
- Часть 4
- Часть 5
  - Я слышу
  - История любви
  - «Я вас любил…»
  - «Сделай сам»
  - Интервью из Ясной Поляны
- Эпилог

Владимир Качан
Арт-пасьянс

Предисловие

Давайте сразу же проясним – почему «арт-пасьянс». Во-первых, речь тут пойдет преимущественно о людях искусства. Поэтому – «арт», «артистический пасьянс», а артистами мы можем называть не только лицедеев, но и художников, и музыкантов, а также (не побоюсь сказать) – и литераторов, ибо Пушкин, Лермонтов, Чехов, а несколько позднее Булгаков писали диалоги так, как могли это делать исключительно артисты, обладающие даром перевоплощения. Только эти писатели передавали эмоцию не жестом, голосом или мимикой, а словом. И если им самим доводилось кому-нибудь читать свои произведения (даже Л.Н.Толстому), то они делали это как артисты. Так сказать – с выражением.

За свою кино-театрально-музыкальную (т. е. артистическую) жизнь автор сочинил немало капустников, очерков, эссе, коротких рассказов, рецензий на увиденные спектакли и даже одну рецензию изнутри, на спектакль «А чой-то ты во фраке?», в котором исполнял две роли в разной очередности. Наблюдения не только за собратьями по цеху, но и другими людьми превращались потом в литературные заметки, зарисовки, ждущие своего часа, чтобы (быть может) порадовать читающую публику. Ну вот они и дождались и объединились в одну забавную и, будем надеяться, интересную не только коллегам автора книжку с вышеупомянутым названием.

Теперь – почему «пасьянс»? Все очень просто. Как и в картах, тут фигурируют и шестерки, и валеты, и короли, и тузы, и уж конечно – дамы, преимущественно из театральной среды, из этого специфического общества, особенного мира, насчет обитателей которого, актеров, еще Чехов усомнился: «Да и люди ли они вообще?..» Ну разумеется люди, только люди своеобразные, отдельные, которым в силу профессии приходится всю жизнь прикидываться и еще – заботиться о том, чтобы нравиться другим. Впрочем таких «актеров» теперь легко можно найти среди бизнесменов, политиков, гламурной тусни, в телевизионной среде и даже (страшно сказать!) – среди врачей. Но эти – хуже, потому что они постоянно врут и в повседневной жизни.

Таким образом, надеялся автор, книга будет состоять из рассказов о наивных людях, которые любят (или любили, пока не ушли в мир иной) «высокие отношения», верят в них, верят в то, что надежда, добро и юмор – это навсегда, а власть денег – временно; что их детские игры и розыгрыши в театре – это

хорошо, а политические и финансовые игры – плохо. Конечно, актеры – дети, испорченные, эгоистичные, непристойно легкомысленные и плохо воспитанные, но все равно – дети, и потому их вера в то, что добро всегда побеждает зло, их тайная вера в сказку, несмотря на внешний цинизм и склонность к черному юмору, вызывает у автора сочувствие, понимание и симпатию. Да что там говорить! Он, автор, и сам такой…

Приступим, однако, ко всем этим рассказам и наблюдениям разных лет, сопровождаемым сегодняшними комментариями. Если прошло много лет, требуется кое-что объяснить, не так ли?..

Ну а некоторые этюды в прозе в комментариях не нуждаются, годы их не берут, они актуальны и сегодня и, похоже, будут актуальны всегда.

Автор надеется, что книга, которую вы держите сейчас в руках – нечто среднее между тетрадью и фолиантом, – вас позабавит и станет на некоторое время вашим товарищем, с которым не захочется потом расставаться. И для начала – короткая глава о школьном драмкружке.

«Бедность не порок»

На школьной сцене осуществлялась смутная, но навязчивая мечта о лицедействе. Грим, костюм, образ – и девочки, которых можно было безнаказанно обнимать, пребывая в этом самом образе. Спектакль «Бедность не порок» великого драматурга Островского. Вдумайтесь в название! Сегодня, когда деньги в главной роли, оно звучит гораздо абсурднее, чем во времена Островского. Но некоторые все же верят, что так оно и есть, что «бедность не порок», а всего лишь преодолимая неприятность. И все равно это архаика, рудимент прошлого, далекая история России, когда были живы похороненная нынче романтика и агонизирующие теперь идеалы…

Вернемся все же в драмкружок 10-й рижской средней школы. Тут автор получил первую роль, о чем и будет рассказано в этой главе, в которой автор (сообразно возрасту и своему положению в искусстве) фигурирует под именем Вова. В готовящейся постановке пьесы он получил роль богатого старика Африкана Савича. Получил легко, т. к. никто больше не хотел этого старика играть. Конкурса на эту роль, прямо скажем, не было. Главную героиню, которую играла девочка Люся, насильно выдают за Африкана Савича замуж, а она, естественно, любит другого. Старик этот – конечно, сволочь, думает, что если у него есть деньги, то ему можно все.

Люся была самой красивой девочкой в драмкружке, и в нее были влюблены все, кто побыл с ней рядом хотя бы пять минут. Мало того что она была обладательницей самого красивого в школе лица, она уже в девятом классе умела вести себя с мальчиками так, что у них половое созревание наступало намного быстрее, чем они рассчитывали. Кокетничая буквально всем телом, она словно обещала то, чего потом никогда не давала, и эта обманчивая доступность страшно заводила всех старшеклассников, которые с ней общались. Этого искуса не избежали и все ее платонические партнеры по драмкружку, не миновал его и Вова.

На сцене будущую невесту подводили к Африкану Савичу, и он, беря ее за руку, произносил слова: «Ручка-то какая!.. бархатная!». Режиссер (и руководитель драмкружка) в этом месте добивался от Вовы выражения вожделения, омерзительной старческой похоти; он даже показывал, как это надо произносить. У режиссера получалось, разумеется, лучше, потому что было ему ближе. А у Вовы не получалось: похоть – ну, это уж как-нибудь, а вот старческая – это с трудом. К тому же он в этот момент всегда

бывал занят совсем другим. Беря Люсю за «бархатную ручку», Вова всегда держал в своей руке вчетверо сложенную маленькую записку, в которой объяснялся Люсе в любви и назначал ей свидание. Люся эту записку незаметно брала и прятала, продолжая играть роль обреченной невесты.

Привязанное и спрятанное под рубашку и жилет пузо, наклеенная окладистая борода и парик с прямым пробором все-таки придавали образу Африкана Савича какую-то достоверность, но чувств в Люсе они никак не могли возбудить, и Люся записки брала, девичье любопытство удовлетворяла, но дальше дело не шло, на свидания она не приходила.

Со злорадным удовлетворением отвергнутого поклонника Вова однажды увидел Люсю на школьном вечере не в длинном платье, в котором она репетировала, а в коротком. У Люси оказались ноги кавалериста, с детства не слезавшего с лошади: совсем кривые, кривее, чем даже у самого Вовы… Любовь угасла, улетучилась, будто ее и не было. Да и не было, конечно. Просто он поддался массовому увлечению, Люся нравилась буквально всем, как было не впасть в этот общешкольный психоз.

Часть 1
Действующие лица

Про Задорнова

В спектакле «Бедность не порок» друг детства, юности и зрелости Михаил Задорнов исполнял эпизодическую роль ряженого медведя. Он действительно что-то там вытанцовывал в настоящей медвежьей шкуре. Вы представляете себе – каким оказался карьерный рост этого персонажа?! От ряженого медведя до новогоднего поздравления граждан России!!! Он тогда в полночь исполнил обязанности президента Российской Федерации. Это вам даже не Рейган, попавший в президенты из артистов. Это круче! Впрочем, в ту пору наш реальный президент частенько и сам исполнял роль ряженого. Таким образом состоялась, как он сам говаривал, «рокировочка».

Но все же вернемся назад, в наш школьный драмкружок и к нашему с Мишей активному участию в нем.

В драмкружке Миша Задорнов исполнял роли эпизодические, он сам теперь на концертах часто вспоминает, как в том самом спектакле изображал медведя, а я, мол, играл главную роль. Вспоминает даже с удовольствием, потому что все же видят теперь, кем он стал, несмотря на то, что в школьном драмкружке его не оценили. Был еще спектакль «20 лет спустя» по Михаилу Светлову, и Миша там в конце играл комиссара, который благословляет комсомольцев на дальнейшую правильную жизнь. Большие черные усы были наклеены на Мишину юношескую физиономию. Они существовали независимо друг от друга: комиссарская кожанка и усы – отдельно, а Миша – сам по себе. И веры в комиссарскую проповедь, в правдивость того, что говорит, в Мише уже тогда не было.

А еще мы с ним сыграли в школьной самодеятельности чеховского «Трагика поневоле». Ну… вышло, что не вполне чеховского.

Надо отметить, что лично у меня не было подобного успеха за всю последующую артистическую жизнь. У Миши – случалось: он доводил и доводит людей иногда до спазмов и конвульсий, когда в зале уже не смех, а стон. У меня – никогда! Мне тогда приделали большой живот, так называемую толщинку, затянув на ней тесемками широкие штаны. Я должен был прийти к Мише и жаловаться ему на свою проклятую жизнь. Он сидел в каком-то шлафроке, с приклеенными усами, и, якобы глядя на портрет любимой, что-то наигрывал на школьном фортепьяно.

Я вошел и начал свой монолог. В руках у меня было множество свертков и кульков, которые я привез с собой на дачу. Как бы – по хозяйству… И тут тесемки развязались, и штаны

начали сползать. Я в ужасе продолжал монолог, пытаясь поправить непоправимое. Штаны все падали и падали; обнажилась толщинка, а из-под нее неопрятно свешивались концы веревок, которыми она была привязана к корпусу артиста. Я подтянул штаны, и у меня тут же попадали все свертки. Я попытался подобрать свертки – у меня, естественно, снова рухнули штаны. Я обеими руками судорожно вцепился в штаны – немедленно посыпались свертки. Надо было наконец выбрать: или штаны, или кульки. Разумнее, конечно, было бы удержать штаны. Но я хотел умудриться сделать и то и другое одновременно и в дикой панике продолжал эту клоунаду, с неуместным мужеством продвигая вперед, к окончательной катастрофе, свой монолог…

Мне было вовсе не смешно, а страшно, как никогда в жизни, но в зале хохот стоял такой, что я уже тогда понял всю жалкую тщету тонкого юмора по сравнению с простым и безыскусным падением штанов. У Задорнова отклеился ус, он прикрылся от зала портретом любимой и реплики свои, задыхаясь от смеха, подавать перестал.

Только один человек, сидевший в зале, серьезный Мишин папа, сказал позже, что мы изувечили Чехова.

А потом мы в день рождения Ленина играли на школьной сцене выстраданную нашей историчкой вещь: «Ходоки у Ленина». Эта, как говорится, «штучка» была посильнее «Фауста» Гёте. Третьего ходока изображал Мишин одноклассник Крылов. Ленина, разумеется, на сцене не было, да и кто бы отважился его сыграть. Зато присутствовала его секретарша. Вот к ней мы и должны были обращаться с хрестоматийной просьбой: «Землицы бы нам».

Как выглядел русский крестьянин, измученный голодом, войной и разрухой, мы примерно представляли себе по известной всем картине Герасимова. Но понятно, что ни лаптей, ни армяков, ни зипунов школьная самодеятельность не имела. С длинными бородами на изможденных лицах тоже было сложно: бороды нигде не успели достать, а изможденные лица – не успели нажить. Кое-как себя изуродовав (выпустив рубашки, подвернув зачем-то штанины брюк, вывернув наизнанку шапки-ушанки и полагая при этом, что превращаем шапку – в треух), мы, как могли, сгорбились и вышли на сцену. Оля Дзерук, игравшая секретаршу, строго спросила нас, мол, по какому вопросу мы к Ильичу? «Сестрица, – жалобно сказал кто-то из нас, уж не помню, кто именно, – землицы бы нам».

И тут мы имели неосторожность переглянуться, а

переглянувшись – друг друга будто заново разглядеть; а увидев, что каждый из нас сейчас собою представляет, – внезапно и ясно осознать, что в таком виде к Ленину не ходят, и, по идее, секретарше сейчас надо вызвать Дзержинского, чтобы расстрелять нас тут же, немедленно – за контрреволюционную пропаганду и циничное глумление над трудовым крестьянством.

Какая там сестрица? Какая землица?! На кой она нам, розовощеким, спортивного вида подросткам?! И эти вывернутые шапки… Задорнов свою снять позабыл, и она, в качестве крестьянского треуха, забавно торчала у него на голове с одним ухом, задранным вверх… Сил на это смотреть не было. Мы стали тут же, посреди эпизода, умирать от смеха. И сознание того, что этого делать нельзя, что речь идет о Ленине, что это святое, – почему-то еще больше смех усиливало. Кто-то из нас, давясь от хохота, отчаянно попытался спасти ситуацию, еще раз начав просить все то же… И все… Это была уже катастрофа, лавина, которую нельзя было остановить ничем: «треухи», запихиваемые в рот, чтобы прервать смех, не помогали; слезы, катившиеся градом из выпученных глаз, лились, к сожалению, вовсе не от того, что у нас не было землицы. Спектакль закончился, не начавшись…

Покрасневшая от гнева и обиды за весь диалектический материализм, за все «Апрельские тезисы», за марксизм-ленинизм вообще и за дело коммунистической партии в частности, – учительница истории вбежала за кулисы и сказала, что этого нам не забудет.

Не этот ли эпизод, думаю я сейчас, был первой идеологической диверсией Задорнова в его богатой идеологическими диверсиями творческой жизни?..

Спустя годы выяснилось, что наша дружба не угасла, подобно большинству детских и школьных дружб, а жила, развивалась и даже крепла. Потом, когда у Михаила был юбилей, я попытался если не все, то многое отразить в небольшом рассказе о нем.

2 × 25, или Русский писатель на фоне Рижского залива

Настоящая фамилия Задорнова – Райтер…

Ну-ну, расслабьтесь, господа сионисты и, наоборот, антисемиты: это всего лишь шутка, имеющая, однако, под собой реальную жизненную основу.

Однажды на съемках одной передачи о книгах, которые

осуществлялись почему-то в ресторане, к Задорнову подошла хозяйка этого заведения, крутая дама где-то между сорока и шестьюдесятью, улыбнулась, сверкая золотом, и попросила автограф. У Михаила с собой ничего не было, кроме визитной карточки, отпечатанной с одной стороны на английском языке. На этой стороне он и расписался.

– А что тут написано? – спросила крутая дама, желая хоть ненадолго продлить знакомство с кумиром своих телегрез.

– А-а, тут по-английски, – рассеянно глядя по сторонам, сказал Михаил.

– А что по-английски? – кокетливо брякнула золотой (опять же) цепью дама.

– Ну… Задорнов, райтер…

Дама замерла.

– Как Райтер? – потрясенно прошептала она.

– Вот так. Райтер. Писатель, значит.

– Я понимаю, что писатель. Кто ж не знает, что вы писатель. Но простите… ваша настоящая фамилия – Райтер? – Тут дама совсем перешла на шепот, вероятно, чувствуя себя резидентом, напавшим случайно на важную государственную тайну. Она округлившимися глазами уставилась на Задорнова, а затем, быстро оглянувшись, напряженно и тревожно спросила: – Вы еврей?..

– Да нет же, – терпеливо объяснил тот, – «райтер» по-английски – писатель. Вот тут так и написано: *Zadornov. Writer*.

Но дама, распираемая изнутри предвкушением сенсации, внимать объяснениям не желала. «Шо я не понимаю? – сияло на ее счастливом лице. – Мы ж свои люди. Задорнов – это для конспирации, а Райтер – это настоящее».

– Так вы не еврей? – уточнила она с лукавством, означавшим, что, мол, меня вы можете не стесняться, говорите, что вы эскимос, я поверю.

Задорнов уже начинал злиться, и дама это заметила.

– А выглядите вы все равно хорошо, – сказала она и отошла. Михаил только руками развел.

«Никогда наша страна не оскудеет идиотами», – вспомнили мы тогда фразу Александра Иванова, ведущего телепередачи «Вокруг смеха», с которой началась задорновская слава. Наши идиоты и их идиотства – питательная среда для всех писателей-сатириков, и Задорнов тут не исключение. Но он умеет все эти перлы подмечать и выявлять так, как мало кто другой, поэтому его слава заслужена и персонифицирована: его интонации, его сарказм ни с чем не спутаешь. Как никто он умеет сделать из политика болвана (впрочем, и наоборот тоже), и совсем не

случайно его слава достигла апогея именно в тот момент, когда наша знаменитая перестройка достигла, в свою очередь, абсурда. Он этот абсурд угадал чуть раньше, чем тот фактически состоялся. Такое, кстати, у него часто случается. «Прогноз» Задорнова часто сбывается, и это даже несколько страшновато. А в пик абсурда перестройки Задорнов увенчал его, как елку – верхушкой, своим поздравлением всего постсоветского народа с Новым годом. В полночь. Вместо президента. По телевизору и радио, под бой кремлевских курантов.

«Страна дошла, – шутил он тогда, – сатирик вместо президента». Однако не дошла. Все доходит и доходит… И это – неисчерпаемый источник вдохновения для нашего героя.

Вообще президентам от него достается сильно: и старым, и новым, и, по-моему, даже будущим; причем тогда, когда это вроде как запрещено, и уж во всяком случае – опасно.

Это потом редко кто не пинал М.С.Горбачева, не понимая при этом, что служит живой иллюстрацией к басне Крылова о поверженном льве и осле, который его лягает с наслаждением вчерашнего раба. Однако пока он не был повержен, пародисты и сатирики язвили и иронизировали только по своим кухням, а Задорнов уже делал это на огромных концертных площадках, о чем, скорее всего, сейчас жалеет, ибо Михаил Сергеевич выглядит нынче рафинированным интеллигентом по сравнению с некоторыми действующими «императорами» от политики и экономики. Ну что ж, над ними Задорнов смеется сейчас и вновь, как правило, начинает первым, а остальные собратья по цеху уже потом легко скользят по проторенной им, Задорновым, лыжне. В нем есть и отвага, и злость.

Мне известны все причины раздражения и недовольства Задорновым со стороны некоторых патриотов «чистого» искусства и литературы. Я слышал от них, что он, мол, работает на потребу публике, что временами опускается до пошлости и т. д., и т. п. У меня только одно возражение: эта «публика» составляет сейчас 99 % населения, и надо это признать, успокоиться и перестать кичиться тем, что ты наслаждаешься музыкой Шнитке и перечитываешь ночами Шопенгауэра. И для этих 99 % кто-то должен что-то делать. Правда, тут есть нюанс…

Если уж ты заставил эту публику *всеми* средствами, имеющимися в твоем распоряжении, даже животным хохотом над сомнительными шутками, слушать себя, дальше ты не имеешь права не сделать хотя бы попытки излечения вкуса и нравственности; не имеешь права продолжать кормить её *только* тем эстрадным попкорном, к которому она уже привыкла и который глотает, не разжевывая.

Так вот: Задорнов эти попытки делает. В каждом его концерте есть два-три момента, когда он всех подводит к зеркалу и заставляет посмотреть на себя если не с отвращением, то с испугом. Можно винить всё и всех вокруг, но это путь тупиковый; надо учиться спрашивать с себя. И он эту простую, но крайне важную мысль постоянно старается внушить зрителям, которые с изумительным даже для русского человека мазохизмом ржут над тем, как они глупы, жадны, необразованны или бессовестны. Но в кого-то непременно попадает, и постоянные удары этой мухи об это стекло, как ни странно, все-таки приводят к мельчайшим пока трещинам. Вы думаете, Задорнов не знает, где он заигрывает с залом? Знает, уверяю вас, но он большой хитрец и хорошо понимает, что с этой публикой разговаривать на санскрите бессмысленно; им надо – по-русски и так, чтобы они хоть что-нибудь поняли.

Однако все это мог бы написать совсем посторонний человек, вовсе с ним не знакомый, а мне уже давно пора переходить к тому, что знаю один я с тех далеких лет, когда мы только познакомились и подружились в 10-й рижской средней школе с производственным, видите ли, обучением. Вот почему это была одиннадцатилетка, и в конце ее я, как и Михаил, получил специальность токаря 1-го разряда, чуть не оттяпав себе мизинец кулачком кулачкового патрона, о чем до сих пор имею памятный знак на нем, на мизинце. А его будущей жене Велте, учащейся то же школы, повезло стать чертежницей-деталировщицей, и если бы не это обстоятельство, не знаю, сумела бы она потом защитить докторскую диссертацию и преподавать в МГУ. Да и Мишка тоже вряд ли что-нибудь написал, если бы не его 1-й разряд. Однако если бы это было *самой* большой глупостью в нашей отчизне, то мы все были бы просто счастливы.

Мишка (поскольку мы с вами поехали в детство, я некоторое время буду называть его так, как тогда) жил в семье простого русского писателя Николая Павловича Задорнова. Простого, да не очень, так как он был лауреатом нескольких Сталинских, а позднее Государственных премий и писал основательно, солидно и, невзирая на премии, просто хорошо. Николай Павлович – по традиции всех почти крупных писателей – не любил истерическую сутолоку больших городов, а любил покой и простор. Все это имелось в Риге, поэтому Мишке повезло вырасти там, где много воды, зелени и неба; как, впрочем, и мне, выросшему в семье простого (теперь уже без оговорок) русского офицера-«оккупанта».

Теперь мне, как это ни цинично, кажется удачей то, что наши отцы не дожили до состояния демократии, которое приличные

люди называют просто хамством, а не очень приличные – свободой. Крылатая фраза Задорнова о стране «с непредсказуемым прошлым» родом оттуда, из этого детства, из Риги, из жизни его отца Николая Павловича.

Что до «свободы», я думаю, порядочный человек не может быть свободен от семьи, от дружбы, от жалости и сострадания к тем, кто оказался вдруг на обочине новой жизни тихо скулящим от голода и унижения. Забегая вперед, скажу: мой друг Задорнов не свободен от вышеназванного. Он старается помогать. И хотя всем помочь нельзя, он старается. И в силу особенного, интеллигентного, дворянского, я бы сказал, воспитания, старается это делать деликатно, так, чтобы человек этого не заметил, чтобы это его не оскорбило и не выглядело милостыней.

Тридцать пять лет назад он жил в Риге на улице Кирова (сейчас это кажется просто смешным), а я за углом – на улице Свердлова. Мы жили практически в ста пятидесяти метрах друг от друга. Мне было 13, ему – 12 лет. Познакомились в школе. Он всякий раз рассказывает, что, мол, мы играли как-то раз в настольный теннис, и я, проиграв, решил взять реванш, спросив, скольких девочек он уже целовал. Покраснев, он соврал, что одну. Тогда я с нахальством опереточного любовника якобы небрежно ответил, что у меня, мол, за плечами уже 75 оцелованных девочек. В каждом новом изложении количество девочек растет, и на моем аналогичном юбилее Мишка назвал число 86. Но согласитесь, сатирик без гиперболы это хуже, чем песня без баяна, слесарь без зубила и (даже страшно подумать!) токарь без кулачкового патрона.

Так вот. После уроков, домашних заданий, тренировок, став на пару часов свободными, мы встречались на углу Свердлова и Кирова и шли в Стрелковый парк гулять. Угол Свердлова и Кирова у всех мальчишек нашего района назывался «пятак»; именно на «пятаке» назначались встречи, нередко там вспыхивали драки, но, замечу, *никогда* не было драк русских с латышами, да и латышский язык мы учили вполне добровольно с 4-го класса, справедливо полагая, что надо знать язык и культуру того места, где живешь. Я и теперь могу кое-как объясниться на латышском языке, а тогда даже разговаривал.

Сейчас будет набор существительных, которые для многих – ничто, а для нас с ним – всё, быть может, даже лучшая часть жизни; и минимум прилагательных, которые тоже могут вдруг понадобиться…

Итак: парк, старые деревья, канал, по берегам заросший ряской, лебеди, домик, кем-то для них построенный, в котором ни один уважающий себя лебедь жить не станет. (Задорнов потом

расскажет об этом домике на концерте, добавив, что на нем висела табличка «Посторонним вход воспрещен», и сопровождая комментариями типа «Посторонним лебедям?..» или «Кому придет в голову лезть в этот домик?» Я, честно говоря, этой таблички не помню, но органичный симбиоз увиденного и затем доведенного до маразма всегда был одним из его основных приемов.) Ну, дальше… Беседка у канала, каменные ступени, слегка тронутые мхом, – вниз к воде; фонтан в глубине парка, никогда не работавший, в виде какого-то каменного идола (у него изо рта должна была бить струя, но я это наблюдал только раз в жизни); скамейки, на которых тогда еще ни один урод не увековечил свое имя; первый поцелуй на этих скамейках со школьными же девчонками – скромный и целомудренный, я бы сказал, сексуальный опыт, призванный большей частью преодолеть застенчивость; нежность, романтизм, сентиментальность, которые стыдно выразить; тени, фонари, запах сирени, стихи Блока; смутное брожение внутри, готовность номер один к любви, которой пока все не было; мучительный и ложный стыд оттого, что выгляжу не так, говорю не так, беру за руку не так, может быть, не нравлюсь, а навязываюсь… Кстати, наверное, пытаясь изо всех сил освободиться от пут этой застенчивости, мы иногда пускались в совершенно наглые авантюры, которые можно было квалифицировать только статьей «хулиганство».

Однажды Задорнов переоделся в девушку: ему был сделан соответствующий макияж (сестра Мила помогала), были надеты черные чулки (не колготки, замечу, так как это потом сыграло свою роль, вы увидите); подобраны туфли на высоком каблуке и даже какая-то ретрошляпка с вуалеткой.

И пошли мы по улице Кирова к улице Ленина, то есть к центральной улице всех городов страны в то время. Сценарий был пока неясен: помню, мы решили изображать ссорящуюся пару, а дальше – как пойдет. Моя роль была попроще, я все-таки играл юношу, а значит в некотором смысле был ближе к себе. Мишке же было сложнее: туфли жали, ему было неудобно идти на высоких каблуках, кроме того, надо было ломкий юношеский баритон каким-то образом превратить в девичий щебет. Единственным способом, известным нам, было перейти на дискант; это звучало фальшиво и визгливо, но, как ни странно, работало на образ, придавая ему омерзительный оттенок капризности, склочности и вульгарности. Таким голосом можно и нужно было ругаться. В создаваемом наспех образе угадывалась стерва…

И вот пошли… Кстати, о «пошли». Мало того что туфли были на высоком каблуке, мало того что жали, он ведь пытался еще при

этом изобразить *женскую* походку. Поэтому, почти хромая, не забывал развязно вихлять бедрами и в манере привокзальной шлюхи мне что-то выговаривать. На нас, вернее, на «нее», стали обращать внимание мужчины. Они, видимо, думали, что «она» сейчас со своим кавалером поссорится и тут они ее, тепленькую, и возьмут. Поэтому некоторые просто разворачивались и уже шли за нами, вожделенно глядя на задорновские ножки. Положение становилось критическим, игра зашла далеко. И тут у него сполз чулок. Стало совсем конфузно. Шмыгнув в ближайшую подворотню, Мишка задрал юбку и стал его поправлять. Это была уже откровенная эротика с точки зрения трех-четырех мужчин, как бы невзначай остановившихся неподалеку. Один из них, самый наглый, подошел поближе, чтобы лучше видеть. Тут бы мне, наконец, вступиться за честь «дамы», но Задорнов меня опередил, он к этому времени уже закипал сам. Вернув подол юбки на место, он нарочито враскоряку пошел на эротомана и, возвратив голос в привычный регистр, этак баском рявкнул ему: «Чё те надо?! Чё те надо? Я вот тебе щас как дам! Пшел отсюда!» Я думаю теперь, что именно из той подворотни выросла песня, ставшая потом всенародным хитом: «Ты скажи, ты скажи, чё те надо, чё те надо. Я те дам, я те дам, чё ты хошь»… Того мужика надо было видеть. Комичное выражение лица человека, который почувствовал, что вот именно сейчас у него поехал чердак и он никак не может удержать его на месте. Мужик затряс головой и попятился от Задорнова, как от привидения. Наверно, долго потом на улице к девушкам не подходил бедный.

Но и это еще не все. Надо было возвращаться домой, и быстро – с чулком отношения не налаживались. Поэтому обратный путь мы проделали бегом, ничего не придумав более изящного, чем чтобы я бежал впереди, а он («она»!), сняв туфли, в одних сползающих чулках – за мной, с визгом: «Когда, сволочь, будешь алименты платить?!» Та еще шуточка! По сравнению с ней сегодняшний эстрадный пошляк – просто Оскар Уайльд.

Но в этой новелле о Задорнове, Риге и школе я не могу не сказать кое-чего о спорте. Как вы думаете, почему в заголовке написано «2 × 25»?

У нас была очень спортивная школа. Все занимались в какой-нибудь спортивной секции или во что-то играли в свободное время. Ну, настольный теннис – это само собой. То, что сейчас Миша играет в теннис большой, – тоже понятно (большому, так сказать, кораблю – большой теннис). Я о том, что в «маленький» он играл виртуозно, может быть, лучше всех в школе, где-то на уровне 1-го разряда. Но в его игре не было присущего мастерам силового напора, а были грация и артистизм; ему было лучше

промазать, но ударить красиво. Природная реакция, координация, то, что изначально необходимо всем спортсменам, – тоже при нем, но вот чтоб красиво – это не у всех…

Когда он стоял в воротах сборной школы по гандболу, на это стоило посмотреть, а в пляжный волейбол он играл так, что люди, гуляя вдоль моря, останавливались на минуту-другую полюбоваться этими пластическими этюдами. Вообще он к любой спортивной забаве относился так, будто на него смотрят тысячи зрителей.

Но относиться – это еще не всё, мало ли кто из нас хочет красиво… А у него – получается. С детства и до сих пор. Вы посмотрите, как он одевается, как стоит на сцене, как разговаривает! Какой-нибудь член палаты лордов выглядит, по сравнению с ним, просто хорошо одетым официантом.

Так почему же все-таки «2 × 25», а не сразу – результат умножения? Да потому что все эти спортивные навыки остались при нем, а отчасти даже выросли по сравнению со школьными годами. Ну, как он садится на шпагат в костюме от Ив Сен-Лорана или ходит на руках – это уже по телевизору видела вся страна, поэтому мы на этом останавливаться не будем. Все дело в том, что Задорнов, как это ни странно, сейчас на руках может пройти больше, чем двадцать пять лет назад. Он сейчас может пробежать десять километров, а тогда не мог. Он никак не желает относиться к своему возрасту и тем более – склоняться перед ним, потому что Миша по натуре борец и победитель.

Одна из выдающихся дам XX века, Коко Шанель, однажды заметила, что после пятидесяти человеку столько, сколько он сам захочет. И сколько бы Задорнов ни кокетничал по поводу своего здоровья, сколько бы ни лечился у всяких оккультных шарлатанов, это никак не может развалить его крепнущий год от года организм. Лечиться для него – это что-то вроде хобби. Он никогда не знает конкретно, что лечит, но сам процесс его занимает. И сколько бы медицина, повторяю, ни делала для того, чтобы ему было пятьдесят, – ему все равно – два раза по двадцать пять, и только потому, что свое здоровье он делает сам.

Итак, мы в Риге. Выяснилось, что этот парк, казавшийся тогда целым миром, можно обойти за пятнадцать минут. После Москвы все кажется таким маленьким. Да Рига и в самом деле декоративно-маленькая. Но по-прежнему красивая. *Skaista*. «Скайста» – напишу-ка я *по-латышски – русскими* буквами…

А в Юрмале – дачи забиты, большинство домов отдыха – закрыто. Той танцплощадки, на которой мы с Мишкой в первый раз в жизни познакомились со взрослыми девушками, кажется,

вовсе нет. А если и есть, то не найдешь… А если и найдешь – то стоит ли?.. Есть доля иронии в том, что они оказались москвичками и мы потом приехали на каникулах к ним в Москву. Так нас там и ждали… Влюбленные школьники, мы не знали тогда, что в столице, в чаду мегаполиса – совершенно другая жизнь, мы оказались вовсе не нужны: ни этим девушкам, ни этому городу. А там, в Юрмале, все казалось таким возможным, влюбленность была так близка, и глупая музыка так играла…

И что сейчас?.. С Москвой он, мягко говоря, разобрался. Да и я отчасти – тоже. А Рига и Юрмала остались. Внутри. А у него еще и снаружи, потому что там у него мама, родные, и он часто там бывает. По этому поводу я ему даже чуть-чуть завидую…

Тут, знаете ли, есть какая-то очень личная гордость, свое достоинство в том, что мы выросли не в московских коробках, а в этих причудливых, похожих на декорации к сказкам Андерсена домах и на этих улицах; что дышали неповторимой смесью моря, сосен и свежести, а не выхлопными газами Тверской улицы; что плескались в детстве не в Останкинском пруду, а в Рижском заливе.

– Вы откуда? – спрашивают меня.

– Из Риги, – отвечаю я небрежно и ловлю себя на нелепой (особенно теперь) гордости, что я оттуда. Будто я сказал, по меньшей мере, что из Парижа…

Я люблю этот город и все, что связано с ним. Но центрального персонажа этого (уж и не знаю, как назвать) произведения я люблю особенно: вероятно, как часть собственной души, представляющую собой тот пестрый коктейль, с которым вы постепенно знакомитесь…

Однако оставим душу: материалист Задорнов, в детстве чемпион районных и городских математических олимпиад, этого не поймет. Стало быть, в моем сердце… Нет, опять не то, он же спросит, а где конкретно? Ну хорошо, в моем мозгу (уж там-то столько таинственных мест, что анатомия пасует), в дремучих лесах моего сознания и подсознания – есть поляна Задорнова. Или лучше – «Мишкина поляна»… Она там всегда есть. Она не может быть никем занята, на какие бы сроки мы ни разлучались. И он там сидит – строгий, подтянутый, красивый, 25-летний…

– Мишка, – говорю я ему, – давай в длину с места прыгнем, как тогда на пляже. Кто сейчас дальше?

– Давай, – говорит он.

И мы прыгаем… В одну сторону…

Тут уже упоминалось, что Михаил был победителем нескольких математических олимпиад, а затем учился в двух

технических вузах, что свидетельствует об определенном складе ума. Он будто заранее просчитывает успех у публики. Так поступает не он один (а например, и Петросян), но разница в том, что другие работают только на сегодняшний успех – а иногда даже на вчерашний, – полагая, что бородатые шутки про тещу и алкоголь актуальны всегда; и, к сожалению, перед определенной аудиторией, которая среди эстрадников именуется «народом», метод срабатывает. Подавляющее большинство такого «народа» (а телекамера нам их показывает) представляет собой особенное скопление удивительно некрасивых лиц, часто испитых и с плохими зубами, которые особенно видны, когда зрители смеются над всем тем, что им впаривают с эстрады. Они исступленно ржут над шуткой, от которой человеку, прочитавшему в жизни хотя бы дюжину книг, становится нестерпимо стыдно, как если бы он сам эту хохму произнес.

Задорнов же работает словно для какого-то другого народа. У него в зале сидит другая публика. И шутит он часто не как вчера, а как завтра. Математический ум безошибочно подсказывает ему, как можно посмеяться не только над прошлым, но и над будущим. Таким образом математик, в тесном содружестве с сатириком и артистом, всегда строит, как он сам выражается – «смехограмму концерта». Эти способности распространяются не только на собственные концерты, вообще на всё. Однажды он выразился по поводу одного певца, что у него, мол, песня стоит на месте. Нет развития. Надо строить график песни – кривую.

Однако приходит время, когда ему все это надоедает, он совсем останавливается и бросает концерты, искренне надеясь, что навсегда. Тогда Михаил говорит вещи совершенно нетипичные для него: «У меня сейчас нет концертов. Концерты мешают созерцанию жизни». Строит на своей даче пирамиду размером с небольшой дом и в ней спит. Иногда пишет. Пирамида, считает он, – особенный концентрат особенной энергии, которая помогает человеку правильно жить и мыслить. Затем артистическая составляющая его натуры берет свое, и концерты возобновляются. Тем более что «созерцание жизни» денег не приносит. Наоборот, на созерцание жизни их надо тратить, и чем больше созерцаешь, тем быстрее они тают.

В последнее время мой друг всерьез увлекся лингвистическими изысканиями и историей России в соотношении с историей других стран.

И, согласитесь, что это куда лучше, чем посвятить всю жизнь анекдотам из рюмочных, кривляньям и ужимкам. Тем более когда тебе уже «2 × 30».

Про Филатова
Бурные, продолжительные…

…хотите – овации, хотите – аплодисменты, подходит и то и другое. Ими был встречен Леонид Филатов, когда впервые вышел на сцену после пятилетнего перерыва. Это происходило на сцене театра «Школа современной пьесы». Идея собрать авторский вечер пишущих артистов принадлежала руководителю театра Иосифу Райхельгаузу. И вечер этот, надо сказать, более чем удался. Билеты были проданы задолго до намеченной даты, и зал был набит битком; люди стояли в проходах, а те, кто не проникли внутрь, слушали из коридора. Ну еще бы! Как заманчиво было увидеть и услышать знаменитых артистов: Гафта, Юрского, Дурова, но не в их традиционном актерском качестве, а в другом, литературном. Идея была бесспорно удачной и еще добавила очков репутации театра, проводившего на своей сцене вечера Окуджавы, а также бенефисы Татьяны Васильевой или Михаила Глузского и другие не менее благородные мероприятия.

Однако еще одна навязчивая, но плодотворная идея билась в предприимчивых головах организаторов: как бы затащить на этот вечер, на эту сцену Леонида Филатова, который в литературно-творческом смысле был просто обязан украсить собой эту компанию, а вот в физическом смысле – не мог. Вернее, думал, что не мог, а на самом-то деле – смог, хотя и чувствовал себя слабо, неуверенно и очень нервничал: ведь он целых пять лет на сцену не выходил. Леонид отказывался, не хотел, боялся, но в конце концов его удалось уговорить. Ему объяснили, что на сцене будет стоять стул, он будет читать сидя и, если хочет, даже курить, перед ним поставят столик с микрофоном и пепельницей, то есть будет самая привычная и комфортная обстановка. Райхельгауз, ненавидящий курение, шел даже на это, смирившись с тем, что Филатов без сигареты – такой же нонсенс, как Пушкин без Дантеса.

В общем, без охоты и тем более без куража, но Леонид согласился. И вот, когда его объявил Дуров, началось то, что обозначено в заголовке. А потом весь зал встал и хлопал стоя. Долго. Ему все были благодарны за то, что он в очередной раз себя преодолел и вышел на сцену. Еще несколько минут они так и стояли друг перед другом – благодарный зал и благодарный ему за этот прием Филатов. А потом он прочел два отрывка из своей новой стихотворной пьесы «Лисистрата», после чего опять начались бурные, продолжительные аплодисменты.

Я хорошо понимаю, что сам Леонид расценивал это свое выступление как равноправное партнерство, как обычное участие

в концерте наравне с другими артистами-литераторами; и это еще в лучшем случае, потому что ему свойственно постоянно принижать свое значение в истории русской литературы 60-90-х годов, в развитии изящной словесности и поэтической драматургии, которая никак не хотела развиваться со времен Грибоедова. (Ух, он мне и даст за эти фанфары! Я так и слышу, как он тут покроет «свое значение в русской литературе» отборным непечатным текстом. Поэтому я специально и окрасил весь этот пассаж ироническим пафосом. Почти шутя… Однако в каждой шутке есть сами знаете что…) Чаще всего свое место в русской словесности Филатов принижает следующим образом: свои стихи он все время называет «стишками», а каждую новую пьесу в стихах – «фигней» (он, конечно, вместо «фигни» употребляет более сильное выражение. Так вот равноправное в лучшем случае партнерство – это его позиция, его личное мнение, однако мне доподлинно известно, что большинство людей рвались на этот концерт только для того, чтобы увидеть Леню и вот так ему похлопать.

Все оказалось так хорошо, что он тут же согласился и на второй концерт. Который и состоялся почти в том же составе 2 июня. Не было только Дурова (он уехал на гастроли), но зато появились Рязанов и Шендерович. Этот вечер, столь же успешный, как и первый, был несколько омрачен передачей Райхельгаузом денег Филатову, что сладострастно и подробно описывалось по ТВ в новостях культуры, так что эта акция выглядела просто-таки центральным событием культурной жизни страны. Да, действительно, это был бенефис Леонида, а на бенефисе, как известно, весь сбор – в пользу бенефицианта. Это обычная практика, а не исключение, и представлять его бенефис как некую благотворительную акцию, сбор денег на лекарства – по меньшей мере дурной тон. Тем более что Леня вполне прилично зарабатывает себе на лекарства литературным трудом: книги издаются, пьесы покупаются; так что – спасибо, конечно, за вашу доброту, но вот так – лучше не стоит…

Да и вообще, делать добро, я думаю, надо скромно, а не трезвонить об этом на весь белый свет. А наше ТВ очень любит поговорить о доброте, не затратив ничего, и еще порассуждать о нравственности, будучи по большей части абсолютно безнравственным. Редчайшие исключения бывают, конечно: например, передача все того же Филатова «Чтобы помнили», но это так, случайный траурный цветок посреди помойки. А деньги, к которым наше ТВ отнеслось с таким вниманием, что деньги?.. К ним Филатов всю жизнь относился без трепета. Да и сумма, переданная в рублях и далеко не в самых крупных купюрах, а

поэтому имевшая вид весьма внушительного пакета, между нами говоря, рассмешила бы не только Березовского, но даже Якубовича. ТВ, однако, решило подчеркнуть этот псевдонравственный аспект и сфокусировать наше внимание именно на нем, еще раз подтвердив, что мы в рынок не вошли, а вползли. На коленях и просительно поскуливая.

Ну да бог с ним, не будем о плохом. Ведь главным-то было другое: то, что Леня появился на сцене, хотя больше на это не рассчитывал, то, что этого вроде как и не должно было случиться, а все ж таки состоялось. С чем мы его от всего сердца и поздравляем! И знаем теперь, что он будет выступать еще и еще, и разговаривать будет лучше, и чувствовать себя бодрее и увереннее, и смеяться будет чаще, и напишет целую кучу своей так называемой «фигни», которая многих еще удивит и обрадует. А все, кто его любит, ему в этом помогут.

Бело-розовая пастила для Леонида Филатова (К 50-летию Леонида Филатова. Постъюбилейный десерт)

Почему-то в студенческие годы из еды Филатов больше всего ценил рыбные палочки и бело-розовую пастилу – самые дешевые, непритязательные и даже оскорбительные для гурмана продукты.

Это загадка… Быть может, эти палочки были неким фаллическим символом, ироническим предзнаменованием того периода, когда наша бедовая журналистика приклеила к нему ярлык секс-символа, супермена и черт знает кого еще, на что Филатов реагировал с комическим ужасом: «Что они, с ума посходили, что ли?! Я ведь и не на каждом пляже рискую свое тело показать». Написать о нем в этом роде значило примерно то же, что однажды Жванецкий сказал о знакомом писателе: «Он из всех писателей – самый красивый».

Суперменство было у нас тогда не в цене. Даже деньги были не в цене. А в цене были ум, талант, достоинство, поступок… Еще можно вспомнить древнерусское слово «честь». Ну, чувство юмора еще… Да и как иначе, если нашим учителем была вовсе не жизнь, а лучшие образцы литературы. А это неполезно и даже драматично для учеников. Из них выходят идеалисты, рыцари, борцы за справедливость, поэты и влюбленные идиоты – словом, мусор, который в сегодняшнюю жизнь вообще не вписывается. Хотя допускаю, что когда-нибудь, в необозримом будущем, вдруг выяснится, что в России и не было ничего лучше литературы и искусства.

И Бог именно в этой области дал Филатову несколько

дарований. Он поэт, драматург, артист и режиссер, и в каждой из этих ипостасей он – профессионал. И в каждой из этих профессий он совершает поступки, что, собственно, и отличает мужчину от не совсем мужчины. Многие ограничиваются нытьем. Например: «Что это у нас за страна такая, где никто никого не жалеет, никто никого не помнит». А Филатов придумывает, а потом берет и делает передачу с яростным названием «Чтобы помнили». И если забыли – то он заставит вспомнить. Температура его любви или ненависти всегда была очень высока. Если ненавидел, то даже как бы вскользь брошенная метафора, к тому же окрашенная фирменным ядом Филатова, могла человека попросту уничтожить, потому что Леня бил именно в то место, которые человек пытался скрыть или приукрасить.

О, этот яд производства Филатова! Кобра может отдыхать, ей там делать нечего. Поэтому собеседники, начальники и даже товарищи чувствовали некоторое напряжение, общаясь с ним. Хлопая по плечу – побаивались и уважали. Уважение было доминирующей чертой всех последних праздников в честь Филатова. Государственная премия, или юбилей в театре, или премия «Тэффи» – все вставали. Весь зал! И было ясно, что если кто-то его и не любит, то нет ни одного, кто бы не уважал.

Много лет назад большой русский поэт Евгений Баратынский подытожил свои размышления о цели творчества. Или даже жизни. «Дарование есть поручение, и до́лжно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия». Часть этих поручений Филатов исполнил. Как актер, в первую очередь. Меньше – как режиссер и поэт. Исполняй, Леня. Как можно лучше! И как можно дольше. И мы все еще не один раз крикнем тебе: «Браво, Филатов!»

Про Эфроса
(На вечере его памяти)

Трудно говорить об Эфросе в присутствии главных фигурантов его творческой биографии. То, что для нас – студентов театрального училища им. Щукина Леонида Филатова, Кайдановского, Руслановой, Галкина, меня – он был Богом искусства – это понятно. Что всю его команду мы считали небожителями – тоже ясно. Были, как известно, два театра, в которые в ту пору ломились, – Таганка и Ленком, а уже затем Театр на Малой Бронной. Странно, два совершенно разных театра – и невероятный успех у обоих. Театр Любимова с его агрессивной социальностью и театр Эфроса, занимавшийся исследованием движений человеческой души. Оба подвергались преследованиям, в обоих запрещали спектакли.

Почему безобидное направление искусства Эфроса бесило власти? Видимо, изучение внутреннего мира человека, поиск правды, красоты, гармонии, благородства, вкуса не менее опасны для государства, чем прямая борьба за свободу в другом театре. Я вот часто думаю, что остается после артиста и режиссера. Да мало что остается. От Мейерхольда – воспоминания современников, литература, фотографии, утверждения, что он гений, которые мы должны принимать на веру, так как сами спектаклей не видели. От Вахтангова – то же самое плюс традиции, свято соблюдаемые театром по сей день. От Станиславского – букварь для начинающих артистов, катехизис в освоении профессией. Что от Эфроса? Несколько книг, несколько фильмов, которые не отражают полностью того, что он умел делать каким-то волшебным образом. Казалось бы – маловато. Может быть, не скажу ничего нового, хотя, кажется, об этом никто не говорил: выросло несколько поколений, видевших «Месяц в деревне» и потому – ставших *другими*, воспитавших своих детей по-другому. Меня его репетиции тоже изменили. После него я стал другим.

И тогда придет Эфрос

«Ах, господа, господа! Вглядитесь в меня внимательней, поднимитесь над своей узостью, озабоченностью, равнодушием, пересильте свою глухоту, услышьте меня. Не станет

меня, и Царское Село, отечество Пушкина и всей его плеяды, дивная раковина, где вызревал жемчуг русской поэзии, станет просто мещанским городишком, под боком дряхлеющих садов, забывающих собственную легенду. И о вас, господа, вспомнят лишь потому, что вы были моими соседями и современниками. О, сколько слепоты, глухоты, необъяснимой тупости, сколько жестокости, рассеянности, невнимательности, ослиного упрямства и непросвещенности несет в себе слово "современник"!»

Юрий Нагибин (из романа об Иннокентии Анненском).

Что остается после режиссера или актера, даже названного впоследствии великим? Воспоминание, легенда, улица или переулок его имени? И это в лучшем случае, ибо прерогатива нетленного – всегда за литературой, музыкой или живописью, выраженных предметно – в словах, нотах, красках. А что за создание спектакль? Это как возведение воздушного замка или карточного домика: вот он построен, вот он виден, вот он в цвете и звуке – кончился и рассыпался…

Как удержать, зафиксировать хрупкую интонацию Яковлевой, подвижную и плотную, как ртуть, энергетику Дурова, драматическую смурь и изящную неуклюжесть Волкова? Я нарочно употребляю, казалось бы, несовместимые слова, так как изящная неуклюжесть возможна была только в его, Эфроса, спектаклях. На пленке не получается: что-то главное уходит, не берет его целлулоид. Даже в книгах самого Мастера – тоже не получается, потому что бессильно слово перед аурой живого спектакля. Перед тем полем, которое создавалось на два-три часа, чтобы постепенно погаснуть с огнями рампы, но еще долго светить в глазах и душах людей, посмотревших, скажем, эфросовский спектакль «Месяц в деревне». Как удержать и зафиксировать искусство сиюминутное, творящееся на наших глазах, столь же быстротечное и прекрасное, как тихо падающий снег? Каждый, наверное, испытывал такие острые, чувственно-прекрасные моменты в своей жизни, которые хотелось удержать, внутренне сфотографировать и спрятать в альбом. А они ускользали. И пойманная в ладонь снежинка неизбежно

превращалась в воду.

Эфрос когда-то написал книгу «Репетиция – любовь моя». О, эти репетиции! Когда зрителями и ценителями его фантазий, полетов и импровизаций были всего два-три актера. Мы несколько месяцев репетировали «Лето и дым» Теннесси Уильямса практически втроем: Эфрос, Яковлева и я. Меня он пригласил на роль Джона в Театр на Малой Бронной.

Наверное, я запомнился Эфросу тем, что в честь его визита в Московский ТЮЗ совершил подвиг, сыграв спектакль «Я, бабушка, Илико и Илларион» с температурой сорок. Хотя для меня в том была своя тщеславная корысть: я знал, что эту работу делаю неплохо. Мне очень хотелось блеснуть перед Эфросом, который для меня, тогда еще совсем молодого артиста, был сутью искусства. Грузинский режиссер Г.Лордкипанидзе, который ставил у нас этот спектакль, в тот вечер пришел ко мне в гримерную вместе с завтруппой, директором и помрежем. Я лежал на диванчике, а возле меня еще хлопотали врач и медсестра скорой помощи. У всех в глазах застыла странная смесь сострадания и решимости упросить меня пожертвовать собой. Григорий Давыдович наклонился ко мне и выдохнул с убедительной мольбой, еще более выразительной при его грузинском акценте: «Пришел Анатолий Васильевич Эфрос. Я, канэчно, тебя не заставляю. Но мнэ это тоже очень нужно. Будэшь играть?»

И я играл. Это было полуобморочное состояние. Насчет блеснуть – это я, конечно, размечтался. Но в спектакле было несколько беспроигрышно смешных сцен, и я впервые со сцены услышал, как смеется Эфрос. А потом улучил момент, когда у меня была большая пауза, и посмотрел. До этого я никогда не наблюдал Эфроса вблизи. Первое, что я увидел и услышал, – его смех: заразительный детский хохот до слез. Представьте себе два ряда абсолютно белых и ровных зубов, высокий лоб и куда-то назад летящий чубчик седых волос.

Прошло семь лет, и он меня позвал. Если бы Эфрос меня пригласил на эпизод, я бы и то побежал. А тут – «Лето и дым», да еще пьеса Теннесси Уильямса, да еще и главная роль, да еще с Ольгой Яковлевой. И началось…

Я думал, что-то умею. Главные роли уже были, вкус успеха, например, в спектакле ТЮЗа «Три мушкетера», мне уже был знаком. Но через несколько репетиций стало ясно, что сейчас я занимаюсь искусством высшей пробы, что между тем и этим – такая же разница, как между зеленым чешским стеклом и изумрудом. Это все еще предстояло освоить. Но школа была легкой и изящной, как и сам эфросовский талант. Мне тогда

казалось, что Эфрос может научить играть даже пень, настолько понятно он все объяснял, а если надо – показывал, пропуская все через себя, проверял, в правильном ли направлении движется. Он так внедрялся в этот показ, что однажды, проверяя Олину линию (а я подавал ему реплики), очень смешно, но совершенно не замечая этого, говорил за нее: «Так, я пошла сюда» или «И тут я сказала».

Кто-то из артистов, еще до того как я начал работать с Эфросом, с восторгом рассказывал, как он репетировал сцену. У актера совсем не получался монолог, в котором звучала досада на свою пропащую жизнь и на общество, в котором он живет. И тогда Эфрос сказал: «Вам душно. А все окна в этой комнате закрыты. Вы пытаетесь открыть это окно, а там что-то заело, и вы его дергаете, дергаете – и никак. Весь свой монолог кладите на это действие, всю вашу злость и досаду – на это проклятое окно». И у артиста сразу пошло, все получилось.

Эфрос на репетициях мог запросто отказаться от находки, за которую другой режиссер уцепился бы и довел до премьеры. А расточительный Эфрос с поистине моцартовской легкостью отмахивался: «А-а! (небрежный взмах рукой). Завтра придумаем что-нибудь другое». И назавтра происходило что-то иное. Если не лучше то, во всяком случае не хуже вчерашнего.

Он возвращал артиста к исконному смыслу профессии, к ее радости – игре. «А давай попробуем так. А если наоборот, если она так, то ты как?» И артисты на время становились детьми, как и он сам. Настолько занимателен был этот процесс, столько было в нем кайфа (кайф для меня – нечто среднее между удовольствием и счастьем: удовольствие в этом случае – слишком слабо, а счастье – слишком сильно), что конечный результат – когда уже есть зритель, когда премьера – становился как бы неважен. Мне было жаль зрителя, который не участвует вместе с нами в этой игре. Но… каждому свое. У зрителя свой кайф. Он сначала увидит все извне, а потом его сделают соучастником спектакля. Придут катарсис, смех, слезы, радость и горечь узнавания себя в той или иной ситуации. И еще будет ощущение того, что тебе преподали урок вкуса. Эфрос, как никто, умел дать столько, сколько надо, чтобы зрителю еще осталось додумать и допереживать, чтобы осталась счастливая возможность об остальном догадаться самому. В том, что делал Эфрос, не было конкретики, определенности борцов за народное счастье. Нет, он далеко не борец. Он плакал, когда у него отбирали Ленком…

Было бы неплохо, если бы наши начальники, те, что отнимают и раздают театры, не относились бы каждый к себе как к мессии, а к своим делам – как к миссии. Они не жалеют и

больно бьют, а иногда и промаргивают художников-неборцов. С борцами-то как раз все в порядке: они – свои, даже если в оппозиции, группа крови – та же. А вот неборцы – те чужие, как правило, все о вечном, дурачки малахольные, а нам сейчас надо, «вчера было рано, а послезавтра – поздно».

И вот такой неборец Эфрос попадает в Театр на Таганке, в театр окрепших и закаленных в борьбе за место под солнцем людей. Представьте себе, что георгин по идиотской прихоти судьбы попадает в заросли крапивы. В этой истории нельзя искать виноватых. Нельзя учить крапиву цвести и пахнуть, у нее другие достоинства. Она выживает в тяжелых условиях, кусается, растет высоко и мощно, и из нее получается чрезвычайно полезный, полный витаминов крапивный суп.

Эфрос был другим. Когда он пытался стать борцом, эдаким крапивным георгином – ему это так не шло, что сразу становилось ясно: не его язык, не его метод, не его искусство, не его среда. Он потерял почву под ногами. И умер.

Может, кто-то сочтет эту аналогию дерзкой, но я намеренно ставлю в один ряд (по качеству таланта, по веселой легкости и естественности): Моцарт – Пушкин – Эфрос. Пушкин тоже иногда воображал себя борцом: и руку тренировал тяжелой тростью, и стрелять учился, фехтовал здорово. И ребячески высоко ценил эти умения в себе еще и потому, что они были непреходяще важными в глазах света, который он уважал непонятно за что. Насколько же этот борец оказался ранимым и не защищенным от грязной сплетни, от того, как он выглядит в глазах света, от пошлейшей насмешки, пусть даже воображаемой! Вот и Эфрос поднимал тяжести и иногда воображал себя борцом, чувствуя, наверное, что на земле, где он живет, это качество необходимо.

Я все ищу определение эфросовскому дару. Мне все время хотелось его каким-то словом назвать. И теперь я знаю: талант Эфроса был грациозен. В живописи есть борец – Микеланджело, и неборец – Модильяни, и в музыке есть борец Бетховен, но есть и Моцарт – неборец. Да и в режиссуре мы знаем борца Ефремова и вовсе не борца Виктюка. И нет необходимости уничтожать одних, чтобы жили другие. Хотя по какому-то дьявольскому закону грациозный талант, идущий своей дорогой, погибает первым. Ибо он – мешает, ибо он – бесконечный и мягкий упрек всем кусающимся, царапающимся и крикливым. Но ничего, ничего… «Ни словечка, ни улыбки – немота. Но зато… дуэт для скрипки и альта», – как в стихах Давида Самойлова о Моцарте.

Поэт Алексей Дидуров рассказал мне однажды, как Эфрос говорил ему: «Вся страна наша похожа на книгу о вкусной и здоровой пище. Все знают, как приготовить прекрасный торт или

вкусный борщ, но почти никто по этой книге не готовит. То есть мы живем в стране, где нам все время досконально объясняют, как жить чисто, богато, светло, дружно, но никто так не живет. Потому что наш народ делает то, во что верит, а верит тому, что видит. У меня счастливая профессия. Никого ничему не уча, я могу все показать. И мне поверят. Поэтому “Отелло” я буду ставить так: в начале спектакля амфитеатром посажу всех участников, чтобы зритель их подробно разглядел. А в конце спектакля на этом месте останется один Яго, а сзади него – пустые места. Людям все время объясняют, что нехорошо предавать благодетеля, обманывать, разбивать семью, и все слушают и кивают головами, а потом опять предают, обманывают и разрывают. А я покажу. Покажу, что получается, когда предают и обманывают. И все увидят и поверят».

Это каким же надо быть светло-наивным человеком, чтобы так говорить! Насколько же надо быть *над* нашей помойкой, чтобы сказать: «Я покажу, и мне поверят»! И знаете, в этом есть своя высшая правда. Она заключается в ответе на вопрос, поставленный в начале главы: что остается после режиссера? Остается немного. Всего лишь несколько поколений людей, видевших эти спектакли и благодаря им изменившихся, воспитавших затем своих детей по-другому. И вот вам абсолютно материальное воплощение эфемерного, воздушного искусства театра. Эфрос показал не то, во что нас бесконечно тычут сегодня, – как жить нельзя. Он намекнул нам, как жить надобно. Наметил если не конечную цель, то направление, неустанное стремление к красоте, добру, гармонии – к Богу. Он развивал в нас еще один орган чувств. Быть может, кому-то он и не нужен, но это жертвенная, созидательная работа на отдаленное будущее, на которое всегда надеются люди высокого творческого полета.

Он любил и чтил Феллини. Я думаю, даже был похож на него, как похожа последняя улыбка Ольги Яковлевой – Альмы в спектакле «Лето и дым» на прощальную, в финале фильма, улыбку Кабирии – Джульетты Мазины (это улыбка, извиняющаяся за то, что жизнь прошла, прошла, как дым; извините, что я плачу, и надо ведь жить, надо как-то жить дальше…). Как похожи грустные клоуны Феллини на клоунов Эфроса! Разве это не грустные клоуны в том же спектакле «Лето и дым», в литературном кружке, куда Альма приводит Джона, и где все кончается так неудачно, где у каждого маленького персонажа своя незадавшаяся жизнь, и спасаются они только литературой и своими собраниями? Разве не теми же клоунами населен был изумительный спектакль «Женитьба», где все грустное настолько смешно, а все смешное – так грустно?..

Вот я сижу в зале и смотрю «Джинджер и Фред» или «Месяц в деревне». Я даже не могу уловить момент, с которого все началось. Когда меня начала затягивать эта таинственная, мощная магия, когда я стал соучастником этого действа, когда начал переживать, с каких пор у меня мокрое лицо, и я даже не очень понимаю – почему? И вот уже моя душа, очищенная непостижимым образом от всего, что находится за пределами этой театральной коробки – от смрада и грязи, от злобы и невежества, от… боже мой! да от всего того, что *там*, – моя бедная душа стонет и мается и спрашивает вновь и вновь: зачем я родился? Как приходит и куда уходит любовь? Для чего мы живем? Отчего так быстро проходит жизнь, а мы так и не успеваем понять, что такое красота и счастье?! Я тихонько смотрю влево и вправо, мне неудобно, что я так раскис, и вижу, что слева и справа – то же самое: у всех заплаканные и несколько смущенные лица. Нам всем слегка неудобно, нам стыдно за то, чем, в сущности, надо бы гордиться, за то, что наши души умылись наконец и открылись навстречу небесной музыке добра и сострадания. И все это – через узнавание, через призму собственной жизни, к которой у нас столько вопросов. Как это сделано?! «Уму непонятно!..» Разве только сердцу. Искусство такого ранга, такого класса – прямой проводник от Бога к человеку, прямое обращение Его к нам.

Абсолютно точно утверждение, что писатель всю жизнь пишет одну книгу. У Чехова, столь любимого Анатолием Васильевичем, в «Вишневом саде» Аня мечтает «насадить новый сад, роскошнее этого». В «Дяде Ване» Соня верует, что «мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах». И наконец надеется Вершинин в «Трех сестрах», «что все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния. Таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной».

Понадеемся же и мы, что не будет равнодушия, слепоты и глухоты к прекрасному, не будет невыносимой тупости и откровенной жестокости, не будет ослиного упрямства, идущего рука об руку с невежеством. Не будет!

И тогда… придет… Эфрос!..

Про Высоцкого

Гори, гори, его звезда…

Когда твоим именем названа звезда – это уже серьезно. Когда твоим именем не назван даже завалящий астероид, но ты сам называешь себя «звездой», и все в твоем тусовочном бульоне называют друг друга «звездами» – это совсем несерьезно. Но мы настолько к этому привыкли, что нам даже не смешно, как становилось смешно, скажем, при виде четвертой или пятой Звезды Героя у Л.И.Брежнева.

У нас есть популярные и хорошие артисты, есть популярные и плохие, вторых – значительно больше. Но и те и другие называются «звездами», особенно – популярные и плохие. У них какое-то особенное свое сообщество, со своими законами, вкусом, лексикой слов в пятьдесят, помимо междометий, а из этих пятидесяти тридцать – новый русско-американский сленг, причудливая смесь Брайтона и зоны; свои шутки, не смешные остальным, более образованным людям; свои девушки, спутницы-маркитантки, свои поклонники, свои журналисты – короче, своя тусовка, за пределами которой им ничего не интересно.

Такое ощущение, что они ничего не читают, кроме рецензий своих журналистов на свое же «творчество», впрочем, это ведь не рецензии, а, скорее, эпизодические жизнеописания, подсмотренные, как правило, через замочную скважину спален. Эти наши звезды с их личными астрономами, в своем личном космосе, бедные, даже не подозревают, что и они не звезды, и мир их – далеко не космос, а аквариум, в котором они, рыбки наши золотые – гуппи и неоны – резвятся, искрятся, кокетничают и позируют. А за аквариумом в это время следят их продюсеры. Именно они меняют в нем воду и сыплют рыбкам корм. Захотят – подсыплют, захотят – нет, а могу и вовсе рыбку выкинуть и заменить новой…

Ну а те, астрономические, звезды даже понятия не имеют о том, что они звезды. Светят себе и все. А свет их, даже если они умирают, на Земле видят еще долгие-долгие годы. Вот так и с Высоцким. Он бы, наверное, поморщился, если бы его назвали «звездой».

«Работаю – и точка, песни пишу, роли играю». Я сейчас лишь фантазирую, представляю себе, что бы он сказал, но, в сущности, какое я имею право о нем высказываться, когда я даже и знаком-то с ним не был. Так, поздоровался пару раз, когда уже совсем

вблизи оказались, когда не здороваться было просто неудобно. Ну, например, зашел когда-то в гримерную Леонида Филатова на Таганке, а там – он. И не пытался познакомиться ни разу, хотя однажды видел, что он сам хочет познакомиться.

Был в моей жизни период, когда я баловался пародиями, и получалось это настолько успешно, что меня всюду, где бы я ни выступал, просили их исполнить. В числе прочих была пародия и на Высоцкого. И вот однажды на каком-то сборном концерте я пел несколько своих песен на стихи Филатова, а завершал выступление пародиями. И когда пошел выступать, вдруг увидел, что за кулисами стоит он, Высоцкий. Приехал, видимо, с кем-то из артистов, сам выступать не собирался. А я уже знал, что ему нравятся некоторые наши с Филатовым песни, «Полицай», к примеру, и опозориться перед ним не боялся. Но насчет пародий сомнение, помню, у меня возникло: исключить пародию на него или не петь их вовсе? Но я выбрал вариант третий и самый наглый – я спел все. Успех был. И, как обычно, большой. Поскольку пародии, как известно, – один из любимейших нашим народом жанров. Ну, любит наш народ, когда прикалываются, передразнивают и подначивают.

Словом, был успех. И поплыл я на гребне своего триумфа за кулисы. А там Высоцкий стоит. И смотрит на меня с каким-то жадным любопытством и, как мне показалось, с оттенком жалости, как на некое пестрое насекомое, которое вдруг заговорило. Я тогда гордо, поскольку за спиной звучали еще овации, продефилировал мимо и только спустя много лет понял, что овации не имеют того значения, которое мы им придаем, что можно, оказывается, спеть «мальчик хочет в Тамбов, чики-чики-та» или «неужели это я, девочка с огромным бантóм» – и иметь овации. Можно без тени смущения шутить со сцены на уровне «торта в морду» или голого зада – и срывать овации. И если озвучить сожаление, мелькнувшее тогда в его глазах, то оно выглядело бы так: «Господи! Какой же хуйнёй человек занимается, уже имея такую песню, как “Полицай”!»

Но вот то самое жадное любопытство (с которым, я догадываюсь, он всегда вглядывался в мир), наверное, тогда давало мне право и поздороваться, и познакомиться. Я этого не сделал. Жалею? Нет. К нему уже и тогда была большая очередь, я уже не говорю о «потом», а я очередей всегда избегал. Но главное – мера моего уважения к этому человеку была такова, что я не смел лезть, грузить его еще и собой.

Вы заметили, что о своем пути в шоу-бизнесе часто говорят: «мое творчество»? Еще немного и скажут: «мой гений». Хотя шоу-бизнес и творчество друг другу почти противопоказаны.

Математически вычислены рычаги успеха, и – вперед с песней! И один из рычагов именно этот: если публику интересует не то, что, как и зачем человек делает, а то, с кем живет и сколько пьет, – ну так давайте ее этим и накормим.

Слава Богу, Высоцкому это было не нужно, ему не нужно было разогревать свою популярность ничем, кроме новых песен и ролей. Все остальное двигалось автоматически, помимо него, обрастая все новыми мифами, легендами, анекдотами и скандалами. А он просто работал, выдавая одно время по песне в ночь, и рейтинг его не заботил. Только: что, как и зачем! Можем мы сегодня назвать хоть одну «звезду», которая бы не беспокоилась о рейтинге популярности? Ну если и назовем пару человек, то это будет исключение из общего правила и указание на то, что они-то и являются настоящими артистами. У остальных – если рейтинг падает, значит, его надо искусственно подогреть. И как тут не вспомнить горестное восклицание Владимира Оренова в его передаче «Фрак народа» об изумительном клоуне Енгибарове: «Как же их не хватает сейчас: Высоцкого, Енгибарова, Шукшина, Вампилова, чей голос хоть как-нибудь заглушил бы *галдеж популярных пакостников*!»

У Высоцкого – легендарная жизнь, легендарная смерть, людей интересуют подробности – пусть. Но когда-нибудь вся эта пена уйдет, и останется суть – то, для чего он и жил. Мой сын… нет, еще рано, мой внук или правнук откроет книгу и прочтет: «Посмотрите, вот он без страховки идет. Чуть правее наклон – упадет, пропадет», и энергия, рвущаяся из этих строк, заставит его включить магнитофон, и он услышит голос человека, который единственный во всем мире ухитрялся петь согласные. «Чуть по-м-м-м-едл-л-л-ен-н-нее, кони, чуть пом-м-медл-л-лен-н-нее». Эти мужские обертона в лирических песнях или этот рык-крик всем своим существом, всем своим ростом и весом, чтобы быть понятым, чтобы мы этот крик, эту суть услышали, – это повторить никто не может. Есть попытки, но они вызывают только досаду, как бифштекс в тюбике, в виде пасты. Поэтому его песни мало кто исполняет. Может, когда-нибудь кто-то и найдет к ним новый подход, новую, совершенно другую манеру и они зазвучат тоже совсем по-новому. А пока…

Мы с ним не простились и тогда, в 80-м, и сегодня не прощаемся. Потому что он продолжает петь с дисков, с магнитофона, иногда с экрана.

Давно, лет десять тому назад, на одном концерте меня попросили спеть «что-нибудь из Высоцкого». Я ответил тогда единственно возможным для меня способом. Я сказал: «Пусть он сам поет».

Что ему рейтинг, из его космоса, что ему вся эта возня – он свое отдал, он свое взял. И еще возьмет… Он – останется!

Про Михаила Козакова

Меня не покидает «восторг», когда я слышу словосочетание «живая легенда». Значит, существует и мертвая. А термин «мертвая легенда» вообще портит настроение. Равно как и «живая легенда» – что-то вроде упрека в том, что еще, как ни странно, – живая. Как шутил когда-то писатель Михаил Генин: «Если есть домашние хозяйки, значит, где-то должны быть и дикие».

Не лучше ли – комплиментарно, но и вежливо назвать человека просто легендой?

Вот и Козаков – безусловно фигура легендарная. Люди всегда не только смотрели его фильмы и спектакли, не только слушали, как он читает стихи, но и собирали о нем всяческие сплетни. А нынче, впрочем, как и всегда, легенду без сплетен не сплетешь. Так, если всем известно, что Козаков умеет и любит читать стихи и знает их в огромном количестве, то попутно возникает полуправда-полусплетня о том, что он во время застолья, не понимая, что утомляет собравшихся, безостановочно читает стихи до утра, не оставляя никому времени даже произнести тост. И это становится юмористической частью легенды. А ведь немногие способны на такое, хотя бы потому, что меньше знают, менее образованны. Козаков образован, он *знает* русский язык, в чем с ним могут сравниться очень немногие русские артисты. Он отчасти – миссионер. Он желает поделиться с аудиторией стихами и эмоциями, в них заложенными, он несет в массы культуру, не отдавая себе отчет в том, что эта культура нужна массам, как виндсерфинг – похмельному бомжу.

Но Михаилу безразлично мнение аудитории: он хоть и миссионер, но все же главное – самому испытывать наслаждение от процесса творчества, происходящего сейчас, в эту минуту. А если кто не понимает, значит, он просто животное, и к нему можно отнестись с пренебрежением и повести себя – рискуя схлопотать по лицу, – оскорбительно и по-барски. Даже в адрес профессиональных критиков он в своей книге выразился так: «Меня не интересует мнение евнухов о любви». Но поскольку Козаков стопроцентный артист – от кокетливой кепочки с красным помпоном до жалоб на здоровье (пусть даже обоснованных), – мнение «евнухов» его все равно интересует. И не только у критиков, но и у любого случайного человека он может спросить после спектакля: «Ну как?»

В Михаиле Козакове сосуществуют два совершенно разных человека. Вот например: он создал удивительно нежный и обаятельный фильм о любви и невозможности счастья

(«Безымянная звезда»). В нем есть отзвук, эхо знаменитых «Римских каникул» с Одри Хэпберн и Грегори Пеком. И почти невозможно поверить, что этот же человек может публично оскорбить, больно ранить ни в чем не повинного человека. Все, как у его любимого поэта – Иосифа Бродского. А еще – страх за себя и свою самосохранность и одновременно – полное пренебрежение собственным здоровьем; абсолютный, даже забавный временами, эгоцентризм и вдруг – пристальное внимание и участие в другом человеке и т. д. и т. д. Он бывает и великим, и мелким, и притом сам это прекрасно знает. Всё, что называется, в одном флаконе. Но… кто-то из великих (чуть ли не сам Пушкин) сказал ведь, что «все лучшее в себе я отдаю бумаге». Вот так и Козаков: все его лучшее – творчеству; все худшее – жизни, быту и прочему.

И я смотрю на него – иногда с восхищением, иногда – с любопытством, а порой – даже с отвращением, которое тут же забывается при очередном его творческом всплеске. И тогда горжусь тем, что он однажды назвал меня другом, что в его устах не играет абсолютно никакой роли, так как любая другая роль и вообще роль – значительно важнее. Но я все равно горжусь…

И последнее. Эпиграфом к жизни Михаила может послужить цитата из стихотворения еще одного его любимого поэта Давида Самойлова: «Да, расплачиваться надо на миру / За веселье и отраду на пиру, / За вино и за ошибки – дочиста. / Но зато дуэт для скрипки и альта!»

Про Дурова

Perpetuum mobile, или Портрет Льва Дурова в интерьере нашей жизни. Масло. Елей

Тот, кто сказал, что вечный двигатель невозможен, – не знаком или плохо знаком с артистом Львом Дуровым. Я сознательно не перечисляю здесь его титулов и званий по двум причинам. Первая – это то, что он для меня, как ни странно, просто Левка, причем чуть ли не со второй недели знакомства, и разница в возрасте и положении тогда этому ничуть не помешала. А знаю я его давно, семнадцать лет. Вторая причина – это то, что звания у нас раньше шли по восходящей: т. е. заслуженный артист РСФСР, затем народный артист – того же образования, затем народный – СССР, и он все эти этапы честно прошел. Потом эти звания поехали обратно, по нисходящей: те, кто были народными в СССР, опять стали народными в России, и хотя некоторые титулованные артисты и требуют, чтобы их представляли не иначе как «народными артистами СССР», – это уже скорее политический акт, нежели проявление тщеславия: они таким образом тихо, но твердо протестуют против развала СССР.

Дурову же это – просто по барабану. Это свойство характера, вернее, одна из самых обаятельных черт его характера. Груз его регалий на него, мягко говоря, не давит. Редко кто называет его Львом Константиновичем (я не был исключением), разве что его студенты, но и те через месяц норовят перейти на «ты». Да впрочем, и трудно вечному двигателю – согласитесь – ходить плавно и величаво и называть себя медленно и долго – Лев Константинович; Левка – да и все тут. Это вовсе не унижает его, я бы сказал больше – это ему идет. Он мобилен и легок и не трясет жировыми складками своих вкладов в русскую культуру – у него этого целлюлита вообще нет, это ему помешает двигаться. А каким же еще быть вечному двигателю! Поэтому, заканчивая абзац про нисходящие движения, скажу: он достиг сегодня звания высочайшего – просто артист. Сегодня вполне достаточно в любом концерте объявить: «Лев Дуров», без всяких званий – услышите, что будет. Это уже элита, спецназ актерской армии. Имя – и только.

А если серьезно, то Дурову сейчас при нарушении каких-нибудь правил уличного движения стоит только высунуть голову из машины, как постовой начинает улыбаться и все заранее прощать – за автограф или контрамарку в театр. Причем это не

просто дань популярности, это еще и уважение, и (странный сплав, не правда ли?) полный разрыв дистанции: какие там звания или знакомства накоротке с самыми влиятельными людьми страны – что вы! Он просто весел, и гаишники отвечают ему тем же.

Кстати, дуровское автомобилевождение – безусловное следствие его темперамента и заслуживает отдельного рассказа. Если кто-то заводится с пол-оборота и уже считается темпераментным, то Дуров – лишь с намека на оборот. Вот так он и ездит. Человек, сидящий рядом с водительским креслом Дурова, может всю дорогу впечатлениями не делиться, но в конце поездки он будет чувствовать себя каскадером, которому в этот раз здорово повезло. Адреналин сопровождает Дурова. Им, вечным двигателям, без него никак. Поэтому на машине своей он периодически стукается, а через месяц эксплуатации она становится похожей на грязную мыльницу, в которую ненароком попала авиабомба. У него их и не крадут. Потому что – а на фига такое красть?.. Его машина выглядит как вызов общественному мнению, как старые линялые джинсы на вручении отечественной кинопремии «Ника», где все вокруг в смокингах и «кисах» [гастуках-бабочках (жарг.)]. Однако Дуров, как никто другой, в джинсах на «Нике» смотрелся бы, они бы ему пошли, как идет ему и его машина. Он часто ставит ее в неположенном месте и, поскольку она не может не оскорблять взора работников ГАИ, – оставляет им на ветровом стекле записку шуточного содержания, подписывается «Лев Дуров», возвращается, видит там же оставленную ему от ГАИ записку, тоже с попыткой пошутить. Так и переписываются они с ГАИ – через лобовое стекло.

Был у меня юбилей и бенефис в моем театре «Школа современной пьесы». Сначала мы быстренько, без антракта, сыграли спектакль «А чой-то ты во фраке?», потом был антракт, потом меня с семьей посадили в ложу и начался то ли концерт, то ли капустник, а я, как юбиляр и зритель, этому внимал. Надо сказать, внимал с удовольствием, так как выступали Арканов, Горин, Кикабидзе, Шифрин, Задорнов, Шендерович, Дима Харатьян, Марк Розовский, Юрий Ряшенцев – в общем, сильный был концерт. Но первым вышел Лев Дуров с моим бессменным соавтором по капустникам в Театре на Малой Бронной – Герой Мартынюком. И Дуров начал: «Тут, – говорит, – за кулисами стоит куча насильно пригнанных друзей (ему свойственно всякий раз снижать пафос происходящего, он это называет словом «опустяшить». Дуров имеет на это полное право, так как употребляет этот прием чаще всего по отношению к себе). Так вот, наш театр [на Малой Бронной] всегда славился двумя

вещами – во-первых, продолжительностью спектаклей (тут он повесил ненавязчивую паузу, словно подыскивая слова и давая залу возможность вспомнить, что «Идиот» идет три вечера подряд. Пауза была грамотная, что и говорить, в конце ее в зале стал нарастать хохот, на который Дуров и внимания-то не обратил), а во-вторых – обилием литераторов и поэтов. Два лучших – перед вами». Все это произносилось очень серьезно и даже якобы с волнением литератора, который сейчас впервые обнародует новое произведение. Дуров объявил Геру, который прочел свой стишок и, в свою очередь, тоже объявил: «Поэт Лев Дуров», и, вроде бы трепеща, Дуров прочел следующее лирическое четверостишие: «Холодная весна, ну так и что ж. / Не горбись, как старик, а прыгай, как мальчишка. / И не забудь конечно про любовь. / У Качана есть тоже кочерыжка». Ключевое слово «кочерыжка» Дуров произнес про себя, грустно и слегка стесняясь. Хохот был страшный, хотя, если бы все это произнес кто-нибудь другой, – не сработало бы. Рифма «что ж» – «любовь» вызывает у меня некоторое сомнение, так безнаказанно рифмовать мог только Дуров, да и реприза про кочерыжку тоже носила несколько, как бы сказать, гривуазный характер, но, повторяю, то, *как* он это делает, – компенсирует все. Впрочем, я тут занимаюсь совсем глупым делом: пытаюсь на бумаге описать актерские финты Дурова, нельзя этого делать – идите в театр и посмотрите сами.

Про кочерыжку это что! Тут на недавнем таком же юбилее-бенефисе Филозова, посреди хора дифирамбов и при интеллигентном зале Дуров вышел к микрофону и рассказал историю о том, как во времена его молодости все мужское население Москвы носило велюровые шляпы. И вот он наконец тоже решил себе такую купить. С женой Ирой (или тогда еще невестой) он зашел в магазин в проезде Художественного театра и стал примерять эти шляпы, причем делал упор на зеленые, самые модные. Когда он в очередной зеленой шляпе вертелся перед зеркалом, Ира задумчиво произнесла: «Левочка, знаешь, что ты мне напоминаешь сейчас?..» – «Что?» – насторожился Дуров. «Говно под лопухом», – последовал ответ, и с тех пор Дуров к шляпам не подходит, он их избегает. Если бы вы слышали, как радовалась интеллигенция в зале. А я стоял рядом и в ужасе думал: а при чем тут юбилей Филозова, как же он вывернется?.. Вывернулся! Он сказал: «Я поздравляю тебя, Алик, не только с юбилеем, но и с тем, что про тебя никто такого сказать не может».

Это его «опустяшивание», временами эпатаж – конечно же, родом из Лефортова, из его почти блатного детства. Когда он про

это детство рассказывает, я начинаю понимать, что все случилось вопреки. Биография сделала какой-то странный зигзаг, и, вместо того чтобы стать лидером лефортовской братвы (у всех нормальных блатных по одной кличке, у Дурова было целых три – Швейк, Седой и Артист, естественно, одной ему было мало!), вместо того чтобы иметь за плечами минимум три ходки, а на ноге – татуировку типа «750 дней без женской ласки», – вместо всего этого он стал любимцем миллионов зрителей и порядочным семьянином. Я мало видел людей, которые бы так, как он, обожали дом, жену, детей, потом внуков. Он им предан. Он говорит, что любовь – это забота, обязанность, работа, если хотите. Дуровский клан, за которым я с удовольствием наблюдаю, – это такой монолит, по сравнению с которым любой сицилийский выглядит как куча дохлых медуз, выброшенных на берег вчера при температуре +40°.

Однако привнесенное из детства озорство и даже хулиганство – всегда при нем. Один из самых любимых в моей жизни спектаклей – пьеса «А все-таки она вертится», которую поставил Дуров. У меня была роль директора школы. Там приглашенные из детдома ребята в прологе играли в футбол. Минут десять. А среди них шустро крутился народный артист СССР, который совершенно очевидно забывал, что в зале давно сидят зрители, и был поглощен только мячом (это объяснимо: в юности он очень увлекался футболом и тогдашними футбольными успехами дорожит чуть ли не больше, чем, допустим, ролью в фильме «Не бойся, я с тобой»). Удовольствие получал и он, и зрители. А несколько ранее, когда меня только пригласили в Театр на Малой Бронной, я стал для знакомства смотреть их спектакли и первым делом пришел, естественно, на классический эфрософский спектакль «Женитьба». С женой пришел, как полагается, чтоб всё как у людей… Мы чинно уселись в третьем ряду. Спектакль был в самом разгаре, когда лично еще не очень знакомый, но уже очень почитаемый мною артист Дуров ославил меня на весь зал. Речь заходит о фамилии Яичница, и Дуров, игравший, как известно, Жевакина, говорит: «Однако престранные фамилии иногда бывают (перечисляет): такая-то, такая-то, – и в конце, – Качан, например». И в упор смотрит в третий ряд. Гоголь этого текста не писал. А мне чуть дурно не стало (невольный каламбур, прошу прощения), но позднее я понял, что Дурова без этого просто нет: где возникает малейшая возможность пошалить и похулиганить, Дуров тут как тут. Розыгрыш – его стихия.

Он как-то на улице встретил артиста Бориса Химичева и полчаса ему очень серьезно рассказывал, что затеял издание нового журнала о кино и театре и просит его, Химичева, войти в

редколлегию. Дуров объяснял концепцию нового журнала, описывал обложку, называл авторов, которые уже согласились. И, наконец, когда Химичев уже был готов, только не знал, как задать решающий вопрос «Сколько будут платить?», и задал пока другой: «А как будет называться журнал?» – Дуров небрежно ответил: «Звезды и пизды». Борис потом сетовал, что битый час позволял себя дурачить.

Дуров всегда говорит, что маленький человек – это победитель. Должно быть, это справедливо, ибо как-то нужно компенсировать то, чего недодала природа. Чем можно победить красивых и высоких? Только талантом и умением работать. И еще – поступками, которые, собственно, и отличают мужчину от мужчины, определяемого только по половым признакам. Ну кто еще, скажите, едва выкарабкавшись из тяжелейшего инсульта, через месяц поедет на съемки, потому что группа, видите ли, простаивает без него; а месяцем позже уже опять будет играть рискованную роль Санчо, чтобы театр больше не отменял спектакли? Да почти никто, большинство себя побережет.

А в первые недели болезни – если и лежит, то поминутно дергаясь. Поминутно пытается вскочить и чего-то изобразить, чем создает домашним дополнительные хлопоты и заставляет тренировать бдительность. Вечный двигатель – чего там… «Ума-то нету», – как говорит его товарищ по фильму Михаил Евдокимов.

Если бы мне предложили определить его амплуа, я бы ради Дурова изобрел что-то новенькое, я бы сказал, что он – драматический клоун. То есть, он сочетает в себе качества и белого, и рыжего клоуна. Счастливцева и Несчастливцева. Смешной, злой, вредный, всегда победитель – с одной стороны. И смешной (казалось бы!), однако вызывающий жалость и сострадание – с другой. Вот как его Жевакин в той же «Женитьбе». У вас отчего-то сжимается сердце, когда он в этой смешной ситуации говорит эти смешные слова. Он может быть и тем и тем. Но – клоуном. И в этом ничего низкого, наоборот, это высший пилотаж в актерской профессии – не стесняться быть клоуном и одинаково сильно владеть и трагическим и комическим. Только недалекие люди, которых распирает от собственной значимости, произносят это слово с оттенком пренебрежения, например: «А что тут делает этот клоун?» Нет, клоун – это *очень* хорошо! Вот Феллини, например, чрезвычайно уважал клоунов. Он говорил: «Заставлять людей смеяться мне казалось всегда самым привилегированным из всех призваний, почти как призвание святого». И почти во всех его фильмах есть клоуны.

Пару лет назад в санатории «Актер» в Сочи (там, к слову,

фантазию особенно не напрягают: у них и санаторий – «Актер» и ресторан на территории – «Актер», и т. д.) – в столовой я увидел меню, в котором было блюдо под названием: «Котлета рубленая “Актер”». Это уже не блюдо, это участь. И это напрямую относится к актеру Дурову. Рубленая, перерубленная эта котлета. Это участь, это доля, это, некоторые говорят, диагноз. Но это и – счастье, которое посещает иногда в этой профессии. Бывают в ней, знаете ли, минуты, нет, даже секунды, когда ты вместе с твоим уже залом поднимаешься над злобой дня, и у вас у всех становятся одинаковые глаза. Как вы становитесь добры, умны и великодушны, как вы благородны сейчас! И вот тот молодой человек в пятом ряду пойдет сегодня и вдруг напишет письмо маме, которой не писал полгода; кто-то именно сегодня не повысит голос на жену или сына (ну не захочется отчего-то!) – ты что-то сделал сегодня на сцене такое, что его остановит. Вот ради этих мгновений, наверное, мы и живем в этой профессии. Дурову они удавались чаще других, поэтому он и счастливый человек.

География его звания (народный артист СССР) формально сузилась до размеров России, а фактически – расширилась. Потому что он по-прежнему народный артист и Украины, и Белоруссии, и Казахстана, и Прибалтики, и Израиля, и США, и всех других стран, где любят и помнят артиста Дурова, драматического клоуна, хулигана, анекдотчика, своего в доску мужика для всех слоев населения, а потому – абсолютно *народного* артиста. Иногда, право, хочется сказать комплимент прямо в лицо, а то мы вечно делаем это за гробовой доской. Скорбно бубним: «От нас ушел замечательный артист». Нет, слава богу можно сказать: «Среди нас живет замечательный артист». Будьте к нему повнимательнее, чаще говорите ему, что вы его любите, ничего, ничего, не стесняйтесь, это *прижизненно* согревает сердце адресату ваших похвал.

Когда ему было пятьдесят, он притащил в театр свой большущий портрет, написанный кем-то в стиле портретной живописи XIX века. На нем Дуров сидит в позе графа Нессельроде и пристально в нас вглядывается. Мы выставили, по предложению именинника, этот портрет перед входом в зрительный зал и, чтобы опустяшить помпезность позы и содержания, – поместили внизу табличку с надписью: «Неизвестный художник XIX века. Портрет Дурова. Масло. 3 р. 60 к. – 1 кг». А мы с поэтом Юрием Ряшенцевым сочинили романс, в конце которого звучало пожелание: «Чтоб на вопрос “ну как делишки, Лева?” – ты б никогда не смог сказать… что плохо».

Вот, думаю я, всем не хватает счастья. Кому больше, кому меньше, кто считает, что у него вообще счастья нет. А многие

даже не знают, что это такое, и принимают за счастье «чувство глубокого удовлетворения» (по Брежневу). Но, может быть, его и не должно быть много? Семья, любимое дело и, наконец, это великое умение – заставлять людей смеяться… И быть среди них своим, близким… Может, больше и не надо ничего?.. Нет! Нехорошо! Одиноко как-то быть единственным вечным двигателем. Продолжим эту нехитрую метафору и добавим: вечным двигателем *внутреннего сгорания*, потому что так, как палит себя Дуров, – никто не умеет. Да и конструктор этого вечного двигателя тоже один, изобрел самого себя в одном экземпляре… Хотя, правда, вот еще внук Ваня подрастает. Подает надежды. Так что посмотрим… Посмотрим…

Смотреть прямо

Кажется, совсем недавно было 50-летие. Двадцать лет прошли как два дня. Давно ведь известно, что вторая половина жизни идет гораздо быстрее, чем первая. Не идет даже – несется. Впрочем, у меня нет уверенности в том, что у него сейчас вторая половина жизни, потому что он ее живет в точности как первую. В старости обычно люди не спешат. «Обычно», как и «старость», – это не про него. «Обычно» у него никогда не бывает, все необычно. А старость и Дуров – вообще «две вещи несовместные». Интервал с 50-ти до 70-ти иногда превращает людей в дряхлых стариков. Дурова это совершенно не касается. Он не желает превращаться в старика ни внешне (в пятьдесят выглядел точно так же, как и сейчас), ни по поведению. Такое ощущение, что Дуров навсегда остается в возрасте предыдущего, пятидесятого юбилея. Он так захотел. Когда уже многое можешь, умеешь, когда все еще сил полно и все они реализуются не вразброс, не куда попало, а правильно, без досадных ошибок. Вложиться можно во что угодно, иногда даже истратить себя на то, что потом окажется сущим пустяком, или, что еще хуже, – на человека, который потом окажется сущим пустяком. Но в пятьдесят и далее, выражаясь специфическим языком криминального мира, «фильтруешь базар» несколько тщательнее. И это тоже плюс этого возраста. Хотя, надо признать, что у Дурова и сейчас темперамент бывает подчас сильнее разума, и никуда от этого не денешься, потому что темперамента в нем слишком много. И это ему идет. Его ошибки ему к лицу. Не советую, однако, кому-нибудь пользоваться его опытом в этом смысле, потому что может не хватить ни темперамента, ни обаяния, и тогда ошибка может оказаться нервирующим проколом с последствиями.

Не так давно мы оба приняли участие в большой совместной

ошибке. Было 10-летие передачи «Театр + ТВ». Этот выпуск должен был стать веселым, озорным, импровизационным действом. Всем была велено припомнить какие-нибудь забавные истории, касающиеся одновременно и театра, и ТВ. Собралась уйма главных режиссеров московских театров, а вел всю программу министр культуры. Серьезные, короче, люди собрались. Но если учесть, что среди них было немало личностей, склонных к озорству, веселью и розыгрышу (Ширвиндт, Райкин, Виктюк, Хазанов и остальные главные и неглавные режиссеры и актеры, способные рассмешить даже присутствовавшего тут же Марка Захарова), то все должно было получиться. Но в том-то и дело, что когда «должно» – тогда чаще всего не получается. Это вам не «Белый попугай», когда команда распоясавшихся потенциальных хулиганов травит анекдоты, не обращая никакого внимания на камеру, а капитан этой команды – Юрий Никулин. А тут на анекдоты опереться нельзя, а нужно, тем не менее, создавать атмосферу веселого праздника. Главные режиссеры, несмотря на то, что в других местах ведут себя как мальчишки (в том же «Попугае», например), – вдруг стали вести себя именно как главные режиссеры, пытающиеся веселиться, так сказать, не теряя чувства собственного достоинства, солидно этак – веселиться.

Да что там «пытающиеся»! Никто поначалу и не пытался даже! Заработали камеры. Все сидят, молчат.

– Ну, кто начнет? – с легким пока предстартовым волнением спрашивает ведущая передачи Катя Уфимцева.

Все молчат. Даже Ширвиндт молчит, потому что процесс подготовки трубки к курению очень сложен и требует максимальной сосредоточенности. Даже Хазанов с необоснованным вниманием рассматривает то, что расставлено на столе.

– Ну, давайте же, Александр Анатольевич, – обращается к Ширвиндту Катя с уже растущей тревогой.

– Геннадий Викторович, – растерянно продолжает она взывать к некоронованному королю смеха Хазанову.

Ничего! Молчаливое сопение Ширвиндта над трубкой, вопрошающий взгляд на него слева Михаила Державина и смущенное опускание глаз у всех остальных, будто у школьников, не выучивших урок и внезапно вызванных к доске. Бразды правления над этим, прямо скажем, вялотекущим шоу, берет в руки министр культуры Михаил Швыдкой, что само по себе, может, и справедливо, но игривости действию не прибавляет. Никто не может сразу привыкнуть к быстро меняющимся стереотипам и представить себе в такой роли, допустим,

Демичева, Фурцеву или (страшно сказать!) Луначарского – никак невозможно. Хотя времена и изменились кардинально, и Михаил Ефимович далеко не чужд ни демократическому веселью, ни демократической же простоте в общении – все это выглядит несколько странновато и дела не меняет.

Начинает попахивать катастрофой, провалом. «Титаник», набитый под завязку титанами мысли и юмора, погружается в пучину мрачной серьезности и – неизвестно откуда взявшейся у таких людей – зажатости. Штурман Катя Уфимцева уже почти плачет, а капитан Швыдкой беспорядочно крутит штурвал то вправо, то влево, что не мешает кораблю упрямо стремиться на дно.

Ломает ситуацию все тот же Дуров, который первым (а это самое трудное!) рассказывает одну из своих многочисленных историй, не вошедших в его книгу «Грешные записки». К слову, таких историй у него еще миллион, и они замечательны тем, что, беря за основу какое-нибудь малозначительное событие, на первый взгляд вовсе не смешное, – он затем додумывает и дофантазирует его до комического абсурда.

Ну, например, известная история о том, как он ехал в машине на съемки фильма о Льве Толстом вместе с Питером Устиновым, который этот фильм снимал. Дуров был в гриме и одежде великого писателя, и когда их зачем-то остановил инспектор ГАИ, Дуров-Толстой вышел из машины и стал расспрашивать обалдевшего милиционера: как там дела в Ясной Поляне, какие виды на урожай, здорова ли Софья Андреевна? Далее шло описание реакции гаишника на эту беседу, по ходу которого он белел, заикался и стал звать Дурова по имени-отчеству – Лев Николаевич. Теперь скажите, может ли найтись в нашей необъятной родине хоть один человек, пусть самый необразованный, пусть отъявленный двоечник, не окончивший школу по причине умственной отсталости, который поверил бы сегодня, что автор «Войны и мира» все еще жив и едет в свое имение воспользоваться новым законом о реституции, чтобы вновь стать законным владельцем Ясной Поляны?! Нет таких! Ну нет и все!

Или рассказ о лающей корове, которую хозяйка, мол, держала на цепи и поила самогоном до тех пор, пока корова не переродилась в сторожевого пса?..

И таких историй у него множество, но рассказывает он их настолько весело и заразительно, что люди лежат от хохота. Верить в данном случае вовсе не обязательно, можно быть просто благодарным за доставленное удовольствие.

Такое умение Льва Константиновича однажды послужило

поводом для рождения эпиграммы злоязычного Гафта после выхода в свет дуровской книги:

Артист, рассказчик, режиссер!..
Но это Леву не колышет.
Он стал писать с недавних пор…
Соврет, поверит и запишет.

Вот и здесь Дуров отважно и мужественно проложил лыжню по нетронутому снегу телесъемки, который холодом своим сковал языки всех участников. А уж потом по этой лыжне стали потихоньку двигаться остальные. Спасибо, при монтаже Катя и режиссер Сергей Варнавский эту передачу спасли. Именно виртуозным монтажом и, надо полагать, врожденным вкусом и чувством динамики.

Я тоже там рискнул рассказать одну историю, касающуюся как раз Льва Дурова, хотя зван был в основном для того, чтобы спеть песню «Театральный вальс», которая должна была органично вписаться в тему и смысл передачи.

Этот рассказ, несколько раз исполненный мною в театральных кулуарах, имел неизменный успех, и я был в нем уверен и в этот раз. Я ошибся. Контекст, атмосфера, сложившаяся в нашей театральной гостиной, были таковы, что детали вдруг оказались не смешны, вдохновения не было, а если и было, то погасло, словом, полет не состоялся. Тем не менее рассказ стоит того, чтобы повторить его на этих страницах. Хотя бы потому, что Дуров в нем опять-таки играет главную роль.

Как-то раз в кабинет нашего главного режиссера Иосифа Райхельгауза позвонили из передачи «Про это». Сейчас этой передачи нет, поэтому напоминаю, про какое «это» в ней шла речь. «Это» – как раз то самое, которое должно было опровергнуть чеканную формулировку какой-то высокой чиновницы: «В нашей стране секса нет». Передача должна была стать альтернативной такому ханжескому постулату и убедить всех в том, что в нашей стране секса навалом, причем в таких проявлениях, которые не снились даже какой-нибудь продвинутой Голландии. Поэтому эмиссары передачи сразу спросили Иосифа – нет ли, мол, в его богатой сексуальной практике чего-нибудь необычного, что могло бы заинтересовать их телеаудиторию. С чего они взяли, что Иосиф Райхельгауз такой уж спец по сексу вообще и по сексуальным аномалиям в частности – черт их знает, но то, что нарвались на далеко не последнего спеца по розыгрышам и приколам, – это точно. Тут же оценив ситуацию, Иосиф очень серьезно сказал, что у него хотя и есть что поведать любопытным,

но нет сейчас времени, однако вот тут как раз рядом находится Лев Дуров, который уже несколько лет состоит в довольно необычной сексуальной связи. Внебрачной, разумеется. Да-да, только вот захочет ли он об этом рассказать… Да вы сами спросите…

Дуров взял трубку и, еще раз выслушав предложение, мгновенно включился в закрученную Иосифом интригу. Сначала он резко отказался открыть сокровенное столь публично. В трубке, разумеется, настаивали. Тогда Дуров стал вроде бы сомневаться, мол, может быть, все-таки попробовать… ну… не знаю… не знаю…

Распаленные возможностью все-таки заполучить в передачу сенсацию, сломив нерешительность Дурова, телевизионщики продолжали горячо его уговаривать. Дуров мямлил, что ему стыдно, неловко признаться в том, кто его партнерша.

– А кто, кто? – жадно допытывались те. – Что? Очень известная фамилия?

– Да у нее даже не фамилия, – смущался Дуров. – Потом она очень застенчива, она будет бояться камер, людей, софитов!

– Да? Значит, она не актриса?

– Да какое там, совсем наоборот, хотя… в какой-то степени…

– Ну кто же это, кто, как ее фамилия? – уже пуская слюни от предвкушения сенсации, спрашивали на том конце провода.

– Да говорю вам, нет у нее фамилии, – с мукой выдавливал Дуров из себя признание.

– Как нет, а как же?

– Ну… у нее только кличка, – «раскалывается» наконец знаменитый артист, а Райхельгауз уже носится по кабинету, зажав рот руками и из последних сил пытаясь подавить хохот, рвущийся наружу.

В конце концов Дуров признается, что эта сексуальная связь слишком необычна даже для такой передачи, как «Про это», потому что его сексуальной партнершей является… коза. Молоденькая такая, беленькая козочка, которая не привыкла, мол, к такому повышенному вниманию и будет пугаться людей и осветительных приборов. И это – основное, что его останавливает и заставляет отказаться от съемки. Что сам он, мол, уже не против, уже почти согласился, но вот коза… Как она себя поведет… не знаю, не знаю. Может даже сорвать съемку, и что тогда? Все окажутся в глупом положении.

Самое поразительное в этой истории то, что представители передачи «Про это» только в первые десять секунд подозревали, что их разыгрывают, говорили: «Да бросьте! Да ладно! Ну зачем вы с нами так?» – а потом все-таки поверили! Уж очень, видно,

хотелось поверить, потому что в широкой палитре сексуальных отношений, освещаемых ими, не хватало все-таки одного штриха, одной необычной краски – зоофилии. А уж то, что в ней замешан такой артист, как Дуров, вероятно, заставило бы рейтинг передачи сильно подскочить. Действительно, кого сейчас удивишь гомосексуалистами или лесбиянками? А вот с козой! Очень, очень любопытно!

Думается, что Дуров живет сегодняшним днем. И еще немного – завтрашним. Это очень правильно, так как то, что ты говоришь или делаешь сейчас, – уже через секунду становится прошлым, на которое оглядываться или тосковать по которому – непродуктивно и не совсем по-мужски. Необаятельная, плаксивая тоска по ушедшей молодости (как у иных драматургов, которые на этом строят свои пьесы) не для Дурова. Сейчас и только сейчас – реакция, поступок, речь. Потом можно оценить, сделать выводы, но не тосковать ни в коем случае. Что ему тосковать-то по ушедшей молодости, когда он сейчас и молод, и подвижен, как мало кто из тридцатилетних?.. Если у него на глазах и появляются слезы, то, что называется, – по делу. Они бывают вызваны сиюминутной эмоцией по поводу того, что происходит сейчас, а не из-за какого-то эфемерного далека. Когда такое случается на сцене, то становится особенно явно, почему Дуров – артист такого масштаба, такого класса. Происходит то самое таинство искусства, в поисках которого наиболее честные молодые люди и поступают в театральные институты. Ради этого, а не ради тщеславия, потому что редко кто согласится жить годы в безвестности и получать в своем театре месячный оклад, примерно равный однодневному заработку мелкого клерка Центробанка.

Некоторые артисты ошибочно полагают, что если они заставят себя заплакать на сцене – то это уже высший пилотаж и зрители, исполненные сострадания к персонажу, тоже не смогут сдержать слез. Совместных рыданий с залом, как правило, не получается, потому что зрители начинают сострадать не столько персонажу, сколько артисту: надо же, как мучается, бедный, весь уже слезами облился! Нет, пилотаж становится действительно высшим, когда артист сдерживается, не дает волю слезам, интонации его делаются скупыми и выразительными, но видно всё – всё, что он чувствует, как преодолевает себя, и в кажущейся простоте исполнения (кинематографической простоте, когда не дай бог переиграть на крупном плане) – такой силы скрытая эмоция, что заражает зрительный зал моментально. Все сидят, не шелохнувшись, и, затаив дыхание, следят за артистом. Он их уже

повел, околдовал. И когда Дуров произносит монолог все того же Льва Толстого в спектакле «Миссис Лев» (спектакль называется так странно, потому что он скорее о жене Толстого Софье Андреевне), когда стоит над ней, в который раз покончившей с собой понарошку, – он знает, что это очередной шантаж, но ему нестерпимо хочется отнестись к случившемуся серьезно. Он говорит тихо, ровно, без намека на театральность, без соответствующих голосовых модуляций, задумчиво так роняет слова; ничего с ним вроде бы и не происходит… Вот только я, стоящий рядом, вижу, как по щеке прокладывает дорожку капля, в природе которой усомниться нельзя, и понимаю – это честная работа! Без расчета на реакцию публики, без всякой надежды на взаимность, бесплатно, для себя! И, кажется, партнеры, которые это видят, должны испытывать некоторый стыд за то, что они сейчас пусты по сравнению с ним.

Другое – в жизни. Тут Дуров слез не держит. Впрочем, не совсем в жизни, т. к. тогда была очередная съемка «Белого попугая». Анекдоты сыпались один за другим, но вдруг пошел дождь, а съемка была под открытым небом, у речки. Прерывать ее не стали, и правильно, потому что возникла атмосфера чего-то теплого, уютного, домашнего. Олег Газманов взял гитару, над ним раскрыли зонт, и он запел (всего лишь под гитару) свою песню «Господа офицеры». Надо признаться, что выпито в тот день было много. Наверное, потому что холодновато было. Этим обстоятельством отчасти и объясняется слишком обостренная реакция Льва Константиновича на уже много раз слышанную песню. Когда Газманов допел до слов «ваше сердце под прицелом», из глаз Дурова обильно потекла влага, смешиваясь с каплями дождя, потому что площади зонта, раскрытого над певцом, ему, сидящему рядом, – не хватило. Он всхлипывал, как ребенок, и утирал лицо ладонями, вертикально – от глаз вниз. Нормальная, искренняя реакция, что ж тут такого… Ничего удивительного, если еще учесть, что эта песня трогает многих людей, и не только офицеров. Однако это послужило поводом для циничного глумления друзей над Дуровым, длившегося потом без малого полгода. Если Дуров начинал, как обычно, подначивать кого-то или непосредственно меня, я знал, что имею в арсенале страшное оружие, которое сведет на нет все его усилия. Я подходил к нему близко и точно так же, как и он тогда, утирая ладонями лицо, начинал дико и ненатурально выть: «Ва-а-ше сердце под прицело-о-ом». И, переходя на рыдания: «Ой, не могу я! Под прицелом, что же это такое делается!»

Более того, если по телевизору показывали Газманова, я тут же набирал номер дуровского телефона и говорил:

– Как? Ты еще не плачешь? Быстро включай второй канал.

– А что там?

– Быстро включай, не спрашивай!

Через минуту раздавался звонок уже мне:

– Сволочь! Долго это будет продолжаться?!

Апофеозом должен был стать звонок самого Газманова. Мы как-то встретились с ним снова на телевидении и я, рассказав ему все вот это про Дурова, подговорил позвонить ему домой, когда он, Газманов, будет на экране. Олег загорелся. «Двадцать первого марта, – говорит, – у меня сольный концерт по Первому каналу. Я позвоню».

Жаль, не вышло, оказалось, что как раз в этот день Дуров был в отъезде. Ну ничего, как-нибудь в другой раз и что-нибудь свеженькое. Такой вот стиль общения у нас с ним.

Когда-то я написал о нем некое эссе под названием: «*Perpetuum mobile*, или Портрет Льва Дурова в интерьере нашей жизни». В этом произведении я пытался доказать, что вечный двигатель по сравнению с Дуровым – это мрачный, неподвижный истукан. Это было давно, но знаете, так оно и сегодня. Шило не в одном месте, а в нескольких – это у него, видимо, навсегда. Столько же темперамента, умения заводиться с пол-оборота, столько же готовности включиться в игру, готовности помочь, и если нужно – срочно.

Был инсульт. Казалось бы, можно теперь себя и поберечь, тем более что врачи велели. Черта с два! Плевал он на инсульт и грозящие последствия. Пресловутое шило гонит его вперед, прямо, по той самой магистрали, которую он сам считает честной и правильной. Не подвести никого! Много тратиться – вот его стиль. Мало, в щадящем режиме – он не может, не умеет. Из последствий болезни осталось одно – потеря периферического зрения, т. е. он может видеть только прямо, а бокового зрения нет. Поэтому ему запретили водить машину. Как вы думаете, послушался он запрета? Вы правильно догадались: уже водит. Видит только прямо и водит. А может, эта потеря периферического зрения – и не потеря вовсе, а Божий Промысел? Смотреть только прямо, чувствовать, действовать прямо, говорить так же, без закулисной подлости, проясняя отношения кратчайшим путем – по прямой; может, это очень хорошо – смотреть только прямо и не распыляться по сторонам.

Вперед, Лева! Гони на своем «жигуленке» со скоростью 120 км в час! Не оглядывайся и не смотри по сторонам. Шоссе ровное, прямое, конца ему не видно, он там, где-то за горизонтом… Вперед!

Речь в честь открытия фонтана на даче у Льва Дурова

Сегодня у нас особый, знаменательный день. Мы присутствуем на торжественном открытии памятника под названием «Девушка-фонтан», или «Девушка с кувшином-2». Этот шедевр садово-парковой скульптуры – первый в череде подарков от театра «Школа современной пьесы», и он кладет начало открывающейся сегодня экспозиции под общим названием «Ненужные подарки». История таких подарков уходит корнями в далекое гастрольное прошлое. Когда артист оказывался на гастролях, допустим, в городе Челябинске и перед отлетом домой получал в подарок историю Челябинского металлургического комбината в трех томах, а в придачу к ним – еще и книгу о городе весом примерно в три кг, он понимал, что жизнь прожита не зря, и покидал город с теплым чувством, совсем немного приплатив за багаж.

Монументальная серьезность «Девушки-фонтана» никак не могла вписаться в довольно легкомысленный стиль «Школы современной пьесы». На стенах основного зала она оказалась чужеродным телом в компании ангелочков с копытцами, которые до сих пор приводят всех атеистов в злорадный экстаз, а верующих ввергают в греховное сомнение. Она не гармонировала также и с репертуаром. О легкомысленных спектаклях типа «А чой-то ты во фраке?» и говорить нечего, но даже серьезные спектакли, так называемые «спектакли не для всех», такие как «Город» или «Кремль, иди ко мне», – никак не сочетались с античной строгостью форм «Девушки-фонтана». О последнем спектакле хочется сказать особо. Название «Кремль, иди ко мне» (в постановке Бориса Мильграма), крупными буквами расположенное на фронтоне театра, является прямым призывом к правительству и президенту посетить «Школу современной пьесы». В том случае, если они не откликнутся сразу, с оперативностью МЧС, в следующем сезоне будет осуществлена постановка спектакля «Кремль, иди сюда скорее» под руководством Н.С.Михалкова, который в этом толк понимает (ассистент режиссера – Семен Миллиграмм). А если и это не возымеет действия, то режиссер Василий Грамм поставит спектакль с рабочим названием «Кремль, иди отсюда!» или же с фрондирующим – «Кремль, иди в жопу!».

Что же касается спектакля «Город», призванного в свое время привлечь внимание мэра Москвы Ю.М.Лужкова, то он своей цели достиг: городские власти со скрипом, но начали посещать «Школу современной пьесы», и стало ясно, что это начинание следует укреплять и развивать.

Так или иначе, бедная «Девушка» никак не сочеталась ни с интерьером, ни с репертуаром «Школы». Кроме того, она не работала, то есть функции фонтана не выполняла совсем. Оказалось, что девушка – не фонтан, и в конце концов ее участь была решена, она была подарена. Но в умелых руках дуровского зятя Ершова фонтан забил. Образно говоря – забил болт на равнодушие к нему «Школы современной пьесы». Таким образом «Девушка» стала первым экспонатом выставки ненужных вещей и подарков.

Следующими экспонатами станут, по слухам, неработающий кондиционер большого зала и кадка с искусственной пальмой в лепрозории для прокаженных курящих. Пальма – это своеобразная скульптурная композиция, олицетворяющая собой истерические вопли Минздрава о вреде курения. Ее скукоженные пыльные листья и ствол, похожий на почерневший палец кочегара, скрюченный в последнем предсмертном усилии, – по замыслу дизайнера Райхельгауза должны напоминать курящим о бренности их жизни. Но в умелых руках курящих Ершова и Дуровой этот экспонат способен превратиться в нормальное, жизнестойкое растение. Вымыть листья, распрямить ствол, полить водичкой из соседнего фонтана-девушки – и пальма вновь оживет в курящем доме Дуровых и перестанет служить наглядной агитацией американского образа жизни и «их» пропагандистских идей, проводником которых является в России Иосиф Райхельгауз.

Что же касается неработающего кондиционера, то его не коснутся умелые руки династии Дуровых, потому что он будет одним из фигурантов группы химер, которые вскоре продолжат экспозицию. Группа химер будет состоять из четырех любимых партнерш Дурова по спектаклям и одного кондиционера. И лепиться будет, соответственно, – с натуры. Талызина будет олицетворять собою химеру под названием «Бескорыстие», Алферова – химеру под названием «Красота», причем, не просто «красота», а красота вообще, красота, которую пасет мир… надо полагать, мир журналистов. Татьяна Васильева, по нашим сведениям, позирует сейчас для скульптуры, которая будет называться либо «Опера», либо «Любовь Иосифа» (Никас Сафронов, который теперь еще и лепит, пока не решил окончательно).

Существует красивая легенда, согласно которой Иосиф спал в оливковой роще. И пока он спал, его возлюбленная сбежала в оперу. Иосиф плакал, долго звал ее обратно, и она вернулась, поняв, что была неправа. Ведь она сбежала в оперу изображать Марию Каллас. Это был дерзкий поступок, так как возлюбленной

Иосифа спеть что-либо из репертуара Каллас было все равно, что ему самому выкурить сигарету «Дымок». Поэтому она там только разговаривала. Вскоре она осознала, что ее вокал Иосиф не только простит, но даже горячо одобрит. И тогда она вернулась. Они жили вместе долго и счастливо, до сих пор не умерли в один день и даже не собираются. Так гласит легенда. А химера, изображающая «Любовь Иосифа», как и все остальные, будет вскоре украшать северную часть архитектурного ансамбля дачи Дуровых. Античные и нотр-дамские мотивы будут органично вплетаться в орнамент русской избы первой половины XXI века.

И наконец, четвертая химера воспроизводится с натурщицы Ольги Аросевой и будет называться просто, но со значением – «Антреприза». Ну а что касается пятого участника композиции – кондиционера, то, как уже сказано, его чинить не будут, а покажут в качестве одной из химер, символизирующей человеколюбие. Так она и будет называться. Впрочем, она может называться и «Мизантропия», художник еще не решил.

Также, по нашим сведениям, З.Церетели завершает работу над композицией «Отдыхающий фавн (натурщик Райхельгауз) и резвящийся сатир (натурщик Журбин)». Композиция должна была занять место на одной из площадей Петербурга, но говорят, что В.В.Путин запретил снос Исаакиевского собора, и поэтому «Отдыхающий фавн и резвящийся сатир» вскоре займут подобающее им место, украсив собой крышу дуровского особняка.

Но «Девушка-фонтан» навсегда останется в наших сердцах первой ласточкой парковой скульптуры садово-огородного товарищества «Актер». «Девушка-фонтан», она же «Девушка с кувшином-2» при наличии соответствующего реквизита легко трансформируется в «Девочку с персиком-2» или в «Девушку с веслом-2». Поэтому мы горячо приветствуем открытие этого универсального творения неизвестного мастера и желаем ему долгой, плодотворной деятельности на ниве орошения дуровского дачного участка. Ура!

Словарь

К 50-летию Льва Дурова был составлен краткий словарь, состоящий из слов, выражений и словесных оборотов, наиболее правильно отвечающих смыслу и сути и юбилея, и самого юбиляра. Сегодня этот словарь, естественно, расширен и представляет собой компактный и чрезвычайно удобный в употреблении путеводитель по жизни и творчеству Дурова.

Составителей словаря цифра юбилея, мягко говоря, не пугает. Цифры – цифрами, будь то 50, 70 или 100, но суть юбиляра

остается неизменной, и образ жизни – тоже. Если учесть, что известный американский актер Чарльз Бронсон в возрасте семидесяти одного года, после того как его машину нагло подрезал джип, набитый молодыми хулиганами, спокойно вышел из машины и первым же ударом распластал по асфальту самого нахального, а потом его едва оттащили от остальных; если вспомнить, что пару лет назад наш юбиляр вынужден был вступить у себя на даче в контакт с отморозками из соседнего села и через несколько минут неконструктивного диалога, во время которого они никак не могли прийти к консенсусу, один из них уже лежал молча на проселочной дороге, а других наш юбиляр разогнал железным ломом с пугающей легкостью, которой мог бы позавидовать не только Ч.Бронсон, но и Брюс Ли, – так вот, если учесть все вышесказанное, то цифра «70» читается сегодня только радостно. И словарь начинается с соответствующего слова.

Дуролом – рабочее орудие юбиляра, т. е. тот самый железный лом, с помощью которого он разгоняет нежелательный контингент, вторгшийся на его территорию с агрессивными намерениями. В народе существует справедливая поговорка, предостерегающая желающих ввязаться в прямой конфликт с юбиляром: «Против дуролома нет приема». Против лома нет приема, кроме лома, – это понятно, а против дуролома – нет вообще.

Дурость – это слово сегодня читается как «радость» и является его синонимом. Например: «Я сегодня испытываю безграничную дурость» и т. д. Так же, как и **дурно** – на сегодняшний день означает – «хорошо». Например, комплимент для женщин: «Как дурно ты выглядишь сегодня», или «Как же ты подурнела». Соответственно **дурнушка** сегодня – красавица.

Одуреть – влюбиться в Дурова, точно так же, как «окоченеть» – влюбиться в… сами понимаете.

Совсем одуреть – выйти за него замуж. **Полудурок** – любой родственник его в 1-м поколении.

Дурында – машина Дурова.

Дуремар – хороший человек. Продавец лечебных пиявок, нормализующих артериальное давление юбиляра, которое иногда повышается из-за слишком чуткого восприятия фактов, на поверку оказывающихся пустяками. Или, если речь зашла о медицине, **процедура** – медсестра, услугами которой временами он пользуется.

Дурачиться – репетировать с Дуровым.

БАНДуристы – блатные друзья его лефортовского детства.

Дурдом – Театр на Малой Бронной.

Дурдом-2 – театр «Школа современной пьесы».

Обдурить – обмануть Льва Константиновича, что, впрочем, чревато тяжелыми последствиями (см. слово «дуролом»).

Дурища – любая знакомая Льва Константиновича весом более 100 кг.

Дурачье – все присутствующие на сегодняшнем торжестве.

Дуршлаг – аншлаг на любом спектакле с его участием.

Гондурас – единственное, пожалуй, что Дурова сегодня совершенно не волнует.

Дурново – поместье, усадьба, имение, а попросту – дача Льва Константиновича.

Гнать дурку – участвовать в телепередаче «Белый попугай».

Дурачок – сжатая в кулак рука Льва Константиновича.

Дина Дурбин – американская киноактриса, не имеющая к Дурову ни малейшего отношения.

Дурошлепы – домашние тапочки Льва Константиновича.

Дурочка – дочь его. **Дурашка** – внучка Дурова. **Дурачок** – внук.

Нашел, перечитал. Написал, когда ему исполнилось 50 лет. Было давно. Оказалось актуальным и сегодня.

Обзор центральных газет

Политический мертвец

Под таким заголовком буржуазная пресса комментирует предстоящую встречу за круглым столом двух бывших киноактеров, а ныне известных политических деятелей – Л.Дурова и Р.Рейгана. Президент США будет пытаться переубедить в открытой дискуссии Л.Дурова в чем бы то ни было. Позор и политическое банкротство неминуемо ожидают заокеанского демагога перед лицом первого говоруна нашей Родины.

Вести с полей

На полях страны началась уборка озимых и гниение яровых. «Ударным трудом отметим юбилей лучшего

друга крестьян и механизаторов!» – с таким лозунгом заступили на трудовую вахту артисты нескольких московских театров, а также антреприз. Шестьдесят три спектакля намолотила в прошлом сезоне ударница И.Алферова, а ветеран труда, выдающийся мастер сцены О.Аросева скопила вот уже 21 спектакль в счет следующего квартала.

На переднем крае науки

Сотрудниками отделения физики элементарных частиц НИИ-Дур-Льва имени Моцарта разработана и осуществлена модель вечного двигателя, которая повадками, ужимками и прыжками напоминает народного артиста Атлантиды (или СССР) Л.Дурова.

Именем юбиляра

Наш специальный корреспондент в Каракумах М.Швыдкой, отдыхающий там от «Культурных революций» и убежденный в том, что и в пустыне «жизнь прекрасна», смахивая с плеча очередного скорпиона и отматывая с ноги королевскую кобру, сообщает: «Вчера со стапелей Каракумского судостроительного комплекса имени «Титаника» сошел мощный сухогруз «Лев Дуров» водкоизмещением 25 тыс. тонн. Украшенный флагами и транспарантами сухогруз «Лев Дуров» отправился в свой первый рейс на верблюдах в сторону Бермудского треугольника».

Про Райхельгауза и его книгу

Даря мне свою книгу «Не верю», И.Л. написал нижеследующие стихи: «Володя, помнишь ли то лето, когда “Марусю” мне читал?» Итак… «Володя, помнишь ли… Тебе дарю я книжку эту, как графоману – графоман». На рифму «читал – графоман» вряд ли отважился бы даже автор песен И.Николаев. По своей художественной непринужденности она не уступает таким вершинам рифмообразования, как, допустим, «Ты целуй меня *везде*, я ведь взрослая *уже*» (из песни группы «Руки вверх»). Однако Иосифу всегда была свойственна дерзость в подходе к поэзии, к литературе и к искусству вообще. Он всегда считал, что их (т. е. литературу и искусство) нужно брать штурмом. Так было со всеми спектаклями, которые он ставил, так случилось и с литературой, которую он взял силой. Лобовой кавалерийской атакой. И если вы прочтете в представляемой книге про его отца, который брал штурмом все, что попадалось на его пути во Второй мировой войне (так что ветераны этой войны с немецкой стороны до сих пор вспоминают о нем, мягко говоря, без удовольствия), то поймете, что эта черта в Иосифе генетически закономерна.

Кстати, из главы «Как я готовил президентское послание» нам наконец становится ясно, кому мы обязаны спасением демократии в нашей стране. Той самой демократии, о которой демократ же Герцен неожиданно высказался так: «В демократии страшная мощь разрушения, но как примется создавать, она теряется в ученических опытах, политических этюдах». Золотые слова, под которыми подписался бы сегодня любой член КПРФ (бывшей ВКП(б), бывшей РСДРП, бывшей КПСС и т. д.). И, таким образом, мы имеем сегодня ту демократию, о которой в 1996 году позаботился Райхельгауз. С тех пор он является общим «любимцем» не только КПРФ, но и общества «Память», скинхедов, всей редколлегии газеты «Завтра» и еще нескольких общественно-политических организаций, для которых сама его фамилия звучит волшебной музыкой (как и для любого антисемита).

В книге есть и пассаж про фамилию, и ответ – почему он ее не сменил на псевдоним. (О псевдонимах тоже имеется очень смешная глава.) В общем потому, что Иосиф – человек отважный. Он верит в свои силы и не верит в реальную силу своих недоброжелателей. Книга так и называется – «Не верю». Но она не об этом. Он все-таки верит в некоторые вещи, даже слегка стесняясь своей веры. В книжке это угадывается и только придает ей тонкий флер, легкий осенний привкус любви и печали, тщательно замаскированный шутками и байками. Я, в свою

очередь, верю в то, что он верит. Ну, например, в то, что его может взволновать воспоминание о запахе сирени на Приморском бульваре в Одессе. В то, что иронией и шуткой (иногда даже цинизмом) можно и нужно прикрывать все, что любишь и от чего способен заплакать. Он верит в то, что детство нельзя забыть. То самое, о котором поэт сказал: «Детство в солнечной пыли». Верит в то, что тонкая, невесомая, неосязаемая вуаль этого самого детства все равно защищает и сохраняет твое нынешнее лицо, на котором черты детства уже давно не проступают, но проявляются, тем не менее, в поведении, в озорстве, игре, розыгрыше… Иосиф твердо верит в то, что курить не только вредно, но и противно для всех окружающих, поэтому вы удивитесь, найдя в книге не одну фотографию автора с сигаретой, и вам трудно будет поверить, что он только держит ее в руке. Райхельгауз верит в хорошие стихи, знает их наизусть десятками и не верит в их правильное воздействие на широкие народные массы. Но зато он верит в их воздействие на себя; в то, что хорошие стихи шлифуют ум, вкус и чувство, если они у тебя вообще есть. Он безусловно верит в талант и в то, что талант не должен вести себя как талант, а скромность и недовольство собой талант только укрепляют. Верит и в то, что самоирония – превосходное и сильное лекарство против некоторых типичных патологий творческих людей. И, наконец, в то, что компания в театре – это гораздо лучше, чем коллектив.

Он всегда пытался создать не театр, а компанию, компанию людей, которые с видимой легкостью, без творческих потуг, мучительных поисков и трудового пыхтения, а как бы резвяся и играя (но как бы!), пытаются существовать в искусстве. В этом театре – компания. На страницах этой книги – тоже.

Некролог-1
Еще раз про Райхельгауза (к его юбилею)

Сегодня 12 июня 1997 года. Москва прощается с детством И.Райхельгауза. В траурном убранстве стены «Школы современной пьесы». Светлая память о детстве Иосифа навсегда сохранится в наших сердцах. Его детство было трудным, но веселым. Где только ни формировался характер этого в меру упитанного, не по годам развитого одесского мальчугана: и на Таганке, и в Театре имени Станиславского, и в Театре Советской тогда Армии, с кем только ни рос и ни мужали он и его талант. Но окончательная закалка характера произошла в театре «Современник», среди, если так можно выразиться, волчат этого театра. И в конечном итоге, «крутой маршрут» этого простого

паренька с нелегкой судьбой завершился на Трубной площади – в театре, который он сам организовал и в котором назначил себя главным режиссером. К слову сказать, он назвал свой театр «Школой» именно потому, что не хотел расставаться с детством. Поэтому, если во всех серьезных театрах кончается работа и начинается отпуск, то в этом театре – кончаются уроки и начинаются школьные каникулы.

Что же касается аббревиатуры «Школа современной пьесы», то хочу обратить ваше внимание на то, что она звучит как «Ша-Эс-Пэ», что расшифровывается вполне по-одесски: «Ша! Совместное предприятие с Мариной Дружининой начинает работать!» И действительно – заработало! Дитя одесского Привоза, он вошел в наши новые рыночные отношения как в свои старые, как к себе домой. Поэтому мы не можем сегодня не вспомнить его родителей и их решающее влияние на формирование его характера, не можем не сказать о них несколько теплых слов. От отца парубок унаследовал… (Сразу хочу сказать, что парубок – это не оговорка. Так мы его называем вполне осмысленно, ибо он до сих пор по-украински разговаривает гораздо лучше, чем, скажем, на иврите.) Так вот, от отца он унаследовал твердость, поистине военную решительность и работоспособность. От мамы – все остальное. Поэтому особое значение, особый смысл мы придаем сегодня известной русской поговорке: «Мы вам всем еще покажем Йоськину мать».

Как и у каждого ребенка, у Иосифа в детстве были любимые игры, любимые, так сказать, забавы. Например, в своих спектаклях он почти всегда мучает людей и птиц. О людях – позже, но среди птиц он отдает предпочтение почему-то чайкам. Кто-то в детстве издевается над кошками, кто – над лягушками, а наш хлопец неравнодушен к чайкам. Все помнят, как подстрелили чайку в финале спектакля «А чой-то ты во фраке?», хотя могли бы этого не делать. Теперь он собирается застрелить другую чайку с помощью Треплева в следующем своем спектакле. Вообще, надо сказать, самой любимой игрой бедового мальчишки всегда был театр. Если кто думает, что он всем этим занимается серьезно, тот просто ничего не смыслит в детской психологии… или психиатрии. Другой любимой забавой пытливого мальчугана была игра под названием «Опусти артиста». Сделать из артиста идиота, из народной легенды – горохового шута – одно из любимейших занятий озорного паренька. В области детской психиатрии это называется «склонность к садизму». Птицу чайку мы уже упоминали. Но заставлять пожилых, солидных народных артистов танцевать и петь, в то время как они этого никогда не умели, может только мальчик с психическими отклонениями.

Так, например, он со своим вокальным приспешником Тулесом сумел убедить выдающегося артиста Петренко в том, что он является певцом, в каковой иллюзии артист Петренко и пребывает до сих пор, странствуя по СНГ с оселедцем на макушке некогда неглупой головы и в сопровождении кобзаря, точно так же полагающего, что, он умеет играть на кобзе. А Людмилу Марковну Гурченко им удалось ненадолго убедить в том, что, до того как она переступила порог этого театра, она не умела петь вообще и ей, для того чтобы стать, наконец, артисткой – в свои 60 неполных лет, – надо переучиваться. Да что там! В свою вокальную звезду поверили даже Виторган и Дуров, до этого не питавшие на этот счет никаких иллюзий. Что же эти бедные люди будут делать дальше, когда вновь обнаружат, что петь не умеют, а только хотят? Думать, что их обманули и бросили.

А что Райхельгауз сделал с легендой советского кинематографа Татьяной Самойловой, недавней выпускницей Щукинского театрального училища, получившей наконец диплом из рук самого ректора, который все-таки постарше ее – года на три! Иосиф пытался не дать ей остаться в народной памяти героиней фильма «Летят журавли» и Анной Карениной. Он сумел убедить ее, что поезд Анны Карениной давно ушел, а журавли давно не летают. Он уверил бедную женщину, что единственное, чем она может блеснуть на закате карьеры, это образ тети Сони – слепо-глухо-немой полоумной старухи еврейского происхождения, по сравнению с которой вся знаменитая Стена Плача в Израиле выглядит Стеной Смеха. В конечном итоге на роль старухи был назначен автор этого некролога, и с тех пор наш парубок с нескрываемым удовольствием всякий раз наблюдает, как этот артист надевает зимнее пальто, закутывается пуховыми платками и в валенках идет в зал, средняя температура которого никогда не опускается ниже 28° по Цельсию.

Мы не можем обойти вниманием и любимую игру детей послевоенного поколения – игру в войну. Эта игра не прошла и мимо мальчика Йоси. Он годами играл в войну с «Высшей школой издательства», с некоторыми журналистами и журналистками, и неизменно побеждал, хотя, учитывая разницу в весовых категориях, противники в этих поединках были заранее обречены.

Ну что еще… Как и все в детстве, Иосиф любил и любит строить домики. Например, он практически своими руками, с помощью папы, построил домик под Загорском. Когда строить стало уже решительно нечего, он решил покинуть этот насиженный ареал и начать строить в другом месте, так как строительство – по-прежнему одна из основных забав трудолюбивого ребенка.

В результате детские наклонности Райхельгауза развились в его, так сказать, неповторимый стиль, в его творческий, позвольте так выразиться, почерк. Поэтому название этого текста – «Некролог» – весьма условно. Его детство осталось при нем, оно всегда с ним. Выросли только масштабы издевательства. Если прежде все ограничивалось скрытым презрением к артистам и шутливым глумлением над классикой («А чой-то ты во фраке?»), то в последние годы одесский парубок просто распоясался, что привело к созданию акунинской «Чайки», а потом и вовсе оперетты с тем же названием. Мы уже не говорим о том, что он замахнулся и на Грибоедова в спектакле «Русское горе». Можно было бы отметить, что, мол, по мотивам Чехова и Грибоедова, но, подумав, – нельзя, ибо мотивы настолько далеки от оригинала, что сразу обречены были превратиться в песни.

Однако детство Иосифа, его корни часто приводят к успеху театра и к тому, что интерес к нему не ослабевает. Так что и некролог у нас вовсе не грустный, а скорее, оптимистичный.

Про Константина Певзнера

Человек грузинского лета

Нет, право, ведь есть же человек дождя (это не обязательно что-то тоскливое и сырое, но все равно знаете, как-то…), отчего же не быть человеку грузинского лета, его антиподу? И это он, пожилой мальчишка, всегда готовый к шалости, заводной и смешливый, иногда вдруг спохватывающийся и вспоминающий, что, мол, стоп! он же дядя, – и на некоторое время опять становящийся взрослым (или исполняющий роль взрослого). Этот замечательный, чуткий и нежный музыкант – талантливый, но ленивый мальчишка; этот, несмотря на внешнюю импозантность и респектабельность, товарищ равных ему по возрасту пацанов-хулиганов; этот мой всегда юный друг Константин Григорьевич Певзнер, среди своих – Котик, о нем и пойдет речь.

Однажды я решил максимально выразить свою приязнь к нему, проявив при этом такт милиционера из старого анекдота, который на похоронах своего капитана, когда заиграла музыка, пригласил вдову на танец. Вот и я тоже, весь обуреваемый чувствами, переполняемый желанием сказать ему что-то совсем хорошее, но не банальное, заявил: «Котик, вот если бы вы, не дай бог, конечно (хоть на это у меня, болвана, хватило ума!), сейчас умерли, вы не представляете себе, сколько людей собрали бы похороны, сколько бы шло за гробом!» Столь кудряво я хотел выразить простейшую мысль о том, что его любит огромное количество людей. В ту пору в нашей с ним жизни было много озорного и смешного, но чтобы он хохотал так – я не слышал ни до, ни после. Он утирал слезы, бил себя по коленям, все никак не мог остановиться и всем подходящим к нему говорил: «Ты представляешь, что он сказал!» – и передавал мой свинцовый комплимент уже в своей неповторимой манере. А знаете, почему? Потому что для большинства из нас вопрос «я и смерть» – очень серьезен, ибо мы вообще относимся к себе с неприличной серьезностью, а вот относиться, по крайней мере в этом вопросе, к себе так, как он, может только истинный аристократ.

Забавно, кстати, как этот аристократ проходил в любую гостиницу или ресторан. Всем нашим швейцарам, бывшим доблестным рыцарям государственной безопасности, даже в голову не могло прийти его остановить – его, величаво и царственно плывущего мимо них в вестибюль. Он шествовал так, что, наверное, в их бедных, не осененных воображением мозгах

вяло крутились лишь две мысли. Небогатый у них был выбор: либо, поклонившись в пояс, спросить, куда, мол, барин изволит следовать, либо, что предпочтительнее: «Дозвольте ручку поцеловать».

Леониду Осиповичу Утесову – 80. В первой половине дня мы идем его поздравлять. «Мы» – это наш герой Певзнер, который в это время фактически возглавляет оркестр Утесова, хотя номинально является его музыкальным руководителем, конферансье Вацлав Скраубе и я, который одновременно работает в Московском ТЮЗе и является солистом оркестра, исполняя с ним свои песни (опять же с легкой руки Певзнера, потому что если бы не он, не его инициатива, я бы так никогда и не решился на это совмещение).

Мы идем к Утесову, который всегда с почтением относился к своим юбилеям, и иногда это выглядело по-детски трогательно. Вот и сегодня он, оказывается, встал раньше всех в доме, тихонько оделся, прикрыл за собой дверь так, чтобы не щелкнул замок, и неслышно (как ребенок утром, затаив дыхание, идет в другую комнату посмотреть, что спрятано под елкой) вышел на улицу узнать из газет, как его наградило правительство в связи с юбилеем. Сам он втайне ждал «Гертруду» – так приземленно, бытово и почти уничижительно звал народ высокую правительственную награду, которой отмечали не только самых лучших, но и самых угодных правительству артистов, – звезду и звание Героя Социалистического Труда. Утесов отчего-то считал эту награду весьма почетной и единственно достойной его большого юбилея.

И вот он, весь трепеща, скупил центральные газеты, стал их перебирать и просматривать первую полосу. И – о, ужас! Вдруг выяснилось, что столь ожидаемой награды он не получил и вместо желанной «Гертруды» имеет занюханный какой-то орденок Октябрьской Революции. Чуть не плача, Утесов вернулся домой и стал переживать. Он продолжал переживать, что «его жизнь, его труд так низко оценили», и тогда, когда пришли к нему мы. С порога, едва поздоровавшись, он стал жаловаться на черствость и скупость нашего правительства. Певзнер стоял озадаченный, но, по мере развития утесовских стенаний, негодование вкупе с горьким недоумением все более отражались на лице Котика. Наконец он взорвался:

– Да что вы, ей-богу, жалуетесь, Леонид Осипович, честное слово! Зачем вам этот «Герой Социалистического труда»?!

– Но как же?.. – вяло попытался продолжить Утесов, но было поздно, Котика остановить уже было невозможно.

– Да так же! Что вам это?! Вы представляете себе: доярке

какой-то, хлопкоробу знатному, сталевару вручат сегодня этого «Героя» и – вам!!! Да вам даже унизительно получить такую банальную награду! Подумайте! А тут – орден Великой Октябрьской Революции!

Котик подчеркнул «Октябрьской» так, чтобы тот понял: не январской, не апрельской, не Великой французской, а именно Октябрьской, то есть совершенно обалденной революции.

– Эта «Гертруда» у каждого дурака вообще, а вы получаете такой орден вторым, – продолжал Котик, – и еще расстраиваетесь.

Все сказанное окрашивалось к тому же чудесным грузинским акцентом.

Слегка обалдев от такого напора, но тем не менее все еще заинтересованно и ревниво Утесов протянул:

– Да?.. А у кого первый?

И последовал мгновенный ответ:

– У крейсера «Аврора».

Более артистичного музыканта я не видел. Наверное, если бы я сидел в зале, то на солистов бы даже не взглянул, а глядел только на дирижера – Певзнера. Это был отдельный концертный номер, какой-то внутренний, с едва сдерживаемым темпераментом, танец.

Его речь была неожиданна и парадоксальна: «Слушай, этот Маркс, интересно, как он ел? Наверное, с ним противно за столом было сидеть вообще: суп по бороде течет, он ее вытирает рукой, крошки в бороде застревают, он с тобой разговаривает, а там крошки». И все это изображается так, как будто он только что отобедал с Марксом, в середине обеда все-таки не выдержал, встал, вышел на улицу, встретил друга и выкладывает ему свои свежие впечатления.

Но ошибочно было бы думать, что мы имеем дело только с эдаким разудалым весельчаком, хотя, наверное, каждый, вспоминающий его, в той или иной мере этого коснется, ибо в жизни Котика, в дружбе с ним веселье и радость были доминирующими красками. Я его прозвал тогда «еврей-гусар». Прозвище было дано просто шутки ради, но, сегодня я это вижу, оказалось точным: мудрость этого народа и его умение жить, природное чувство самосохранения непостижимым образом сочеталось тут с русско-гусарской удалью, бесшабашностью и иногда даже полной потерей инстинкта самозащиты.

Но, повторяю, не это главное. Не только весельчак и заводила, тамада и анекдотчик, любитель розыгрышей и гусар. Я – о таланте, пожалуй, единственном качестве, сразу отличающем человека от всего остального живого ходящего, плывущего или ползущего. Талант в широком понимании слова – это талант не

только сочинять музыку или писать картины, это самый широкий спектр человеческих качеств: талант любить, дружить, быть хорошим сыном и т. д. и т. п. Не случайно мы часто слышим выражение «талант от Бога» (интересно, а откуда же еще). А в нашем случае Господь не поскупился, щедро было отсыпано таланта человеку грузинского солнца, и все, к чему он прикасался, этим талантом освещалось.

Почему мы так помним его, почему с его уходом исчезло из жизни каждого из нас что-то важное, без чего жизнь наша стала беднее и мы все словно постарели на несколько лет?! Потому что подчас неосознанное стремление каждого из нас к красоте словно осиротело с его уходом, ведь он умел все делать красиво: дружить, ухаживать за женщинами, сочинять нежную свою музыку, дирижировать, вести стол.

А впрочем, не будем грустить. Вот я иду по Москве, по Тверской, дохожу до Триумфальной площади и сворачиваю к гостинице «Пекин», где он всегда жил и где все его обожали. Вот он стоит на углу, смеется, разговаривает с кем-то, опять что-то показывает. Кто это сказал: «умер»? Чепуха! Вздор! Это прах где-то там, в Тбилиси, а он – вот он, здесь, только протяни руку, вот оно – рядом-рядом, близко-близко… Пошути, засмейся – видишь, он протягивает тебе руку, чтобы ты по ней шлепнул, как всегда у нас бывало при чьей-то удачной хохме. Шлепни по его ладони, шлепни, не бойся – неважно, что рука твоя встретит пустоту, неважно: ты-то ведь знаешь, чувствуешь, и он знает, он видит тебя, он любит тебя, улыбается тебе, он смеется, нет! хохочет! он… – живет!

Про Хмельницкого

К юбилею моего друга Бориса Хмельницкого, состоявшемуся в Доме кино, был написан вот этот текст вместе с содержащейся в нем историей, которую вроде как не совсем прилично рассказывать, но только не ему и не тем, кто способен еще посмеяться над собой. Есть люди, с уходом которых мир становится менее весел, праздничен; менее легкой и обнадеживающей становится жизнь. Но вспоминать хочется все равно все легкое, веселое, что связано с ним, хочется относиться как к живому. Никакого почему-то желания плакать над могилой, потому что скорбь и Боря – несовместимы. Он шутил даже тогда, когда знал, что умирает, и никому не жаловался. Я на этих страницах шлю привет ему, как и всем, в чей уход организм отказывается верить, так как, думаю, их души где-то там, в ноосфере, знают, чем мы тут без них занимаемся.

Вот это поздравление. Представьте, Боря жив, сидит в углу сцены среди букетов от поклонниц, хохочет над наиболее удачными пассажами своего товарища и думает – когда же все это кончится, чтобы поскорее переместиться в ресторан и хорошенько выпить… Да, да, именно жив и никак иначе!..

Один знакомый сказал про Хмельницкого: «Он не просто красив, он живописен». Его изумительная самодостаточность и уверенность в своей неотразимости могли бы удивить любого домашнего породистого кота, который прыгает к вам на колени, твердо зная, что его не прогонят и – более того – что он любим и будет обласкан. А как же иначе, если я прекрасен. Не полюбить совершенство сразу, с порога, могут только конченые идиотки, ничего не смыслящие в красоте и гармонии. Сказать о Борисе «секс-символ» и тем самым поставить его в длинный ряд мужчин той же категории, которую произвольно, по своему вкусу назначают журналисты, – это значит принизить его мужские достоинства. Он не похож ни на кого. Разве что на седого льва, уставшего от побед и отощавшего – так ему надоело мясо и настолько уже лень охотиться. Его серебряная грива и импозантная борода сводили и сводят с ума женщин нескольких поколений. Интересно, что в этот реестр входят и молодые девушки, которым тоже лестно приблизиться к совершенству и которые ошибочно полагают, что он уделит им время и научит высокому искусству любви. Они еще не знают, что главные интересы в его жизни – это бильярд и выпить. Ну и немного музыки… Однако они могут рассчитывать на кратковременное –

но зато шикарное – ухаживание, ибо Борис добр и щедр по природе. Он угощает и дарит. А главное, сам испытывает от этого огромное удовольствие.

Но иным неудачницам не выпадает даже малая толика счастья. Не везет! Так однажды в Петербурге к Борису в гостиничный номер привели двух поклонниц, готовых буквально на все ради автографа и нескольких минут общения с этим русским викингом. Коньяк был им к тому времени не просто пригублен, а пригублен изрядно. Борис царственно откинулся на стуле и решил позволить себя любить. Сделал он это весьма своеобычно и в свойственной ему манере, которая возникает, когда в его организме вибрирует более трехсот грамм крепкого алкоголя. Буквально через несколько минут после появления барышень он задал им сакраментальный вопрос, выраженный более чем с солдатской прямотой: «Мы сегодня будем..?» Тут повествование должно прерваться, так как в русском языке нет литературного определения действия, которое Борис облек в неопределенную форму матерного глагола. Есть скучные синонимы, известные всем. Но вы, конечно, уже догадались, что именно предложил Борис опешившим девчушкам, чем сразу перевел вечеринку из светского русла – в канализационный сток. В принципе девушки были не против, они даже надеялись на что-нибудь подобное. Но чтобы вот так… сразу… не предложив даже шампанского, не спросив, как зовут и вообще… Поэтому они растерялись и не знали, что ответить, на лицах появилось забавное выражение смятения. Обидеться, отшутиться или, шутя, согласиться? Но озвучить согласие им не дали, времени на раздумье – тоже. Приняв их трехсекундное замешательство за отказ, Борис своей второй фразой разбил все девичьи мечты. Он сказал: «Ну тогда пошли обе отсюда на хуй!» Потрясенные девушки робко поднялись и, одернув юбочки, чуть не плача, пошли к выходу из номера. «Мы же согласны, так за что же нас так?!» – светился немой вопрос в их глазах, уже полных слез. А далее Борис вдруг повел себя как доблестный рыцарь Айвенго. В прихожей он стал подавать им пальто и соорудил фразу, которую я буду помнить, даже умирая. Он сказал: «Не знаю, как вы, а я бы сегодня со мной остался». Этот элегантный по сравнению со всем предыдущим эвфемизм было последнее, что услышали дамы. Дверь за ними захлопнулась. Слегка раздосадованный рыцарь вернулся в комнату и зло посмотрел на меня, корчившегося от смеха в своем кресле. «Вот ты сегодня с собой и останешься», – сказал я ему между спазмами хохота.

К этому человеку я отношусь совершенно по-братски. Ко всему прочему, мы родились в одном городе, в Уссурийске. И в

нашей жизни был один вполне мистический случай. Мы участвовали в концертной поездке по Дальнему Востоку. К сожалению, Уссурийска в гастрольном плане не было. Через него мы проезжали глухой ночью по дороге из Биробиджана в Хабаровск. И вот часа в четыре утра я отчего-то проснулся в купе, сел на полке, выпил воды и посмотрел в окно. Надо сказать, что после рождения я в Уссурийске ни разу не был. Итак, сижу я в купе, смотрю в окно. А там и не видно ничего, ночь. Поезд замедляет ход. На соседней полке заворочался Боря, тоже сел, выпил воды… Поезд встал. Боря говорит мне: «Что за станция? Пошли на перрон, покурим». Мы вышли. Перрон был пустынным, над ним висел влажный туман. И метрах в ста над зданием вокзала светились большие красные буквы: Уссурийск. Мы с Борей так никогда и не могли понять, что подняло нас посреди ночи и почему мы вышли на перрон?..

Детство его прошло в Уссурийске, юность – в Хабаровске. Потом длинная жизнь в Москве с крутыми виражами биографии. Но детство, мальчишество остались в нем по сей день. Способность и готовность к шутке, розыгрышу, а главное – столь же детская неистребимая потребность устраивать праздники – себе, близким и родным, друзьям, женщинам, всем дорогим его сердцу людям. И сегодня устроил праздник. И у меня есть вполне обоснованное подозрение, что устроил не для себя, не для того, чтобы этак помпезно отметить дату. А для того, чтобы собрать вместе любимых людей и сделать так, чтобы им было хорошо, нескучно, радостно. В один календарный день, на несколько часов, свободных от проблем, «свинцовых мерзостей» нашей жизни. День, вечер, состоящий только из взаимной привязанности, симпатии и добра. С твоим персональным Новым годом тебя, Боря!

«Мохнатый Хмель» и «душистый Хмель», —
Михалков спел про Борю в кино.
И опять чья-то дочь, за Хмельницким – в ночь.
Пусть осудят, а ей – все равно.
Так вперед, за Хмельницкой душой кочевой,
Попадая – то ль в рай, то ли в ад.
Чьи глаза глядят с бесприютной тоской? —
Это стих свой читает Панкрат.
Мохнатый Хмель, пусть прошел апрель
В его жизни хмельной, озорной.
На дворе лишь июнь, и Бориска все юн,
Поздравляемый всею страной.

Про Любовь Полищук

Любка-улыбка

Этот заскорузлый штамп: дескать, «улыбка в тридцать два зуба» говорят о радостной, праздничной, располагающей улыбке, – неверен по определению. Я встречал людей, у которых эта «улыбка» была страшной. Тут, наверное, дело не в количестве зубов, а в количестве обаяния. Такой обаятельной и заразительной улыбки, такого смеха, как у Любы, не было ни у кого.

Один раз она меня подвезла с «Мосфильма» на своей первой, только что купленной машине. Это был тот еще цирк. Наверное, в это время у Любы еще не сложились отношения с педалями сцепления и газа, поэтому машина двигалась рывками. На оживленной трассе конвульсии Любиной машины приводили в бешенство всех водителей слева и справа: мало того что женщина за рулем, так, наверное, еще и права купила. Они все орали, матерились, а потом им удавалось разглядеть – кто за рулем. И настроение мужчин, мастеров вождения, мгновенно менялось. Люба понимала, что она на дороге новичок и не совсем права, но… Она улыбалась. И мужики, только что крутившие пальцем у виска и оравшие, – вдруг откидывались на сиденьях, таяли, расслаблялись и тоже начинали улыбаться. Потому что есть улыбки, на которые нельзя не ответить. Меня истерика машины, которую Люба всю дорогу насиловала, не пугала, а только смешила. Я знал, что все будет хорошо. И я никогда не забуду человека, при одном взгляде на которого поднималось настроение и хотелось жить. А как хотела жить она!..

Часть 2
Рецензии (серьезные и не вполне)

«Ночь нежна» при полной «Луне» (Рецензия на спектакль Театра Луны)

Смотрю я, признаться, мало. Имею в виду спектакли. По нескольким причинам. Во-первых, меня чаще всего приглашают друзья и знакомые посмотреть что-то с их участием, и это уже опасно. Тебе увиденное может совсем не понравиться или же (ну так бывает!..) может оказаться зрелищем не твоим, не близким тебе, а значит, не сможет тебя ни тронуть, ни тем более взволновать. Но нужно ведь что-то сказать пригласившим. И ты мямлишь, находишь какие-то обтекаемые формы, чтобы не огорчить, не обидеть, а скрыть все равно ничего не можешь, и твой товарищ это видит, и ты видишь, что он видит, – словом, ужас! Кроме обоюдного чувства досады и неловкости не возникает ничего. И даже можно таким образом испортить отношения с близкими и приятными тебе людьми.

Во-вторых, если у тебя много работы, но вдруг появляется свободный вечер, то хочется его провести тихо, в кругу семьи, даже (стыдно сказать) – у телевизора, с семечками. Поэтому, когда мои знакомые спрашивали меня: «Как! Вы и этого не видели? И этого?! Ну, знаете…» – мне становилось неловко, и я придумал для себя этакое клише, стандартную форму ответа. Я всегда отвечал вопросом на вопрос: «А вы когда-нибудь видели сталевара, который ходит отдыхать к родному мартену?»

И, наконец, третья причина – это иногда, в редких случаях, возникающая белая зависть: «Ах! Ну почему я не там, не с ними, не в этом чудесном действии, не в этом спектакле?!» Вот с этого и начнем.

Анатолий Ромашин пригласил меня в Театр Луны на спектакль «Ночь нежна». Театр этот создал Сергей Проханов и руководит им до сих пор. «Ночь нежна» – магический, завораживающий роман Скотта Фитцджеральда. Если ты впечатлительный, ранимый, склонный к романтизму, но тщательно скрывающий это юноша (а таких очень много, невзирая на господствующие в стране рыночные отношения), – то этот роман ошеломит тебя и ты долго будешь его помнить. Я тоже был таким юношей, плохо помнил содержание, но хорошо запомнил впечатление, и поэтому шел в первую очередь на название.

Кроме того, мне было любопытно, как это Сергей Проханов, которого я всю жизнь знал как человека веселого и несколько легкомысленного – да и вся страна воспринимала его не иначе

как «усатого няня», – ухитрился написать инсценировку и, более того, поставить на своей сцене такую вещь, как «Ночь нежна». Усатый нянь и Скотт Фитцджеральд как-то не сопрягались. Забегая вперед, скажу, что пришлось еще раз вспомнить великого учителя, А.С.Пушкина, давным-давно намекнувшего нам, что «ум высокий можно скрыть безумной шалости под легким покрывалом»…

И наконец, из тех, кого я знал, там играли, кроме Ромашина, еще и Дмитрий Певцов, Юрий Чернов и Сергей Виноградов, с которым мы не так давно работали вместе в картине Мотыля «Несут меня кони». Все это, вместе сложенное, сулило либо жестокое разочарование, либо – жестокое наслаждение (отчего не быть «жестокому наслаждению», если бывают «жестокие романсы»?..).

Когда мы с женой и сыном уселись в середине первого ряда (а это уже было нарушением театральной этики: коллеги не должны сидеть близко, но – так посадили) и сын попытался вытянуть ноги, жена сделала ему замечание: «Убери ноги со сцены». И действительно, театр был настолько миниатюрен, зал настолько мал, а сцена настолько крохотная, что если сын на двадцать сантиметров вытягивал ногу, она оказывалась уже на сцене. Но все это, как оказалось, работало на спектакль. Зрителей должно было быть несколько десятков – столько вмещает зал, и они невольно оказывались втянутыми в процесс, и артисты обязаны были как бы и не играть, потому что любая игра, любой показ переживания, а не само переживание, становились бы очевидными в трех метрах от твоих глаз.

Двое красивых мужчин с обнаженными торсами, плавно и величаво выплывшие в начале спектакля, несколько напрягли меня. Ибо это были Певцов из Ленкома и Виноградов, свободный художник, который играет или ставит спектакли, где ему вздумается. Напрягли потому, что имя Певцова уже не раз муссировалось в прессе в сочетании с гордыми и банальными титулами «супермена» и «секс-символа» новой России (эти журналистские ярлыки, я думаю, озадачивают и самих артистов, но, кажется, Певцов достаточно умен, чтобы относиться к ним не без юмора). Ну а Виноградов, как известно, долгое время ассоциировался в первую очередь с Мадам из знаменитого спектакля Виктюка «Служанки». Они красиво вышли и картинно встали, и я с некоторым испугом (так как придерживаюсь традиционной сексуальной ориентации) подумал, что сейчас между ними начнется специфическая сцена. Но нет, оказалось, что это не более чем иронический реверанс режиссера и артистов в сторону «Мадам Баттерфляй». Они эту смешную цепочку,

наверное, и сами не прослеживают: Мадам – «Баттерфляй» – стиль плавания – пляж, на котором все начинается. А-а-а! Они сейчас на пляже, поэтому в таком виде! Они только что из воды, плавали баттерфляем, устали, вышли на берег и тихо, не форсируя звук, начали – и пошло́, и покатило совсем про другое!

Изломанные, «психиатрические» отношения персонажей безупречно игрались артистами как великая тайна любви, жизни и смерти. Когда жизнь и смерть настолько рядом и граница между ними настолько непрочна и размыта, что ты начинаешь за них тревожиться: как бы не случилось с ними чего-то страшного, к чему, тем не менее, тебя все время готовят. Представьте себе трагическую красоту испанской корриды в соединении с анатомическим цинизмом операционного стола – черное, красное и стерильно белое – и вы поймете, о чем я говорю. Пластические ноктюрны, поставленные Виноградовым, полные драматизма и сдержанного достоинства, гипнотизировали зал, над которым сгущались любовный зной и предчувствие беды и разлуки. Каждый играл тайну, все время хотелось разгадать, что за боль у этого человека, что он скрывает, о чем все-таки думает, в то время как говорит что-то совсем неважное для него.

Я где-то читал, как Лукино Висконти учил играть одну кинозвезду: «Ты должна играть так: глаза говорят одно, а губы – другое». Вот так тут и было. Причем очень кинематографично, крупным планом (оттого что все близко) и, главное, на полутонах, ничего определенного, ничего не разжевывалось и не доигрывалось (не дай бог не поймем!), а оставлялось на додумывание и допереживание. То есть, режиссер и артисты нам, зрителям, доверяли, они верили в то, что мы не идиоты и все, что надо, «догоним» сами.

Я люблю Анатолия Ромашина за то, что он рисует свои роли не акварелью, а пастелью и всегда чего-то не договаривает, мне нравится Юрий Чернов, когда он дальше от цирка и ближе к театру; да что там, все в этом оркестре играли слаженно и сильно. Но (да простят меня друзья и коллеги!) здесь все-таки было три музыканта, на которых акцентировалось основное внимание. Первая скрипка – Николь, она же – Блейк, флейта – Дик Драйвер, он же – Виноградов, и барабаны – Томми, Певцов. Эти трое тащили на себе всю партитуру Проханова, автора этой музыки и дирижера.

Я мог бы еще на пяти листах описывать, как они играли, останавливаться на каком-то моменте и разбирать его, но – незачем. Скажу лишь одно: я, как профессионал, который обычно знает, как и какими средствами делается что-то на сцене, – тут временами не понимал, да и не хотел понимать, а хотел, чтобы

они меня и дальше несли по этой реке любви и сопереживания – дальше, дальше…

И (тот самый редкий в моей жизни случай) я – завидовал, что нахожусь не там, не с ними, что я в трех метрах от них, но на другой стороне, на стороне зрителей.

Театр Луны, господа, – это таинственный театр. Теперь думаю, что он так назван не случайно. Ведь недаром Луне приписывают загадочное влияние на самочувствие и настроение людей. И фаза этой «Луны» под названием «Ночь нежна» безусловно является полнолунием. Выходите, господа, из дому, полюбуйтесь на полную луну и ощутите смутную тоску по тому, что жизнь коротка, любовь хрупка, а счастье – эфемерно. Потом вглядитесь повнимательнее, и вы увидите: отблеск – Жизни, тень – Любви и призрак – Счастья. И долго потом будете, подобно герою Певцова, напевать про себя странную старую песенку «Оркестр “Бинго-бинго” играл нам танго, танго…»

«А чой-то я во фраке?» (Опыт рецензии изнутри)

«Искусство существует для того, чтобы помешать нам умереть от правды».

Фридрих Ницше

«Все в говне, а я в белом».

Из анекдота

Рецензия – быть может, сильно сказано, но это по крайней мере взгляд на спектакль и на его творцов изнутри. Я сам играл в этом спектакле, в театре с мудреным названием «Школа современной пьесы», роль Ломова, то есть это именно я бывал во фраке четыре раза в Москве и пять раз на гастролях и бывал бы еще, но… Людмила Марковна Гурченко отказалась играть. Причины, побудившие ее это сделать, понять трудно, если не невозможно: она несколько раз могла убедиться, как ее любят, как ее ждет публика в этом спектакле, насколько интересует всех, какова Гурченко в новом качестве, в театре, в котором ее вообще давно не было, да к тому же Гурченко, поющая в опере и танцующая балет. Но тщетны ожидания публики, не увидит она больше спектакля в составе № 2 (Гурченко, Виторган, Качан), остался состав № 1 (Полищук, Петренко, Филозов), который все это дело начинал и оказался жизнеспособнее, чем мой несчастный состав, умерший, едва успев родиться. Умер он после непродолжительной, но тяжелой болезни, о которой речь чуть позже.

Режиссер спектакля и художественный руководитель театра Иосиф Райхельгауз создал поначалу этакую звездную антрепризу, в которой участвуют легендарные артисты: артисты, заведомо вызывающие интерес не только народных масс, но и театральной элиты, и обеспечивающие, таким образом, интерес чисто кассовый. Эта стратегия в результате себя оправдала. Задолго до премьеры «А чой-то ты во фраке?» – оперы и балета для драматических артистов по пьесе Чехова «Предложение» – в народе был разбужен интерес: мол, а чой-то там делают эти ребята, чой-то это за опера-балет? К тому же фрагменты репетиции, показанные по ТВ, заставили публику замереть в ожидании, и, когда премьера состоялась, народ ринулся в театр

на Трубной площади с не меньшей (что удивительно!) энергией, чем на штурм прилавков перед очередным скачком цен.

И был большой успех, от которого вышеуказанные звезды засверкали еще ярче, звездное небо над театром Райхельгауза было высоким и ясным, а расположение звезд на этом небе астрологически предсказывало театру счастливую жизнь и легкую судьбу, дальнюю дорогу…

География звездного неба стала еще шире с приходом Гурченко и Виторгана; опять поучаствовало телевидение, так же интригующе и подробно показавшее репетиции второго состава, и ничто не предвещало трагическую гибель его. Но… Есть, так сказать, нарисованная звездная карта – отпечатанная программка спектакля со всеми манящими фамилиями, и есть оборотная сторона этого листа бумаги, на которой нет ничего, можно писать все что угодно, и появляются лишь пятна, если на нее что-нибудь положили. Вот так, на одной стороне – звезды, на другой – пятна, но это все та же бумага, один и тот же листок.

Любая звезда рано или поздно заболевает широко известной одноименной болезнью. Хорошо, когда это быстротечно, как корь. Она быстро проходит, если у человека есть сильная иммунная защита – его собственное чувство юмора, самоиронии, умение посмеяться над собой и не относиться к себе слишком уж серьезно, как к классику отечественного театра и кинематографа. Хуже, когда это заболевание становится хроническим, тогда человеку трудно, он никуда дальше не идет. И хорошо бы не пропустить первый признак заболевания – это когда начинает казаться, что мало уважают. Я далек от мысли подозревать сегодня в Людмиле Гурченко этот недуг, она человек достаточно сильный и серьезный, да и с чувством самоиронии у нее все в порядке, однако вот видите, что-то случилось, и я могу приписать это «что-то» лишь некоему синдрому недостаточности уважения, преклонения и любви со стороны театра.

Надо сказать, что театр этот момент (момент возникновения синдрома) тоже проворонил. Именно тогда, когда надо было проявить вышеперечисленные чувства, театр и партнеры опрометчиво решили, что она – одна из них, тем более что вела она себя на репетициях как примерная школьница, бывала готова раньше всех, никогда не опаздывала, не подводила, была замечательным товарищем, готовым прийти на помощь и сказать самые нужные ободряющие слова, а ее скромность сделала бы честь любой начинающей актрисе. Словом, Людмила Марковна вела себя безупречно, и все к этому привыкли, решили, что так и надо, забыв, с легкомыслием трехлетнего ребенка (а именно столько лет театру и было тогда), что имеют дело не только с

«профи» самой высокой квалификации, но и с женщиной, к тому же воистину с суперзвездой. Забыли, что эта хрупкая женщина имеет еще и суперзакалку, что она – специалист по выживанию в любых условиях. Ее далеко не простая в этом смысле жизнь приучила, видимо, жестко давать сдачи, лучше всего – ногой, так, чтобы обидчик не встал; и я, хоть и не был непосредственным обидчиком, до сих пор потираю ушибленное место и с понятным недоумением спрашиваю себя: за что? Неадекватная реакция: в ответ на недостаточность уважения убить спектакль, то есть – ногой по морде. Пусть не кажется вам это выражение слишком сильным, ибо я чувствую себя и ушибленным, и обворованным, думаю, что и Эммануил Виторган, и театр – тоже. Только сыграли нашу, второго состава, премьеру, только стало выясняться, что в театре появился еще один спектакль – не лучше или хуже первого, а попросту другой, только он стал уже обретать своего зрителя, как тут – хлоп! – и нет никакого спектакля, и все затраченные силы и нервы напрасны, и на сыплющиеся со всех сторон вопросы: «А когда же можно посмотреть ваш состав?» – ты только отворачиваешься и невнятно что-то объясняешь, а после смиренно утешаешь себя, что, мол, где звезды – там и звездные войны, но легче от этого почему-то не становится.

Однако хватит об этом, давайте-ка лучше о хорошем, то есть о спектакле. Почему же он хороший? Об этом уже столько писано-переписано, что будет приторно, если я добавлю еще и своего елея, но я рискну, тем более что это все-таки взгляд отнюдь не стороннего наблюдателя, и хотя бы это дает ей право на жизнь. Изначально этот спектакль – шалость, игра, вполне детская забава, даже, если хотите, легкое хулиганство. От обаяния всех этих вещей не застрахован ни один актер, сколько бы он ни корчил из себя патриарха сцены и инженера человеческих душ. В глубине души любого маститого художника живет хулиган и ребенок, и когда он в чем-то находит выход – это большая радость, наслаждение, я бы сказал, счастье патриарха, я уже не говорю обо всех остальных, менее «патриарших».

Эта детскость есть и в нашем режиссере, хоть Иосиф Райхельгауз и скрывает ее изо всех сил. Ему нравится быть усталым, слегка циничным, нравится относиться к актерам как к неким забавным зверушкам, чьи душевные движения он может предугадать на много ходов вперед; и не дай бог кто узнает, что он подыгрывал нам папу в концертных выступлениях или, допустим, писал когда-то нежные и грустные стихи – что вы! Упаси бог! Он этого ужасно стесняется, ведь это так не вписывается в образ человека, который испытал все, немного устал и прилег отдохнуть в тенистой прохладе Гефсиманского

сада, куда его снова забросила нелегкая судьба российского режиссера. Но вся эта напускная апатия и скука – всего лишь защитная пленка его детскости; тормоза, сдерживающие его постоянное желание пошалить. А желание пошалить и ребячество, которые бывают так симпатичны в мужчинах после сорока, оказываются иногда сильнее тормозов, и это тоже своеобразный способ не потерять рассудок в нашей «темной степи, в которой хозяин – лихой человек», по выражению Чаадаева.

Наш театр, истрепанный перестройкой, без поддержки государства, посреди рынка – похож на балерину, смущенно стоящую на пуантах и в пачке посреди компании мафиози. А театры, решившие все-таки жить по законам рынка и вступившие в него, выглядят не очень прилично, будто человек, вступивший случайно невесть во что. Эти театры отчаянно торгуют собой, чтобы выжить, и, к примеру, я вижу, как в переходе на Пушкинской площади висит афиша какого-то нового авангардного секс-театра с названием нового спектакля «Мглистые сквозняки» или «Склизкие мозгляки» – не помню, но это – апофеоз! Мглистые сквозняки секса в грязном подземном переходе от социализма к капитализму!

И что остается делать, если вся твоя страна превратилась в грандиозный толчок? Слово это в русском языке имеет, как известно, три смысла. Толчок перед прыжком к чему-то новому, отхожее место и одесский «толчок», толкучка, базар. Выбирайте из трех символов любой – по вкусу, все подходит в той или иной степени.

И если все так, то что прикажете делать художнику? Участвовать в перманентной борьбе, идти на панель продаваться или что еще? Как ему спастись? И есть ли хоть что-нибудь, что может его спасти? Ничего. Ничего кроме… праздника, который он же сам себе и устраивает. Так и появился этот спектакль. Говорят, в такой же примерно ситуации возникла в начале 20-х знаменитая «Принцесса Турандот» и стала праздником – вопреки всему. У нас вообще все хорошее получается не благодаря чему-то, а именно вопреки. Вопреки нашей жизни – этот театральный карнавал; несмотря на очевидное и невероятное – праздник, окрашенный все той же самоиронией, на которую все отважно пошли. Поэтому мало бежать впереди паровоза и гадать, к чему театральный люд потянется через месяц-другой, чего не будет хватать публике. Должна быть еще органическая потребность вылезти из моря нечистот и встать под душ, потребность психически здорового человека (а у нашего режиссера исключительно устойчивая психика) оградить себя и своих коллег

от безумства и подлости окружающего мира, создав свой мир маленькой театральной коробки, в котором драматические артисты почему-то поют оперу, танцуют балет и показывают фокусы с очень серьезным видом; иными словами, создать свой локальный сумасшедший дом, противопоставленный большому сумасшедшему дому вокруг театра. Как говорится, клин клином! Но, в отличие от большого, здесь все-таки игра в сумасшедших, в которой ни артисты, ни режиссер никогда не признаются. Они будут говорить: да мы все делаем очень серьезно, а уж то, что получается (т. е. чем серьезней поем и танцуем, тем громче хохочет зал), – это не наша забота, мы тут совершенно ни при чем, мы не виноваты.

Итак, праздник в альтернативном сумасшедшем доме – вот что такое этот спектакль! А какой праздник без фейерверка? И этот фейерверк устраивают артисты, каждый из которых украсил бы сцену любого театра, а в ансамбле это уже не фейерверк, а салют – в каждом спектакле из трех орудий и многими залпами. И первое из них – Любовь Полищук. Помнится, когда давным-давно в фильме «12 стульев» Андрей Миронов разбивал в танце стекло головой Любови Полищук, даже эта чепуха запоминалась навсегда, потому что это была Полищук, сохранявшая на лице во время всей сцены страстно-мрачный идиотизм женщины-вамп. Люба прошла длинный и трудоемкий путь от артистки эстрады до звезды театра и кино, но так называемая эстрадность осталась в ней навсегда. Это хорошая эстрадность, ее в театре боятся только дураки и завистники, потому что суть тут – в заразительности, яркости и умении держать зал. Она и в самом деле стоит в этом спектакле на пуантах, садится на шпагат и выбрасывает ногу вверх в весьма впечатляющем батмане, при этом тихонько, как бы про себя, но так, чтобы в зале тоже слышали, говоря «ой!», словно сама пугается своей амплитуды. У нее иногда устает голос, не смыкаются связки, но всякий раз она поет эту оперу глубоким сопрано, идущим изнутри организма. А в лице и в осанке Любы – неповторимый и возможный только у нас симбиоз этакой величавой оперной дивы с озабоченностью и замордованностью эсэнгэшной бабы: мол, вот я вам красиво и правильно пою про Воловьи Лужки, а там, на кухне, у меня в это время горят котлеты, купленные на последние деньги. И буквально вся роль у нее строится на этом, на сочетании высокого и низкого, небесного и земного.

Алексей Петренко. Это было тогда, когда его еще мало кто знал, – словом, можете себе представить, как давно. Я видел по телевизору какой-то спектакль Ленинградского Театра комедии, Петренко играл там слугу. Слов у него почти не было, и роль,

сами понимаете, была вспомогательной, но он сделал ее главной. Там рядом никто даже не стоял, главные действующие лица скромно отошли в тень и больше из нее не выходили; весь зал ждал появления этого слуги, который подволакивал ногу, заикался, страстно хотел что-то сказать и не мог – ведь слов у него не было. Да, он перетянул одеяло на себя, но что делать, если другие артисты решили даже не связываться – все равно безнадежно: лучше уж отдать одеяло и спать голым. А Петренко и не думал спать под этим одеялом, он натянул его на себя и, тараща глаза из-под его края, со свойственной ему истовостью пытался сделать что-то еще. Он везде работает с какой-то особой, своей, истовостью и страстью, и от этого все у него получается или очень грустно, или очень смешно, или то и другое вместе, что в искусстве вообще является высшим пилотажем. Кажется, Петренко может сыграть даже периодическую систему Менделеева – и не будет скучно.

Этот его плач-вокализ над якобы трупом Ломова я не забуду никогда. Как при этом труп не колышется от хохота, мне непонятно, ибо этот плач может не только оживить мертвого, но и рассмешить живого исполнителя этой роли, в данном случае – Альберта Филозова. Даже грузинские похоронные плакальщицы тут могут отдохнуть – увидев это, они поняли бы, что не тянут. А знаменитый плач Ярославны в сравнении со стенаниями Петренко – жалкое хныканье Тани, уронившей в речку мячик. Все, что он делает – и в этом спектакле тоже, – отмечено особой заразительностью, заставляющей тебя пристально следить за всем, что происходит на сцене. Поет ли он, словно протодьякон, крутит ли пируэты в балете, сам себе по-казачьи подсвистывая, играет ли сцену, в середине которой начинаешь тревожиться, что он этими счётами сейчас-таки прибьет Ломова, или устраивает в конце спектакля цирковой дивертисмент со своей тростью – все это заразительно, все это в поле его воздействия на тебя. Думаю, не ошибусь, если рискну предположить, что каждый талантливый актер – в какой-то степени экстрасенс, он тоже создает некое поле воздействия, и чем сильнее талант, тем сильнее это поле. Смотрите, когда весь зал замирает и не дышит – что это, по-вашему, не сеанс? Или когда все дико хохочут над пустяком – это ли не массовый гипноз? У Кашпировского лишь три десятка людей болтают головами, а тут у каждого из троих – по полю, и, соединенные вместе, они образуют троекратно усиленную зону влияния, давая нам уникальный сеанс магии и театрального колдовства.

Но я еще не сказал о третьем маге – Альберте Филозове. Всякий раз, говоря об артисте, мне приходится возвращаться чуть-

чуть назад. Вот и теперь я вспоминаю спектакль «Серсо» и в нем Филозова и его монолог об одиночестве. Ему тогда хотелось плакать, но он этого не сделал, он сдерживался. Артисты часто гордятся подлинностью своих переживаний на сцене, забывая, что «поэтом является не тот, кто вдохновлен, а тот, кто вдохновляет» (Дидро). Взахлеб рыдающий на сцене актер иногда вызывает лишь чувство жалости и легкой досады, и, напротив, когда он изо всех сил сдерживается, – вдруг начинают всхлипывать в зале. Таков Филозов в своей актерской манере. Он наделен тем, что в наше максималистское время чрезвычайно редко встречается – вкусом, чувством меры. Он всегда нам чего-то не договаривает, чтобы мы поняли и догадались сами, а потом были горды собой, что справились. Это вкус диктует ему одну из первых заповедей умного артиста – никогда не рассчитывать на «публику-дуру», а недоиграть и быть уверенным, что она, эта публика, потом «догонит».

И еще. Я все время, когда встречаюсь с Филозовым как зритель, вижу тему, которую он несет через всю свою актерскую биографию. Эта тема очень вписывается в его индивидуальность (его ведь нельзя спутать ни с кем): тема вечной наивности и незащищенности русского интеллигента, которого может обмануть и обидеть практически любой. И в роли Ломова он тот же.

Об артистах своего состава я буду говорить коротко, чтобы не травить незаживших ран, но – влюбленно. Мне искренне жаль подавляющее большинство московских зрителей, не видевших Гурченко в этом спектакле. Она была такой, что… Марлен Дитрих в лучшие годы ничего не светило рядом с Гурченко. Эммануил Виторган, если где-то чего-то не допел, с лихвой компенсировал это своим талантом драматического и даже комедийного артиста. Его почти буффонный временами Чубуков, ее красивая и несчастная Наталья Степановна несли на себе грустную печать одиночества и невозможности хоть чем-то стоящим себя занять, оттого и занимала такое место в их жизни дурацкая охота на тетеревов, дурацкие подуздоватые собаки, дурацкие склоки из-за Лужков. Нам бы их заботы, господа!

Одно скажу, я был счастлив и горд, что находился с ними на сцене, пусть даже считанные разы. Ну а что до артиста В.Качана, то рецензент В.Качан о нем писать не станет. Естественно, он любит и ценит этого артиста, странно, если б было иначе, однако не позволит, чтобы скромность, которая, как известно, украшает, не украсила бы и сейчас лицо этого художника. Отмечу лишь, что и он старался быть достаточно несчастным и одиноким, в результате у этого состава вытанцовывалась трагикомедия, что

позволило, например, Марлену Хуциеву после спектакля сказать, что тот состав – это очень смешно и хорошо, а этих всех – еще и жалко.

Нет, я все-таки не понимаю Людмилу Гурченко! Как же можно было пренебречь такой шикарной возможностью посумасбродствовать, доставить удовольствие и людям, и себе, и на вопрос: «А чой-то ты во фраке?» – ответить отчаянно и гордо: «А вот так! Во фраке и все!»?..

P.S. Она так и не вернулась… Через некоторое время ушел и Петренко, и тогда мне предложили исполнить вместо него роль Чубукова. А потом и Люба Полищук ушла из этого театра, и некоторое время спектакль «А чой-то ты во фраке?» находился в коме. Но решено было его сохранить, и теперь я вновь играю Ломова, Виторган – Чубукова, а Наталья Степановна сегодня – это Настя Сапожникова, которая играет то у нас, то в знаменитом молодежном спектакле «Метро».

2000 год

Пародийная рецензия на другие рецензии на спектакль «С приветом, Дон Кихот!» театра «Школа современной пьесы»

Режиссер – И.Райхельгауз. Дульсинея – Т.Васильева, Дон Кихот – А.Филозов, Санчо – Л.Дуров, народ – студенты ВГИКа.

Наша газета «Заря Испании» не могла равнодушно пройти мимо того факта, что театральные критики не заметили или не захотели заметить несколько отличительных особенностей спектакля «С приветом, Дон Кихот!», ставящих его в ряд выдающихся достижений как русской, так и испанской культуры. Соединение этих двух культур, их, так сказать, экстатический сплав произошел еще в начале действа, когда собравшаяся на премьеру российская интеллигенция была названа «сеньорами и сеньоритами». Эта дерзкая попытка приобщить сидевшую в зале публику к испанскому менталитету, к благородному обращению была, действительно, актом театрального безумства, так как благородство для нашего современника – то же, что квадратный трехчлен для Чапаева. Но театр и дальше продолжал отчаянные попытки выдернуть нас из заскорузлых рамок русского быта.

У режиссера Райхельгауза есть несколько характерных черт, по которым его спектакли сразу можно отличить от других. Во-первых, минимум треть спектакля проходит в темноте; едва различимы силуэты артистов, которые что-то тихо говорят, придавая действию неповторимый флер интимности и домашнего обаяния. Во-вторых, это самодеятельное пение и танцы с постоянной оговоркой: «для драматических артистов». Некоторые критики всерьез обсуждают то, что Васильева поет несколько хуже, чем Монсеррат Кабалье, а Филозов все-таки уступает в танце Михаилу Барышникову. Но они забывают, что театр называется «школа» и, естественно, в этой школе, еще в первом классе, артистов учат петь, танцевать и гримасничать.

И, наконец, третья особенность почерка мастера – это обязательный для каждого спектакля летальный исход в финале. Кто-то должен умереть. Даже в детском спектакле «По поводу обещанного масла» это масло будет съедено и в конечном итоге превратится известно во что, а значит – погибнет.

К этим трем фирменным знакам режиссера добавился еще один, и это явилось несомненным новаторством в театральном деле. И.Райхельгаузу удалось воплотить в жизнь свою давнюю мечту и поставить на сцене фрагмент строительства дачи. Неважно, что идет строительство осла и коня, главное, чтобы

строили, чтобы пахло опилками, чтобы все спорилось у студентов, чтобы мы все ощутили радость и горячее дыхание созидательного труда. Это было полное воплощение романтических идей наркома Луначарского, вставить цитаты из трудов которого мало кто решится. А Райхельгауз – сумел.

Народ весело, с огоньком строит светлое завтра. (Кстати, народ – это студенты ВГИКа, столярной мастерской Райхельгауза.) И в то же время все валится из рук сумасшедшего дворянина – проще говоря, идальго. Это (для тех, кто не понял) основной образ спектакля. Идальго действительно не в себе. Его диагноз обозначен еще в названии. Эта «зайка моя», с тазиком на голове, на деревянной лошадке и с копьем, которое вызывает горькое недоумение, приучает нас к мысли, что этими средствами добро вообще никогда не победит зло. Но мечтать об этом можно. И бороться! Театр и дальше будет бороться. По слухам, скоро они приступят к новой постановке литургии, оперетты, мистерии, дрессуры, оратории и эквилибра на проволоке для драматических артистов с рабочим пока названием «А чой-то чайка?» (ТВ-версия «Пока у них не все дома»).

Но вернемся все-таки к «Дон Кихоту». Никто из критиков так и не заметил в образе Санчо прообраз нового русского, будущего бескорыстного мецената, спонсора Дон Кихота, человека, которому обрыдли рестораны и казино, и он теперь проигрывает деньги, вкладывая их в борьбу добра со злом.

Никто не заметил предпраздничную распродажу тела Дульсинеи Тобольской по сниженным ценам. Эта же услуга на Тверской стоит куда дороже, а товар там более низкого качества. Например, о «роскошном теле», упомянутом одной журналисткой в газете «Известия», там и речь не идет.

Далее. Никто не оценил просветительской функции спектакля. Ведь вся оперная его часть – это развлекательно-познавательная игра «Угадай мелодию Минкуса».

И никто, в конце концов, не придал значения оздоровительной функции премьеры, здоровому влиянию спектакля на молодежь. Ведь упражнения по аэробике для студентов ВГИКа, поставленные выдающимся балетмейстером Г.Абрамовым, окончательно убеждают нас в том, что новое поколение вместо алкоголя, наркотиков и даже пепси предпочитает танцы в «Дон Кихоте». Я не говорю уже о достижениях в области обучения этим танцам. Вы когда-нибудь пробовали научить танцевать медведя гризли? Вот!.. А Дуров танцует!

Теперь о клоунаде. Она показывает нам, что весь смысл спектакля, весь его романтический пафос, все содержание

драматических сцен – умещается в одном лишь слове клоунессы Татьяны Васильевой. Впрочем, это даже не слово, даже не куплет, это звук, который она периодически издает: «Ля-ля-ля». И все! И драматические сцены, таким образом, становятся и вовсе ненужными. Весь «Дон Кихот с приветом» – в этом «ля-ля-ля», в этой ноте…

Клоунада должна была хоть как-то насторожить газету «Известия» и ее театрального обозревателя, намекнуть им, что после желчной публикации в адрес спектакля их сделают главными клоунами во всем этом газетном балагане, дирижировать которым будет все тот же Райхельгауз, крупнейший в стране специалист по легендам, мифам и скандалам. И все это будет обеспечивать спектаклю еще больший кассовый успех.

Так что спасибо всем ядовитым журналистам и их разгромным рецензиям, их, так сказать, газетным погромам, с одной стороны, и оппозиционным по отношению к ним журналистам, в частности Гр. Полуактову – с другой. Кстати, интересно, кто скрывается за этим игривым псевдонимом? Кто этот таинственный единомышленник? И что это такое вообще: полуактов?.. Что это? Некий акт, совершенный не до конца, а только наполовину?

Поэтому, заканчивая это рецензионное эссе, я сообщаю, что наша газета «Заря Испании над Трубной» предъявляет иск газете «Известия» на 1 млн пиастров за то, что она… да вообще – за все! Чтобы привлечь еще большее внимание общественности к театру «Школа современной пьесы».

И соответственно подписываюсь:

Владимир ПолуКачан.

Часть 3
Капустники
(которые в нашем случае можно смело назвать «качанниками»)

Но сначала – кое-что о театре «Школа современной пьесы»

В первый класс «Школы современной пьесы» я поступил в 1991 году, когда страна жила в романтической лихорадке перестройки, в восторге от открывающейся свободы, в предвкушении светлого капиталистического завтра, но с пустыми карманами и пустыми прилавками магазинов. В таких обстоятельствах творчество тоже становится революционным, в ногу со временем, особенно – на голодный желудок. Фигурально выражаясь, разумеется, ибо Иосифа Райхельгауза не терзали в ту пору голодные спазмы.

В какой-то момент, оглянувшись, я вдруг осознал, что работаю здесь уже двадцать лет, рекордное для себя, как артиста, количество времени. Здесь, оказывается, прошла гигантская часть моей жизни – с новыми ролями, тремя Тригориными в трех «Чайках», с падениями и успехами, юбилеями и даже званиями (что составляет особенную, я бы сказал, спортивную гордость нашего худрука, который добился того, что на каждый квадратный метр нашей маленькой сцены приходится по два артиста со званиями и пара орденоносцев и лауреатов в качестве бонуса). Словом, я здесь давно, я в этой «Школе» даже не второгодник, а безнадежно застрявший в обучении ученик. И не вышло у меня написать здесь ничего другого, кроме как о первых своих шагах на этой сцене, о первом спектакле – первой «школьной» любви, о первых цветах первоклассника…

* * *

Театр «Школа современной пьесы» бывал во многих городах и странах. Но именно в канун 15-летия театр почему-то решил отметить, свой, так сказать, полу-юбилей поездкой в один

интереснейший город, который называется Ноябрьск. Название предполагало, что где-то рядом расположены города-побратимы – Декабрьск, Январск и Февральск, но нет, оказалось, что этот город, куда не сослали декабристов лишь потому, что он тогда не был еще построен, – единственный в своем роде. Когда у водителя нашего автобуса спросили, как называется ближайший крупный город (спросили в надежде, что это название, в отличие от Ноябрьска, будет нам знакомо и мы сможем хотя бы примерно сориентироваться, где находимся), нам ответили, что ближайший крупный город – Кагалым. Название и этого населенного пункта тоже было, прямо скажем, не всем знакомо, и с тихим отблеском восторга на лицах мы не без гордости подумали: «Вот куда нас занесло!»

Город оказался на границе Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов, о которых мы тоже слышали до этого только по телевизору. Да и возник он только из-за того, что там нашли нефть и газ. Но это не важно. Важно то, что эта жемчужина лесотундры, этот Лас-Вегас нашего Заполярья принял нас как родных, с теплотой, которая вполне компенсировала тридцатиградусный мороз. «Нести культуру в тундру и далее» – станет теперь благородным девизом «Школы современной пьесы». И в нас растет уверенность, что США и всякие там Швейцарии остались далеко позади в нашей гастрольной памяти. И что теперь нас ждет совсем другое; оперетта «Чайка» в чукотском чуме, «Чайка» Чехова – в якутской яранге, а «Чайка» Акунина – в Антарктике, под другим названием – скажем, «Пингвин».

На обратном пути в самолете всем раздавали газеты. Милая стюардесса вручила нам по газете города Ноябрьска. А там на первой полосе располагалась информация о конкурсе красоты, который будет в этом городе проводиться. Название конкурса отличалось наивной прямотой и, как бы правильно выразиться, бесхитростностью: «Мисс Скважина». Кто не верит, может посмотреть.

Жаль, что Ирина Алферова не сможет принять в нем участие, поскольку ее там не будет. А ведь могла бы победить, учитывая, что она долгие годы входит в десятку красивейших скважин России. Это обстоятельство послужило, вероятно, поводом для невероятной тяги к ней – в аэропорту, а затем в самолете – двух специфичного вида молодых людей. Один из них, в клетчатом пиджаке, с лицом, будто высеченным из ледяного тороса, и с синими от татуировок руками подошел к ней в самолете и убедительно попросил автограф. Ирина сидела у окна, рядом – Саид Багов, а в том же ряду у прохода – Филозов. Попытавшись непринужденно облокотиться на лицо народного артиста

Филозова, татуированный затем почти лег на него и вступил в диалог с вожделенной кинозвездой. Нельзя сказать, чтобы диалог оказался коротким, потому Альберту было крайне неудобно, но общий его настрой на смирение в период Великого поста не позволил артисту ни дать наглецу в морду, ни послать его подальше матом, хотя куда уж дальше!

Тем временем диалог в этой крайне неприятной для Альберта Леонидовича мизансцене все продолжался. Ирина Ивановна словно не замечала неудобства и продолжала беседу с татуированным ноябрьцем. Терпение стало иссякать даже у Иосифа Райхельгауза, сидевшего по соседству, через проход. Большие, сильные руки режиссера уже тянулись к торсу просителя, и, зная Райхельгауза, не соблюдающего никогда никаких постов, можно было начинать опасаться, что все кончится кровавой дракой представителей культуры с представителями уголовного мира, но тут соискатель автографа наконец отлип от Алферовой, встал с колен Филозова и, довольно улыбаясь, отошел. Однако через минуту вернулся и одарил Ирину книгой. Почему-то на английском языке. На развороте книги было написано кратко, но емко и сильно: «Ирине – от братвы Ямала».

Через тридцать минут самолет пошел на посадку. А те, кто уже отсидел, вернулись на свои места. Короткая гастроль в незнакомый городок закончилась. Впереди Кагалым, Нефтеюганск, Среднеколымский улус и передвижной цирк-шапито на дрейфующей льдине со спектаклем «Пришел в чум мужчина к женщине». И не замерз!

Все эти гастроли потому, что нет спонсора. Ну нет его! А значит, нет и денег. Все приходится самим. Жаль, конечно, что «Газпром» любит футбол больше театра. С балетом проще. Точнее, со спонсорством отдельных балерин. Так всегда было, и это понятно и не обидно. Но обидно до слез, что тот же губернатор родной уже теперь для нас Чукотки тоже предпочитает футбол. А мог бы купить с потрохами всю «Школу современной пьесы» за сумму меньшую, чем одна трибуна его стадиона, а все народные и заслуженные артисты этого театра с радостью согласились бы на зарплату уборщика мусора на стадионе «Челси». И система осталась бы такой же. Тренер, он же главный режиссер, пребывает на своем месте. А команда (в данном случае – труппа) восполняется купленными звездами. Можно было бы, наконец, совсем прикупить Татьяну Васильеву, сделав ей предложение, от которого она не смогла бы отказаться. Да что там Васильева! Основной состав «Чайки» можно было бы на первых порах для приличия сохранить, но потом!.. Представьте

себе будущую афишу, предложенную Абрамовичем. Аркадина – Катрин Денёв, Треплев – Леонардо Ди Каприо, Сорин – Бельмондо, Тригорин – Аль Пачино и т. д., и т. д. А в оперетте! Тригорин – Пласидо Доминго, Аркадина – Лайза Минелли или Барбара Стрейзанд.

Мечты, будь они неладны! А на самом деле – один футбол. Ну и черт с ним! Ну и пусть! Будем сами выживать. Будем играть в жару в Москве и ездить на гастроли в январе за полярный круг. Будем играть больными и с температурой. Будем репетировать даже чепуху и за маленькие деньги в надежде, что все равно получится что-то, похожее на искусство. А знаете почему? Потому что, как бы мы ни ныли, нам это нравится, мы любим это делать. Мы ценим друг друга хотя бы за то, что даже если у кого-то из нас сегодня несчастье, то завтра он все равно выйдет на сцену и будет работать. И потому – да здравствует театр вообще, и тот, которому сегодня 15 – в частности. Ура!

* * *

1994 год. Пятилетний юбилей театра «Школа современной пьесы». К этой знаменательной дате был сочинен, а затем и прочитан для всех собравшихся нижеследующий текст. Дело давнее, поэтому придется кое-что пояснять ремарками. Вначале краткий экскурс в не такое уж давнее прошлое.

Так же, как в конце XIX века в ресторане «Славянский базар» исторически встретились Станиславский и Немирович-Данченко, аналогично поступили в конце XX столетия, а точнее, в 1989 году, Райхельгауз и Дружинина. Добрая традиция решать творческие вопросы в ресторанах нашла свое продолжение и в их саммите, состоявшем всего лишь из двух человек, но в результате оказавшем влияние не только на культуру Москвы, но и на ее архитектуру (мы имеем в виду строительство нового здания на Неглинной улице). Встреча состоялась в бывшем ресторане «Оливье» на Трубной площади, и они договорились обо всем, и в первую очередь – о стратегическом плане действий. Как говорил тогда главный «перестройщик» страны – процесс пошел. Он шел с нежностью и деликатностью бульдозера, движущегося к своей цели если не прямо, то неотвратимо.

Попросив вначале у «Высшей школы издательства», в ту пору занимавшей огромную территорию на углу бульвара и Неглинной улицы, только зайти погреться, театр затем, все еще несмело потирая озябшие ручонки, попросил потесниться и, наконец, просто выйти вон. Новый театр мужал и рос, руководствуясь

основополагающим принципом перестройки «Кто смел, тот и съел» и оставив «Школе издательства» совсем небольшую часть здания. Райхельгауз дал театру простое, незамысловатое название «Школа современной пьесы», запомнить которое не может практически никто. Таким образом, в бескровном поединке двух «школ» победила «Школа современной пьесы», которую тогда уже можно было назвать точнее – «школа выживания».

Между прочим, это была уже третья попытка режиссера Иосифа Райхельгауза создать свой театр, свой, если можно так выразиться, «третий Райх». И с третьей попытки это ему удалось. У истоков «Школы» встали известные артисты – Любовь Полищук и Альберт Филозов, побросавшие ради нового дела свои прежние коллективы. Новый театр начинался не с вешалки, которую он тогда просто не в состоянии был приобрести, а со спектакля «Пришел мужчина к женщине». Впоследствии этот культовый для Райхельгауза спектакль не был сыгран только на полуострове Таймыр, который Райхельгауз попросту не любит из-за сурового климата и невозможности поставить декорации в яранге; все же остальные географические точки были охвачены. Особенно (что естественно) режиссер любит Израиль – за теплую погоду, фрукты, море, обилие земляков из Одессы и вообще как историческую родину. С некоторых пор историческая родина Иосифа является испытательным полигоном для полусырых постановок. Именно тут встал на свои еще не окрепшие ножки спектакль «Пришел мужчина к женщине», и здесь же научился ходить и отправился шаткой походкой в Москву спектакль «Все будет хорошо, как вы хотели». До Израиля показывать в Москве эти спектакли было как-то неудобно и даже боязно, хотя отваги выпустить неготовую премьеру хватало у Иосифа всегда. Вот точно так он собирался научить меня водить машину.

– Все! Садишься за руль, нажимаешь педаль и едешь! Без вопросов!

– Да я же не умею ни черта! Авария будет!

– Не будет! Садишься и едешь! Зараз научу. Никаких автокурсов!

Первый спектакль своего уже театра, как и первая любовь, оставляет след навсегда и, если удается, то и повсюду. Поэтому новой постановкой Иосифа в Тель-Авиве, в главном театре Земли обетованной, театре «Габима», явилась – что бы вы думали! ну совершенно никто не ожидал! – пьеса Злотникова «Пришел мужчина к женщине», и можно только удивляться долготерпению евреев, для которых затянувшийся на годы приход этого мужчины к этой женщине выглядит уже как оккупация северных территорий. Однако терпеливость этого маленького, но гордого

народа давно стала легендарной, и стоит ли удивляться тому, что Иосиф решил еще раз порадовать хасидов и простых иудеев спектаклем «Пришел мужчина к женщине» в несколько измененном составе (Алферова, Филозов). А в обмен на этот широкий творческий жест они тоже нас порадуют в Москве, и мы вновь сможем насладиться спектаклем «Пришел…» ну и т. д., только уже на иврите. И не страшно, что на иврите, ибо содержание этого произведения благодаря Иосифу известно и в Москве, и за ее пределами.

Тем не менее «долгоносые духовитей всех», как справедливо поется в следующей постановке Райхельгауза «А чой-то ты во фраке?» по пьесе, типа, Чехова. Это откровенное глумление над великим русским классиком, подкрепленное к тому же финальным выстрелом в чайку над сценой (а тем самым и в Чехова, и в МХАТ), принесли Райхельгаузу и его новоиспеченному театру поистине всенародную славу, из чего стало предельно ясно, что нашему народу «по барабану» соборность и национальные святыни. Он хочет, чтобы было весело и интересно, а больше, оказывается, ничего не хочет. Поэтому спектакль и стал гвоздем сезона 1992–1993 г. наряду с шоу Бориса Моисеева, рождественскими встречами Аллы Пугачевой и дебатами в парламенте.

А сколько певцов и танцоров воспитал, однако, этот театр! Васильева и Петренко, Филозов и Полищук, Алферова, Дуров, Виторган, да что там! Целая плеяда новых звезд оперы и балета! Одна лишь Л.Гурченко, к сожалению, так и не освоила оперную манеру, то и дело сбиваясь на привычную эстраду. И главное, теперь всем стало ясно, отчего Большой театр уже не занимает того места в мировой культуре, которое занимал раньше, а его место занял театр маленький – «Школа современной пьесы». Необычно, абсурдно, но интригующе, согласитесь.

Вот с тех самых пор репертуар «Школы» стал приобретать все более рельефные очертания параноидального искусства. Легкая водевильная паранойя спектакля «А чой-то ты во фраке?» привела затем к вялотекущей шизофрении спектакля «Все будет хорошо, как вы хотели», а потом и к торжествующему маразму спектакля «Стулья» Сергея Юрского. Общая атмосфера сумасшедшего дома стала проявляться во всем. Министру иностранных дел Козыреву звонит сюда, в театр, госсекретарь США, звонит, чтобы обсудить с ним кое-что по югославской проблеме. Поскольку министр смотрит спектакль «Стулья», больше этот вопрос обсуждать негде, и спутниковая связь соединяет Белый дом со «Школой современной пьесы» – к большому веселью Райхельгауза, бродящего потом по театру среди охраны министра с лицом

нашкодившего подростка, радуясь межконтинентальной связи Вашингтона с его скромным учреждением, в котором раньше был банальный кабак. В эту звездную минуту Белый дом и «Школа современной пьесы» были уравнены в правах. И мог ли наш главный режиссер, когда-то простой одесский паренек, мог ли он в своем далеком босоногом детстве мечтать о том, что, пусть косвенно, но будет участвовать в решении мировых проблем! Мог ли он, являясь по сути Мишкой Квакиным, врагом Тимура и его команды, когда-нибудь подумать, что станет не врагом, а другом Егора Гайдара, сына того самого Тимура! Мог ли мечтать о том, что все его мечты о своем театре вдруг обретут реальные черты и он не только получит свой театр, но и сделает его осиным гнездом нашей демократии, а также бывших премьеров и вице-премьеров? Все сбылось!

Теперь, в ознаменование пятой годовщины со дня рождения этого ПТУ современной пьесы, публикуем приказы начальницы имперской канцелярии Третьего Райха Л.Яковлевой от 23 марта 1994 года:

1. Обязать художника-монументалиста Третьего Райха Б.Лысикова спроектировать и воздвигнуть из оставшихся после реконструкции театра опилочно-прессовочных материалов монумент И.Райхельгауза в натуральную величину и во фраке, который идет ему примерно так же, как галифе или стринги. Не позднее 1 января 1995 года установить монумент на Трубной площади, на месте разворота троллейбусов 31-го и 3-го маршрутов. Художнику-осветителю Третьего Райха И.Куракину подчеркнуть скульптуру ненавязчивым синеватым светом 1-й картины 1-го акта спектакля «Без зеркал».

2. Главному идеологу Третьего Райха Г.Заславскому начать широкую кампанию полива помоями территории, прилегающей к театру «Современник». С 23 марта 1994 г. считать Чистопрудный бульвар Грязнопрудным (что, кстати, теперь вполне отвечает истине), актеров «Современника» именовать «волчатами», сам театр – «Вашим современником» и произвести по нему салют пятью артиллерийскими залпами дробью, картечью, напалмом и (дважды) нервно-паралитическими газами статей Г.Заславского.

3. Главному хранителю имперской казны М.Дружининой не поскупиться и выдать премию отцам и матерям – основателям «Школы современной пьесы» в размере 3-х месячных (образца 1989 г.) окладов: себе – 700 руб.; Л.Полищук – 600 руб.; А.Филозову – 600 руб.; И.Райхельгаузу – 5 шекелей.

4. В новом сезоне приступить к постановке оперы и балета «Пришел мужчина к женщине». Художник – Б.Лысиков, освещение – И.Куракин, освящение – глава римско-католической церкви (по

договоренности) или главный имам России (в сущности, все равно), дифирамбы – Г.Заславский, режиссер-постановщик – догадайтесь с двух раз. Нет, с одного!

Назначить на роли:

Женщина – н. а. СССР М.Плисецкая (по договоренности). Если нет, то Л. Полищук, И.Алферова.

Мужчина – А.Челентано (если не согласится, то А.Филозов).

Выпуск спектакля – 3-й квартал 1994-го, 95-го, 96-го, 97-го и далее годов. Квартальный надзиратель – Э.Тедеева (Сев. Осетия).

5. К уже существующим должностям директора-распорядителя и директора по международным отношениям добавить в штатное расписание должности директора по тесным связям с правительством, председателя комиссии по национальным отношениям внутри театра, а также генерального директора подземного перехода от гримерных к сцене.

6. Иметь в виду, что все вышеизложенное является поздравлением театра с его первым юбилеем. Дай Бог – не последним! Ибо есть еще цифры 10, 25, 50 и т. д. До каких-то докладчик уже не доживет, да это и неважно. Лишь бы «Школа» выучила хоть кого-нибудь любви и справедливости, состраданию и надежде, и тогда «все будет хорошо, как вы и хотели».

* * *

Был такой период в Московском ТЮЗе, который принято (как и в государстве в целом) называть «застойным». На спектакли в принудительном порядке ходили школьники, иногда зал заполнялся солдатами, которым не надо было платить за билеты, и таким образом сохранялась видимость того, что с театром все в порядке. Случались, разумеется, редкие творческие всплески, когда вновь пробуждался интерес к театру у публики и критиков (например, при постановке все тех же «Трех мушкетеров»), и тогда все оживлялось, тоска и уныние исчезали, сочинялись веселые капустники, в которых часто использовался формат новостей. Ну вот, например:

Новости спорта

Вчера актер К. установил новый всесоюзный рекорд для закрытых наглухо помещений. Оторвав от земли Констанцию весом в 60 кг, он смог взять ее на грудь, но

толкнуть не сумел. Константция упала на помост и разбилась, после чего актер почему-то запел. Это новый рекорд театров для актеров II среднего веса.

Прошло несколько лет, «Мушкетеров» уже посмотрели (и пересмотрели) все интересующиеся; ничего нового, яркого и свежего не появлялось, и интерес к театру начинал потихоньку угасать, вновь все превращалось в болото, подернутое густеющей ряской; становилось попросту скучно, опять начинался застой; артисты вновь пили без меры, от скуки же заводились романы, даже между теми, кто еще вчера терпеть не мог предмет своей новой страсти; короче, творчество испарилось и было заменено всякой ерундой. Впрочем, некоторые люди пытались компенсировать нехватку настоящего дела шутками над самими собой и театром. И появлялись, например:

Правила хорошего моветона

1. Если вам не удалось достать билет на спектакль «Взрослая дочь молодого человека», то не отчаивайтесь, а заверните за угол и сразу услышите: «Дяденька, купите билет». Сохраняя достоинство, приобретите билет у первого же замерзшего подростка и вбегайте в праздничный вестибюль МТЮЗа, по возможности с криком: «Достал, достал!..»

2. Если вы по случаю являетесь главным режиссером МТЮЗа и ведете у себя в кабинете неторопливую душевную беседу с драматургом Алексиным, сохраняйте спокойствие, когда в кабинет постучится молодой лысеющий человек с остроконечной бородкой и живыми глазами и представится – Вильям Шекспир. Продолжайте делать вид, что не удивлены тем, как он пролез через два контрольно-пропускных пункта, возьмите у него пьесу и скажите: «Хорошо, прочту», после чего положите ее в стол и забудьте о ней. Помните, что впереди у вас еще разговор с драматургом Агнией Барто.

Так продолжалось до тех пор, пока в МТЮЗе не появилась Генриетта Яновская и не поставила там полновесный театральный шлягер «Собачье сердце». Яновская после этого по всему должна была занять место главного режиссера вместо Юрия Жигульского, но в театре тут же образовалась оппозиция, которая была категорически против. Спектакль получился таким

талантливым и свежим, словно одним движением убрали ряску с поверхности болота, расчистили дно, насытили кислородом и превратили болото во вполне жизнеспособное озеро. И я, работая тогда уже в другом театре, написал опять-таки капустник, весьма ядовитый – в адрес противников Яновской и комплиментарный – в адрес спектакля и ее самой. А затем под общий хохот зачитал его на банкете после премьеры. Вот он.

Открытое письмо-анонимка активиста организации «Солидарность» при Московском ТЮЗе (Во все оставшиеся инстанции, где еще не было наших писем)

Уважаемые товарищи! В свете решений, находясь в авангарде перестройки и внося свой вклад в демократию, как мы ее понимаем, наша группа захвата представляет вам свой план преобразования МТЮЗа, хотя, возможно, уже поздно. Но все равно, если жизнь – борьба, то театр – борьба тем более. В последние годы МТЮЗ стали как-то забывать. Необходимо было встряхнуться. Для этого есть два пути: либо делать спектакли, являющиеся предметом обсуждения в Москве и далее, либо шумно бороться, устраивая внутритеатральные катаклизмы: ну, например, сделать в свое время все, чтобы сняли Когана, прогнать его с позором в Театр на Таганке, а затем сослать в Театр на Малой Бронной, чтоб знал; а взамен получить крупного экономиста Андреева, кавалера ордена Почетного легиона Управления культуры исполкома Моссовета. Очистить, например, наши ряды: выгнать из МТЮЗа вон Хомского, пусть убирается, чтоб неповадно было, в Академический театр имени Моссовета опальным главным режиссером, а взамен получить Ю.Е Жигульского, крупнейшего со времен Элеоноры Дузе театрального гипнотизера и мистификатора, сумевшего в течение десяти лет делать вид, что он режиссер, так успешно, что многие верили.

Таким образом, наш эволюционный способ теперь понятен, и тем более понятно, что путем последовательной и очистительной борьбы именно в этом направлении мы бы постепенно добились того, что директором стал бы, скажем, артист Бучменюк, а главным режиссером, допустим, – артистка Гилинова, короче, кто-нибудь из своих. Мы мечтали о подлинной демократизации наших рядов, нам грезилась где-то вот такая картина.

Допустим, въезжает Гилинова на «чайке» во двор Театра юного зрителя и говорит:

– Олег, притормози, кто у нас сегодня на переизбрание?

А Олег отвечает:

– Остались из творческого состава только Португалов и Эйранова.

– А остальные?

– Остались вчетвером, хотя и мы четверо кое-что можем втроем, и, поскольку нас теперь двое, то начинаю репетировать моноспектакль по пьесе Лапидуса «Педчасть».

И не надо МТЮЗу, сложа руки, дожидаться ядерной войны, надо бороться, и все вымрем сами собой. И ни на минуту нельзя забывать о письмах. Писать надо чаще и всюду, где есть почтамт. Великим примером в этом смысле для нас является один артист из наших рядов, чей почерк вы все хорошо знаете, чей 3-й том переписки с М.С.Горбачевым выходит на днях отдельной книгой, которую нельзя будет достать ни за какие деньги.

Вот примерно такой нам грезилась, мечталась нам будущая модель этого театра. Но вместо кровопролитной и увлекательной борьбы, вместо захватывающей переписки, вместо остросюжетного детектива мы имеем теперь пресное существование; из применяемых мер осталась одна голодовка. Поясняю: голодовка – это когда ничего не едят, а только пьют. И мы не прощаем такой голодовки нашим врагам, справедливо полагая, что это – наша прерогатива. И вот на 264-й день нашего публичного лечебного голодания в ресторане ВТО мы заявляем: вопреки нашему мнению, вопреки столь удачно наметившейся эволюции (Хомский – Жигульский – Гилинова) художественным командиром театра была назначена Г.Н.Яновская, и театр встал на порочный и давно забытый путь творчества и созидания, сыграв спектакль «Собачье сердце», о котором отдельное письмо ушло в соответствующие инстанции.

С уважением, активный член Южного общества голодающих Поволжья вопреки очевидному, всегда ваш собственный корреспондент в Московском ТЮЗе

АнтиЯновский (псевдоним).

Закрытое письмо-донос группы армий «Центр» куда следует

Уважаемые товарищи! Довожу до вашего сведения несколько своих мыслей по поводу пресловутого спектакля «Собачье сердце», поставленного якобы режиссером Яновской на якобы

сцене казалось бы МТЮЗа.

Товарищи, если не пресечь это сразу, то потом будет поздно. Начну с оформления декадентского недобитка Бархина: его уже в который раз уводит от социалистического реализма ностальгическая тоска то по старофранцузской, то по древнеегипетской роскоши. Там, где у них, товарищи, у него все красиво, а там, где у нас, товарищи, – черный снег. И что символизирует черным снегом этот, извините, Сальвадор Дали от советского театра, этот, прошу прощения, Тулуз-Лотрек на здоровом теле советского искусства – в этом еще пусть разберутся компетентные органы. Кстати, о них. В так называемом спектакле «Собачье сердце» они выведены почти как карикатура, на что прошу обратить их же особое внимание. Что общего может иметь артист Г.Портер, на которого плюет даже собака, с подлинными рыцарями нашей с вами революции? Артист Портер, игравший прежде в этом театре Якова, заметьте, Свердлова и других лиц этой же национальности, чудом в свое время не эмигрировавший в г. Тбилиси в связи с постановкой русской классики, так бы и сидел на этих ролях, если бы не так называемая режиссер Яновская, чье социальное происхождение – это тема моего отдельного письма. И весь этот масонский синклит (Портер, Салимоненко, Быков и др.) – это не что иное, как дискредитация площади Дзержинского, на которой находится не только «Детский мир» с игрушками, собачками и проч.

Кстати о собачках. Письмо от Клуба служебного и декоративного собаководства в соответствующие инстанции уже пошло, сейчас я редактирую письма от Театра зверей им. Дурова и Московского цирка на Цветном бульваре, поэтому здесь я буду краток. Доброе имя советской собаки – друга человека, которое звучит гордо, опорочено в этом театральном хулиганстве раз и навсегда. Облезлое чудовище Вдовин – это не наш русский Шарик, традиционно добрый, ласковый и несчастный, это скорее английская собака, я бы даже сказал, Баскервилей собака; это у них, где человек человеку – волк, может родиться такая собака. Это не наша, товарищи, с вами собака, которая работает в цирке, охраняет государственные границы, несет нелегкую службу в лагерях, а если уж попадает на помойку, то там, как правило, и остается, не лезет никуда, поскольку нашей собаке на нашей помойке хорошо, а если и не хорошо, то нормально. Хищная дворняга Вдовин – это плевок в лицо нашей собачьей общественности, нашему собачьему мировоззрению и нашей собачьей жизни, т. е. нашей жизни с нашими собаками. Этот запаршивевший плод горячечной фантазии спившегося зоолога, этот плод случайной связи ризеншнауцера с дикобразом, этот

сукин сын Вдовин – это грязное бактерицидное чихание в адрес передачи «В мире животных» и лично в адрес ведущего передачи, проф. Дроздова.

Кстати о профессорах. За одну только фразу, произносимую профессором Преображенским в этом спектакле, а именно за фразу «Я не люблю пролетариат» надо сажать сразу, причем всех создателей этой, извините, диссидентской мистерии, причем сажать на кол, лучше на один – их всех. Это что себе позволяет проф. Преображенский, а вместе с ним артист Володин, а вместе с ним писатель Булгаков, а вместе с ними театр? «Я не люблю пролетариат» – это понятно, а кто его любит, но вот так, во всеуслышанье, прямо в лоб подрастающему поколению – это значит подрывать устои, подвергать сомнению идеалы, за которые десятилетиями, проливая кровь, маршрутами созидания, призывом гордым к свободе, свету, в тесном союзе с трудовым крестьянством, во имя борьбы за счастье человечества, всем миром против пьянства за гласность пролетариата, даждь нам днесь, во веки веков, аминь! И я обращаю внимание компетентных органов на то, что этот спектакль – ревизия наших с вами идеалов, за которые… но я об этом уже говорил. И если осталось в Москве хоть одно гнездо ревизионизма, маккартизма, сионизма, гомосексуализма, конформизма, антигуманизма, онанизма, империализма и скотоложества – это Московский театр юного зрителя.

Кстати о юном зрителе. Мно-о-гое юный зритель увидит в помещении Театра юного зрителя во время этой порнографической литургии под названием «Собачье сердце». Какое отношение имеет эта развратная режиссура, этот группен-зоологический кошмар, эта музыка (о которой разговор особый) – к Театру юного зрителя, взращенному на блистательной драматургии Михалкова и Алексина, привыкшему разговаривать с юным зрителем на его языке, языке песни «Орленок», который «взлети выше солнца», языке Тимура, языке Чука и Гека, языке Муму? А сейчас театр разговаривает с юным зрителем так, как будто наш юный зритель в 12 лет начинает пить, в 13 – колоться, а в 14 уже ведет активную половую жизнь. И хотя так оно и есть, мы не привыкли, чтобы с нами так разговаривали в 2 км от Красной нашей с вами площади. Но это тема моего отдельного письма лично тов. Лигачеву, поэтому здесь я буду краток.

Что видит юный зритель в этой, извините, собачьей порнухе? Что слышит он? Ну, например, эта горничная – ассистентка Зина – выбегает на сцену недоизнасилованной. Она полуодета и так самозабвенно кричит «Не надо!», что трудно предположить, будто ей это не нравится. А вслед за ней выходит тоже полуодетый

кобель Вдовин и на глазах юного зрителя застегивает ширинку, спасибо – свою. Далее: собака на сцене трескает водку так, как и не снилось в свое время артисту Вдовину, который в этом смысле был щенок по сравнению со своим нынешним персонажем. И в свете сегодняшней борьбы с пьянством и алкоголизмом, когда мы все из последних сил стараемся забыть вкус этого напитка, нам этим тычут в глаза. Это не по-товарищески.

Кстати о жилтовариществе, т. е., по-нашему, о домоуправлении. Глядя на это жилтоварищество, начинаешь невольно понимать, в чем корни идиотизма наших сегодняшних ЖЭКов. А я не хочу этого понимать, товарищи, мне с ними жить и жить. И теперь, когда я звоню в диспетчерскую ЖЭКа, перед глазами встает лицо Жукова и тот ЖЭК Жукова, и меня начинает тихо трясти.

Кстати о трясунах. Что это за взбесившийся, зеленоволосый паук на четвереньках, которого играет Денисов, в прошлом – коммунист Василий Губанов? Или это невнятно тявкающее существо, эта городская сумасшедшая Подьяпольская, в прошлом – принц и нищий? Мне не очень понятно, товарищи, как из этого паноптикума мы сумели построить тот социализм, который построили.

Ну и, наконец, о музыке, в которой виноват Я.Якулов. Разве этот бурлацкий вой, замаскированный под вьюгу, разве этот свинцовый стон посреди черного снега хоть как-нибудь символизирует наше светлое вчера, отображает наше светлое сегодня, зовет в светлое завтра? Нет, не символизирует и не зовет, и вот это я довожу до вашего сведения, впрочем, как и то, что наконец-то в Московском ТЮЗе появился спектакль серьезный и славный, о котором будут говорить, думать и спорить, наконец-то в этот театр, по-прежнему остающийся родным для меня, люди будут приходить так, как и должны приходить в театр, чтобы смеяться и плакать и говорить, перефразируя Пушкина: «Ужасный век, собачие сердца».

P. S. Я и сейчас готов подписаться под каждым словом этого текста, ведь что было, то было, а было – талантливо. Но если бы я только знал, что будет потом, «чем наше слово отзовется…» Через несколько лет я увидел, что был несправедлив к пресловутой «оппозиции», даже безжалостен, и могу объяснить это только своим бесконечным преклонением и восхищением перед любым талантом. Хороший человек, говорят, не профессия. Нет! Профессия, да еще какая, особенно сейчас! Хороший человек будет даже спектакли так ставить, чтобы они были отмечены добром. А сколько людей из той труппы оказались потом

униженными и растоптанными! Даже главные герои, исполнители ролей профессора Преображенского и Шарикова, – ушли из театра! Одна актриса ушла в монастырь, другая тронулась умом, а Портер эмигрировал и умер за границей от инсульта, но на самом деле – от тоски и скуки. Юрий Жигульский оказался совсем неплохим режиссером, но только в другом месте, и уж во всяком случае никого не погубил и не уничтожил. Такого греха за ним нет. А весь архив, включая фотографии, т. е. история театра, все, что было до Яновской, оказалось зачем-то уничтожено. Так, что и следов не осталось. У иных собак сердце добрее… И сказать больше нечего.

Спустя годы изменилось многое. И сегодня я не сказал бы таких слов в адрес Жигульского и уж конечно не пел бы дифирамбы Яновской, не сделавшей ничего лучше «Собачьего сердца».

* * *

Некролог-2 (совместно с Г.Мартынюком)

Центральный комитет профсоюзов Московского драматического театра на Малой Бронной, общество Красного Креста, а также Красная книга с глубоким прискорбием сообщают, что сегодня, 31 марта 1983 г., после тяжелой и продолжительной болезни скончался видный деятель комитета защиты детей от театральной среды, лауреат квартальных премий им. Гудвина Великого, почетный член Королевского соломенного общества по охране беспризорных собак им. Саблезубого Камаева, участник татаро-монгольского ига – Волшебник Изумрудович Городов.

В.И.Городов безвременно родился 30 марта 1967 г. н. э. в полуеврейской, но небогатой семье простого американца. После скоропостижной эмиграции за пределы так называемого «свободного мира» семья Волшебника поселилась в СССР и долгое время ютилась в трущобах Малой Бронной неподалеку от синагоги. Детство Волшебника проходило во дворах и на улицах Изумрудного города в то еще время, когда в театре ширилось стахановское движение, строилась пирамида Хеопса, наступал первый ледниковый период, готовились к вымиранию, но еще бегали саблезубые тигры, а спектакль «Месяц в деревне» еще не

был достоянием японской национальной культуры. Мальчик мужал и рос при попустительстве председателя горисполкома Изумрудного города И.А.Когана. Впрочем, послушайте его историю, и тогда вы все поймете.

«Я Волшебник. Став взрослым, я задумал жениться. Я полюбил от всего сердца хорошенькую девушку по имени Элли, а она полюбила меня. Но Элли вдруг ушла, а на ее место пришла другая, с тем же именем. С большим трудом я опять всем сердцем полюбил новую Элли и задумал жениться, но она ушла, а на ее место опять пришла другая, которую по-прежнему звали Элли. Вот ее я полюбил всем сердцем и задумал жениться, но она оказалась уже замужем и уехала в волшебную страну Суоми, где в это время прозябал на ответственной работе ее муж, известный хоккеист Майоров. Элли приходили и уходили со своими собаками, а я так и оставался одиноким и несчастным со своим безвольно повисшим, сиротливым топором. Топор и я ржавели и портились. Дети на меня смотрели с возрастающим отвращением, родители возмущались и писали письма с требованиями женить меня хоть на ком-нибудь или пристрелить, чтоб не мучился. И тут злая волшебница Гангрена заколдовала мой топор. Он отскочил от дерева и отрубил мне руки, ноги и голову. Но об этом узнал волшебный кузнец своего несчастья Сашко Дунай и сделал мне новые руки, ноги и голову. Последняя Элли любила меня по-прежнему и молча, так как злая и коварная волшебница Ангина начисто лишила ее голоса. Но она все равно любила меня тихо и хрипло, до тех пор пока злая волшебница еще раз не заколдовала мой топор, и он не разрубил мое туловище пополам. Сашко Дунай снова узнал об этом. Он сделал мне железное туловище и прикрепил к нему на шарнирах железные руки, ноги и голову. Но увы, у меня, волшебника, не было больше сердца, кузнец не сумел его вставить».

Это была последняя реанимация, после которой, как поется в народе, «недолго музыка играла, недолго Гудвин танцевал», и сегодня мы провожаем В.И.Городова в последний путь в волшебную страну сладкой кремации и вечного покоя. Спи спокойно, дорогой наш сказочный друг!

Краткое медицинское заключение о смерти Волшебника Изумрудовича Городова

Городов В.И. скончался в результате тяжелой и неизлечимой болезни мочегонных сосудов головного мозга и инфаркта

миокарда слепой кишки. Экзитус леталис наступил вследствие тотошковой недостаточности, резкого повышения дровосековой коррозийности, утреннего синдрома льва, спазматического гудвинова удушья и нежелания жить вообще. Экзитус леталис сопровождался бастиноидальными вскриками и легким ненавязчивым бредом, во время которого умирающий непроизвольно выкрикивал странные слова: «Нас не пугает трупный, опасный, долгий путь!» Содержание гингемоглобина в крови резко понизилось, по телу пробежали судорожные мигунки, и он затих.

Навсегда перестало биться пламенное сердце злейшего друга детей, закадычного врага неоперившихся детских иллюзий. Огромное разлагающее влияние оказывал В.И.Городов на подрастающее поколение советских детей, благодаря ему так и не ставших октябрятами. 24 сожженных детских сада, 15 разграбленных яслей и 6 изнасилованных воспитательниц – такова очищающая сила эмоционального воздействия, которую оказывал на детей нашего района этот незаурядный человек-спектакль. Подросшее поколение с любовью и содроганием вспоминает Волшебника в местах предварительного заключения и общего пользования.

В целях увековечения памяти выдающегося реформатора детских душ и всеобщего любимца-трупа Театра на Малой Бронной рекомендуем:

1. Переименовать г. Канзас-Сити (штат Техас, США) в г. Новототошкинск Удмуртской АССР.
2. Установить у входа в пионерлагерь «Артек» бюст Марины Поляк [Элли] в гипсе.
3. Переименовать атомную подводную лодку «Павлик Морозов» в бумажный кораблик «Оля Сирина».
4. Исправительно-трудовую колонию строгого режима для несовершеннолетних матерей имени Индиры Ганди переименовать в санаторий «Изумрудный».
5. В детских домах и приютах ввести в обиход веселую застольную песенку:

Не звездная дорожка
В Америку сейчас.
И Элли и Тотошка
Не попадут в Канзас.

Администрация сообщает, что оздоровительная кремация и антигражданская панихида состоятся 31 марта 1983 г. в 15 часов пополудни тут же, на месте кончины. Доступ к телу покойного

лицам с расшатанной нервной системой и детям до 16 лет запрещен. Светлая память о темном покойнике нипочем не сохранится в наших израненных сердцах. Аминь!

Подписи: Похоронно-показательное бюро имени Безенчука

Старший гробовщик – Мартынюк

Младший могильщик – Качан

При участии приходящего патологоанатома – Симонова

Весна. Март. Ваганьково.

Из телецикла «Следствие ведут Знатоки» Дело последнее, 50-е, мокрое

Петровка, 38. Скромно обставленный кабинет генерал-подполковника **Знаменского**. На полу потертый персидский ковер. В центре скромный письменный стол орехового дерева в стиле Людовика XIV, выполненный руками народных умельцев колонии строгого режима имени Мейерхольда. В углу старенький цветной телевизор японской фирмы «Джи-ви-си» с дистанционным управлением. Над столом акварельный портрет Ульянова кисти Евгения Симонова. За столом сидит следователь по неособо важным делам Знаменский и, криво усмехаясь, читает журнал «Театр».

Входит мало изменившийся майор **Томин**.

Томин (*как всегда бодро*). Паша, привет. Что читаешь?

Знаменский. Последний номер журнала «Театр».

Томин (*ликуя*). Неужели последний?!

Знаменский. К сожалению, нет. Никак не могу выйти на подпольную типографию. Ведь кто-то же печатает вот эту гадость.

Томин. Да… Хуже самогонщиков. Добро бы еще один журнал, а то ведь у них целая организация.

Знаменский (*порывшись в архивах*). И название какое-то дурацкое – СТД.

Томин. А что это может означать?

Знаменский. Трудно сказать. Наверное, что-то вроде коза ностры, или того хуже – ВТО.

Томин (*нервно икнув*). Об этом лучше не вспоминать. Вот мерзавцы. А типография подпольная их печатного органа существует уже пятьдесят лет и накрыть мы их никак не можем.

Знаменский. Ну ничего. У меня тут в изоляторе один субъект завалялся. Проходит по делу о Малой Бронной. Слыхал?

Томин. Как не слыхать. Дело-то мокрое.

Знаменский. Вообще вся эта мафия, ошалев от гласности и демократии, опираясь на простых трудовых мафиози, убрала главарей Пушкинской, Гоголевской и Вахтанговской шаек.

Томин (*мрачно*). И в шайках перестройка.

Знаменский. Распоясались. А одна академическая шайка раскололась на две неравные части. И во главе одной из них стоит мужик по кличке Три Тополя, а во главе другой – женщина с кличкой Плющиха. Понял?

Томин (*делая вид, что понял*). Понял.

Знаменский. Сейчас увидишь одного типа. Жулик мелкий, противный, мерзкий, кличка Театровед. Сейчас я его вызову. (*Нажимает кнопку дистанционного управления телевизором.*) Введите задержанного.

Открывается дверь, и в комнату как-то боком входит человек неопределенного возраста, пола и социального происхождения. Он мелко дрожит и мнет в руках Устав Союза театральных деятелей.

Знаменский. Что это у вас в руках?

Театровед. Да ничего хорошего.

Знаменский (*взяв у него бумажку, читает*). Да, действительно ничего.

Томин. Садитесь.

Театровед. Спасибо, успею.

Томин. А ну, поворотись-ка, сынку. Экой ты Швыдкой какой?

Театровед (*испуганно*). Я не Швыдкой. Вы мне это дело не шейте. У него на Малой Бронной свой агент по кличке Поляк.

Томин (*добродушно*). Шучу. Вижу, что не Швыдкой, а кто?

Театровед. Да я мелкая сошка, агент 00.

Знаменский. Какое имеете отношение к Генриху Боровику?

Театровед. К кому, к кому?

Знаменский. К Боровику.

Театровед. Вы это на какой фене ботаете, начальник? Ежели за грибы, то я знаю, что маслята – это патроны, а Боровик это что? Пугач, что ли, или обрез?

Знаменский. Для кого пугач, для кого драматург. А для кого и просто – шеф.

Томин. Оставь его. Боровик отпадает. По моим сведениям, он почуял за собой хвост и смылся.

Знаменский. Куда?

Томин. В Комитет защиты мира от журнала «Театр».

Знаменский. Кто же теперь хозяин этой малины? (*Обращаясь к Театроведу*.) Ну, колись. Иначе тебе вышка грозит.

Театровед. Вышка не у меня. Вышка теперь у Мюллера. Он у них звание «народного» получил. Выше не бывает.

Томин. Кто такой Мюллер?

Знаменский. Это кличка. Настоящая фамилия – Броневой.

Томин. Это тот, кто получил за роль гестаповского палача орден.

Знаменский. Железный крест?

Томин. Да нет. Орден Трудового Красного знамени.

Театровед (*усмехнувшись*). Этот орден теперь отдали журналу «Театр».

Знаменский. Железный крест?

Театровед. Да нет, Орден Трудового Красного знамени. Их журнал «Театр» теперь под колпаком у Мюллера.

Знаменский. Наоборот. Это Броневой под колпаком у журнала «Театр».

Театровед. А журнал «Театр» под колпаком у Салынского.

Знаменский (*быстро*). Откуда эти сведения?

Театровед (*перебирая «камешки на ладони»*). Пошла молва от одной «барабанщицы».

Томин. Ее зовут Мария?

Театровед. И это знаете… (*Пытается проглотить камешки.*)

Томин. Выплюньте. Вы нам еще нужны. Нам надо выйти на самого главного. Где его хаза?

Театровед. Знаю только, где по вечерам собираются его телохранители.

Знаменский. Адрес?

Театровед (*махнув рукой*). Пишите. На углу улицы Горького и Страстного бульвара, на первом этаже.

Знаменский. Что они там делают?

Театровед. Ничего особенного. Изучают Указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Томин. Эту хазу я знаю. У них там был съезд. Такая заварушка получилась, но здание выдержало, хотя не пользовались только гранатами и пулеметами. Все остальное было – царя переизбрали.

Знаменский. Какого царя?

Томин. Их прежний главарь. Кличка Царь.

Знаменский. Кто же теперь во главе?

Томин. Если бы знать! (*К Театроведу*.) Ну, колись, колись!

Театровед, начиная колоться, водит блуждающим взглядом по стенам кабинета. Вдруг синеет и медленно сползает со стула, его скрюченная рука в немом ужасе простерта по направлению к портрету на стене. Знаменский проследив взглядом в этом направлении, подходит к портрету Ульянова, снимает его со стены и пристально вглядывается.

Знаменский. Так вот кто скрывался под именами маршала Жукова, Егора Трубникова, Ричарда III. Все ясно.

Томин. Пора кончать с этой шарагой.

Знаменский. Пора. (*Включает дистанционное управление телевизором.*) Устройте нам приличный конец.

На экране появляется групповой портрет создателей «Знатоков» – Ольги и Александра Лавровых, рядом с ними еще один Лавров, Кирилл. Он улыбается, держа в руках свежий номер журнала «Театр».

Кирилл Лавров. Поздравляю наш любимый орган с пятидесятилетием. «Коза ностра» в переводе с итальянского – «наше дело». Дело, которому мы все служим, справедливо освещается только вами, славные вы наши. Что бы вы ни делали, мы вас всегда прикроем, работайте, пишите что хотите. Это говорю вам я, ваш друг, брат и крестный отец. Будьте счастливы.

Экран гаснет.

Знаменский (*Театроведу*). Мы тоже присоединяемся к поздравлению Кирилла Юрьевича и крепко жмем вашу руку. (*Вместе с Томиным жмут руку растерявшемуся Театроведу*.)

Театровед (*не может прийти в себя*). А как же весь этот допрос, разговоры про шайки, вышкой угрожали?..

Томин. Мы не виноваты. Так написали Мартынюк и Качан. Нам ведь что напишут, то мы и играем. Лавровы иногда и похлеще пишут.

Театровед. Значит, я могу быть свободным?

Томин и **Знаменский** (*улыбаясь*). Счастливого пути.

Театровед выходит, Знаменский нажимает кнопку дистанционного управления.

Знаменский. Проследить за ним, глаз не спускать. Установить все связи и явки. Об исполнении доложить.

Телевизор. Слушаюсь. (*Отдает честь и уходит*.)

* * *

К юбилею Натальи Теняковой (Пародия на 1-ю сцену спектакля «Провокация» Сергея Юрского)

Князев. А где же все? Никого?! Странно. Наталья Максимовна обещала, что будут все. Эй, дежурный!

Качан. Здравия желаю, ваше сиятельство!

Князев. Скажи, любезный, а где же все?

Качан. Кто «все», ваше сиятельство? Все вообще-то здесь.

Князев. Нет, я спрашиваю, где все из Щукинского училища?

Качан. Ваше сиятельство, при чем тут Щукинское училище? Я понимаю, Вы его ректор, но сейчас мы находимся в стенах альтернативного учреждения.

Князев. Ну! И где же мы находимся, любезный?

Качан. Там, ваше сиятельство, где о Щукинском училище вообще лучше не вспоминать. У вас там от внешнего к внутреннему, а тут – наоборот. Так что забудьте, что вы – ректор.

Князев. А кто я?

Качан. Вы сейчас артист, ваше сиятельство. Из спектакля Сергея Юрского «Провокация». И находитесь вы, напоминаю, во МХАТе.

Князев. Имени кого?

Качан. Имени Чехова.

Князев. Кто это?

Качан. Малоизвестный современный писатель. Жил долго в полном забвении и неизвестности, пока не написал трех «Чаек» для театра «Школа современной пьесы».

Князев. Три «Чайки»?

Качан. Да. (*Смущенно*.) Одна из них – оперетта.

Князев. Что-о-о?!

Качан. Не берите в голову, ваше сиятельство. Вернемся к действительности. Мы сейчас с вами на юбилее, который давно прошел. Еще летом.

Князев. А почему тогда?..

Качан. Не знаю, ваше сиятельство. Наверное, потому что это театр абсурда.

Князев. А чей юбилей?

Качан. Артистки Теняковой.

Князев. Да? К кто это?

Качан. Артистка МХАТа.

Князев. Имени кого? Ах да, я уже спрашивал… Так он и есть театр абсурда?

Качан. В какой-то мере да, ваше сиятельство.

Князев. Артистка-то хоть хорошая?

Качан. Превосходная, ваше сиятельство.

Князев. Народная?

Качан. Вполне.

Князев. Это хорошо… А она где училась? Не в Щукинс…

Качан (*перебивает*). Нет, не у вас, ваше сиятельство.

Князев. Тогда что же в ней хорошего?

Качан. Ну, во-первых, она жена Юрского.

Князев. А-а. Это неплохо… А кто это?

Качан. Я вам потом объясню. Во-вторых, она мать артистки этого театра Даши…

Князев. А отец кто?

Качан. Надо полагать, Юрский, ваше сиятельство.

Князев. Да, это меняет дело. Дашу я знаю, она училась в Щукин…

Качан (*перебивает*). Да нет же, ваше сиятельство! Она закончила балетное училище.

Князев. По классу рояля?

Качан. Да. А потом уже школу-студию МХАТ.

Князев. Имени кого? Ах да, неважно… Ну-ну, дальше.

Качан. Ну и третий аргумент в пользу хорошего – это то, что у нее сегодня, типа, юбилей.

Князев. Как это «типа»?

Качан. Ну, юбилей, который у нее уже был, летом.

Князев. У Даши?

Качан. Нет, ваше сиятельство, у ее мамы.

Князев. Вас понять трудно.

Качан. Мне самому трудно.

Князев. Кстати, о юбилее. Любезный, у вас бутербродика не найдется?

Качан. С сыром?

Князев. Да, пожалуй, что и с сыром.

Качан. Сколько угодно, только вот хлеб кончился. Но вас потом накормят, ваше сиятельство.

Князев. Правда?

Качан. Обязательно! Будет банкет. Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство.

Князев. Это хорошо. А скажи-ка, любезный, сколько же ей лет исполняется, типа, сегодня?

Качан. Как бы, ваше сиятельство…

Князев. Ну «как бы». Так сколько лет?

Качан (*у которого лопнуло терпение*). Не ваше собачье дело, ваше сиятельство!

Райхельгауз. Когда бестактно спросят: «Сколько лет?» —
Вполне уместен и такой ответ.
От театра «Школа современной пьесы»
Для Теняковой, вышедшей из «Леса»!

* * *

Довольно долго я ездил на гастроли с программой «Товарищ кино», которую создал Юрий Николаевич Левицкий. Понятное дело, я пел там «Кавалергардов» и что-то еще, но участвовал и в совместных композициях. Многие знаменитые киноартисты ездили тогда с этой программой, перечислять нет смысла, но поверьте, это так. Люди зарабатывали деньги, а такие гастроли были одним из немногих способов улучшить свое материальное положение. В каждом городе шел неистовый шопинг. И дело не в том, что в Москве нечего было купить, а в том, что в тех городах купить можно было дешевле и иногда попадались очень практичные и нужные вещи.

Случались внутригастрольные праздники, к ним сочинялось и то, что вы сейчас прочтете, то, что исполнялось на мотивы использованных в программе песен. Встречающиеся в тексте фамилии принадлежат лидерам шопинга и заметным фигурам в программе «Товарищ кино». Тут представлены три произведения: первое – на мотив всем известной песни из фильма «Белорусский вокзал», а второе и третье – это просто стихотворения, без мелодии.

1.

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут,
И только мы к плечу плечо врастаем в землю тут.
И в городе прохладно слишком,

Вместо воды горячей – дым.
Так значит, нужно нам одно пальтишко,
Одно на всех, мы за ценой не постоим. (2 раза)

Припев:
Нас в зале ждет Хугаев,
Но все ж бессилен он.
Сомненья прочь, и за пальтом шагает
Ударный наш, десантный батальон,
За 20 р. – приличный балахон.

С литовского толчка, с таджикского толчка —
В курганский аж универмаг судьба нас завела.
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим,
Что все говно скупали разом где-то,
И сам Левицкий в этом был неутомим! (2 раза)

Припев.

2.

Не скроем, нам приятно жить в тепле,
Но на целинной, между тем, земле
Стоял весенний холод, ветер выл,
И кто-то одеяло прикупил.

Конечно, всем нам памятно пальто,
Но одеяло – тоже кое-что.
Конечно, не так дешево, как то,
Но все-таки: ведь 60 не 100!

И если посчитать, потом сложить
Все, что артистам удалось купить
На всех гастролях, то раздастся стон:
На брата выйдет по 15 тонн.

Живем мы, и несет любой из нас
15 тонн покупок про запас.
Кандалова несет, несет Тома,
А хрупкие девчушки, и весьма…

И ноша эта, черт ее возьми! —
Придумана и сделана людьми.
Людьми самими произведена
И ими же потом уценена,

Померена и куплена уже.
Ну что? Теперь живет у вас в душе
Надежда как-то творчество спасти
После того, что удалось приобрести?..

3.

Дороги отчизны круты и прямы.
Да купится все, что задумали мы.
Да купится же в каждом дне и году —
И всем одеяло, и всем по пальту.

Нам строить и верить, любить и мечтать,
Всегда покупать, покупать, покупать
И солнечных внуков для счастья растить…
Но им после нас – ничего не купить!

* * *

В одной из своих книг Сергей Юрский приоткрыл завесу тайны, скрывавшей до тех пор загадочную личность писателя И.Вацетиса. С глубочайшим уважением С.Ю. отозвался о своем лучшем друге (и действительно, кто же может быть тебе лучшим другом, чем ты сам?). Выяснилось, что И.Вацетис – не только драматург, в чьих пьесах мы регулярно участвуем, но и боец видимых и невидимых фронтов, находящийся постоянно на передней линии огня, в окопах, в авангарде любой борьбы за свободу и справедливость. Но И.Вацетис известен еще и тем, что всегда, когда мы особенно нуждаемся в его присутствии, оказывается в горячих точках планеты, а также в местах, которые ему попросту интересны. По этой причине никто, кроме Юрского, его никогда не видел. И нижеследующая песня на музыку Юрия Антонова посвящена прежде всего этому гениальному призраку.

Группа «Кайф вдвоем, потом втроем (Должны были исполнить вместе с Валерием Ярёменко)

Размышления у зеркала

1.

Вот настала пора юбилея,
Остальные все даты не в счет…
Что-то нам с поздравленьем Сергея
Ни покоя, ни сна не дает.

Я вглядываюсь в Юрского до головокружения
И вижу в нем Вацетиса и думаю о нем.
Я думаю: не глюки ли в зеркальном отражении?
Сейчас ведь где-то в Сочи он, в окопах… за столом.

2.

Воевал в Антарктиде Вацетис,
Слал привет из Австралии он.
А сейчас отдыхает в Мацесте
Зимних Олимпиад чемпион.

Его мы любим как фантом, простое привидение,
И видим в нем мечту свою и, устремившись к ней,
Мы исполняем роли в нем, в его произведениях…
Любовь бывает странною, но эта – всех странней.

3.

Наш загадочный, наш виртуальный,
Драматург, и поэт, и боец.
И таинственный, и гениальный

Появился он здесь наконец.

Как Мессинг Вольф, как чародей, Вацетис появляется.
Мы видим наконец его, букет наперевес —
Как штык винтовки, ведь он с ней вовеки не расстанется.
Вацетис вместе с Мессингом на юбилее здесь.

И тут в конце с букетом должен был появиться Мессинг, он же Князев. Все это не состоялось, ибо Юрский вновь захотел сохранить инкогнито неуловимого драматурга Вацетиса.

В конце праздника вручалась красиво оформленная почетная грамота, в которой было напечатано следующее:

Награждается ученик 10-го класса Школы современной пьесы имени Моссовета Юрский Сережа за успехи в драматургии И.Вацетиса, в стихосложении и лицедействе, а также за хорошее поведение в общественных местах, в которых и появляться-то западло, и местах общего пользования.

Классный руководитель И.Райхельгауз

Завуч Е.Князев

Худ. руководитель драмкружка В.Ярёменко

Зав. литературной частью В.Качан

Другой юбилей Юрского. И снова дуэт с Ярёменко. На мотив песни «Как на шахте угольной».

Парень в Ленинграде жил, да с женой Наталией.
Долго в БДТ дарил негасимый свет,
Но потом решил Сергей двинуть не в Анталию,
А в морозную Москву, прямо в Моссовет;
Обменять пристанище: Ленсовет на Моссовет.
И Лужков ему в ответ не ответил «нет».

В театре и вообще в Москве паренька приметили,
Уж давно приметили, заманив собой.
Девушки пригожие парня песней встретили,
Улыбнулись ласково, повели в забой.
Девушки пригожие Юрского периода

Повели Сереженьку именно в забой.

«Почему в забой ведут?» – недопонял он сперва,
Но потом сообразил: «Это ведь Москва!..»
Тут ведь выбор не богат: иль в забой, или в запой,
Вариантов несколько, а точнее – два…
Выбрал паренек забой, и работы – на убой,
Некогда уйти в запой им с Наташенькой.

Дни работы трудные, на бои похожие,
Складывались в месяцы, ту работу для.
А в забое выживать могут только питерцы,
Лишь они способны, бля, дать стране угля.
В шахте могут норму дать лишь артисты-питерцы.
Мастера по айкидо, самбо и дзюдо.

* * *

В Театре на Малой Бронной по поводу юбилеев и обыкновенных дней рождения часто шутили, используя форму новостей, программ телепередач или рекламных роликов. Не все обязательно касалось театра и его внутренних проблем; пародиям подвергалось и другое, чаще всего что-то из ТВ. Например, по телевизору показывали целую серию рекламных роликов под рубрикой «Всемирная история. Банк “Империал”». И тогда, к примеру, сочинялось такое:

> «Такого-то числа и месяца не забудьте в 24 часа переставить ваши часы на час вперед. Если у вас часы песочные, переставьте их подальше и не смотрите на них. У нас в России – всегда свое время. Оно не может идти самопроизвольно, его назначают. Только у нас есть свое время, свой календарь, свои дни недели. Как например – Кровавое воскресенье, Черный вторник, Черный четверг. И даже рыбный день и понедельник – день тяжелый.

Или вот такое:

> «1945 год. Закончилась война. Пришло время собирать камни. Так возник Театр на Малой Бронной, и впоследствии оказалось, что это – единственное завоевание России во Второй мировой войне.

Социализма нет, Варшавского договора нет, СССР нет, Прибалтики нет. Но остался Театр на Малой Бронной и живет, живет, живет…

Всемирная история. Банк “Империал”».

Или:

«Бассейн “Москва”. Символ здоровья России. Строился на народные средства много лет и был разрушен демократами в одно мгновение. Много воды утекло с тех пор из него. Но возник на его месте храм Христа Спасителя, который когда-то был разрушен большевиками в одно мгновение, а строился много лет на народные средства. Вот так у нас всё… Построим что-нибудь на народные средства, а потом кто-то возьмет и разрушит в одно мгновение. Так было и будет в России всегда.

Всемирная история. Банк “Чара”, который строился на народные средства и был разрушен прокуратурой в одно мгновение».

* * *

Реклама

Лучшая защита от кариеса – голодовка.

«“Орбит”. Поцелуй без сахара». (Это подлинный текст рекламы.) Жуйте «Орбит» без сахара! Вы ведь всегда целовались, жуя!

Спирт «Роял» из США уменьшит продолжительность вашей жизни минимум на 10 лет. Покупайте спирт «Роял» и водку «Белый козел» на его основе. Позвоните родителям.

Итальянская обувь из Екатеринбурга! Мы обуем всю страну! А также наколем, пробросим и кинем!
(Желтый дом «Селенга»)

«Союзконтракт». Куриные и индюшачьи окорочка из США, замороженные для России в 1892 году.

На смену шоколадным батончикам «Марс» и «Сникерс» пришли новые шоколадные батончики «Маркс» и «Энгельс». В них еще больше орехов и еще толще слой шоколада. Сладкая парочка – «Маркс» и «Энгельс»! Не тормози! Энгельсни!!

Покупайте новый высокоэффективный шампунь фирмы «Дурко» (Дуров – Коган), радикально увеличивающий объем причесок – как Дурову, так и Когану!

«Намеренья, как воздух гор, чисты.
В “Тибете” сомневаться нет причины».
И коль тогда поверил в это ты,
То это – верный признак дурачины.

В кадре немолодой человек с изрядно помятым лицом:

– Покупайте новый шампунь с ополаскивателем. В одном флаконе! (Достает из кармана початую бутылку водки.) После него ваши волосы становятся шелковистыми и приобретают здоровый вид. (Отпивает из бутылки.) Вернее, после этого шампуня вам будет просто начхать – какие у вас волосы!

Ну и наконец, как некий рекламный итог – нижеследующий текст.

Если у вас несвежее дыхание; если у вас перхоть и от вас разит по́том; если одним из высших наслаждений для вас является жевание; если вы любите говорить по мобильному телефону во время спектакля или концерта; если у вас кариес, но вы все равно лопаете «Сникерс» целыми днями; если вы считаете в принципе возможным сравнить колготки с чувствами (как в одной из реклам), а также, глотнув фанты, тормознуть поезд; если вы – женщина, но ноги у вас заросли шерстью; если вы мужчина – только при наличии на вас определенного одеколона; если вам кажется, что уже пора объяснить семилетнему сыну, который смотрит телевизор, что такое прокладки и для чего они предназначены; если вы с ног сбились, рыская по городу в поисках нового альбома группы «Комбинация» (тогда) или группы «Виа-гра» (теперь); если вам никак не удается уничтожить микроорганизмы на руках и теле и то же самое происходит с вашими прыщами, то… Радуйтесь! Вы стали победителем лотереи «Лохотрон», финалистом ТВ-конкурса «Дурачок России», но главное – вы представляете собой образцовый портрет нашего

современника, а также – любимый типичный планктон для создателей рекламы.

* * *

А теперь обратимся к новостям. Слишком серьезным, чтобы их серьезно воспринимать. Итак. В эфире информационный выпуск новостей нашего телеграфного агентства с весьма ограниченной ответственностью.

Наш собственный корреспондент из Театра на Малой Бронной передает, что в недрах театра родилась частушка, наиболее полно отражающая жизнь прославленного коллектива:

Мала Бронная, не плачь,
К нам приехал Женовач.
И теперь наш «Идиот»
Аж три вечера идет.

Новости политики

Прогрессивные актерско-режиссерские силы страны решили наконец объединиться и консолидироваться в различных структурах власти. Нам сообщили, что учреждена и зарегистрирована новая политическая партия «Наш театр – Россия», в которую вошли такие люди, как М.Ульянов, О.Басилашвили, Н.Губенко и другие известные политические деятели. Чуть ранее была создана партия «Наше кино – Россия», в политбюро которой входят Н.Михалков, Л.Федосеева-Шукшина-Алибасова, С.Говорухин, Ю.Гусман и другие популярные лица, которые твердо знают, что «так жить нельзя», но думают, что знают – как можно.

Из достоверных источников нам стало известно, что Ю.В.Никулин создает новую партию «Наш цирк – Россия», наиболее точно соответствующую природе и смыслу нашего законодательного собрания. Лидером новой партии скорее всего станет попугай Аркаша, бывший до этого председателем ТВ-клуба «Белый попугай».

Новости реституции

Фамильные драгоценности правительства Российской Федерации, отнятые после Октябрьского переворота у семьи Романовых, были вновь отняты в апреле 1997 года правительством США, но усилиями русского правительства и лично А.Чубайса и М.Швыдкого оказались отняты обратно и

возвращены на родную землю. «Грабь награбленное», – весело пошутил М.Швыдкой в беседе с нашим специальным корреспондентом.

Новости культуры

И.Райхельгауз, главный режиссер театра «Школа современной пьесы», соорудил у себя на даче уменьшенную копию израильской Стены Плача и пригласил поплакать возле нее известных артистов из Тель-Авива – Л.Каневского и М.Козакова. Козаков предложение принял и приехал с исторической родины оплакать у стены Райхельгауза родину неисторическую. Каневский тоже обещал навестить, однако плакать категорически отказался, объяснив, что бороться с недостатками бывшей Родины будет в новой ТВ-программе «Я следствие веду опять. Шалом!». Словом, наше агентство горячо приветствует агента Моссада в московской милиции.

Новости интеграции

Давно решен вопрос об объединении России, Белоруссии и Украины в семье артиста Качана В.А. Его отец был белорусом, мать – русской, у бабушки была примесь украинской крови, а его жена Л.Гарница – и вовсе чистокровная украинка. Таким образом, вопрос об интеграции в этой семье снят за ненадобностью. На вопрос нашего специального корреспондента Моисея Петрова «А все-таки случайно не еврей ли он?» В.Качан виновато улыбнулся и пробормотал, что – нет, хотя его профиль продолжает смущать этого нашего специального корреспондента.

На вопрос о возможной интеграции Украины в НАТО В.Качан ответил, что его жена не собирается вступать в этот военный блок и скучает по Варшавскому договору.

К юбилею директора Театра на Малой Бронной И.А.Когана («РИА Новости»)

Как сообщает агентство «РИА Новости», вчера у Никитских ворот бандой террористов был захвачен автобус с Коганом, следовавший по маршруту Управление культуры – Театр на Малой Бронной. Террористы потребовали у труппы театра выкуп в размере 500 долларов США, сумму, которую труппа не смогла собрать. После длительных переговоров сумма была снижена до 100 долларов. Но вновь не была найдена. Тогда террористы предложили отдать Когана даром, но артисты театра не

согласились. После чего уже террористы заплатили театру 500 долларов за возвращение директора. Что и было сделано. Все напоминало знаменитый рассказ американского писателя О'Генри на ту же тему.

В эксклюзивном интервью нашему специальному корреспонденту И.А.Коган сказал: «Было трудно, но весело. Интересно. С нетерпением буду ждать следующего теракта. И, кстати, предлагаю себя в заложники всем террористическим организациям. Думаю, что только так мы покончим наконец с терроризмом и, кроме того, улучшим финансовый баланс Театра на Малой Бронной».

Программа «Минимум»

Наш специальный корреспондент сообщает.

В середине октября на приеме у мэра Москвы Ю.М.Лужкова представители Театра на Малой Бронной жадно набросились на еду, стараясь при этом сохранять независимый вид. Наш корреспондент подсчитал, что народный артист Л.Дуров съел 6 яиц, посыпанных красной икрой, 7 тарталеток с паштетом и выпил 5 рюмок водки, создав потенциально аварийную ситуацию на дорогах, поскольку был за рулем. Директор И.А.Коган съел все вокруг себя в радиусе двух метров. Недалеко от них ушли и другие. Артисты ели, как в последний раз, как будто завтра страна перейдет на карточки и больше уже не дадут. И все равно все это – достаточно скромно по сравнению с артисткой другого театра – В.Талызиной, которая сметает все на своем банкетном пути, а то, что остается, сбрасывает в заранее принесенный пакет.

Таким образом, по наблюдениям нашего корреспондента, артисты в принципе недоедают и недопивают. И пора бы уже обратить на это внимание тем нашим согражданам, которые составляют бюджет, однако так называемых бюджетников в упор не видят.

Последние новости

По сведениям внештатного сотрудника журнала «Строй сам», артист Дуров вчера отбыл на дачу с официальным визитом, увозя с собой лесо– и пиломатериалы. Его зять, артист Ершов,

приступил к отделочным работам.

На следующий день артист Дуров встретился на улице с пьяным местным жителем и имел с ним продолжительную драку. В данное время абориген находится в состоянии стабильно тяжелого похмелья. Но, раскаиваясь в нанесенных селянину побоях, артист Дуров, по слухам, собирается навестить его в сопровождении трех-четырех бутылок пива.

Программа телепередач

Анонс

С 21 октября и всю оставшуюся жизнь смотрите телесериал о знаменитой театральной династии.

1 серия. «НАТО – партнерство во имя мира». В главной роли кавалерист-девица Дурова, которая могла бы вступить в этот военный блок и принести ему, вместе со своим конем, ощутимую пользу.

2 серия. «В мире животных». В центральной роли Н.Дурова со своим «Уголком» имени ее же.

3 серия. «Замарашка». В главной роли Ек. Дурова, дочь Л.Дурова.

4 серия. «Тропиканка». В главной роли Ирина Кириченко, жена Л.Дурова.

5 серия. «Горец» с В.Ершовым, зятем Дурова, в главной роли.

6 серия. «Белый попугай». Сам Л.Дуров в главной роли.

7 серия. Домашний экран. «Праздник каждый день» – о внуках Л.Дурова.

Информацию о следующих сериях читайте по мере подрастания внуков знаменитого артиста.

Основные программы, на которые стоит обратить внимание

В 7 ч. 40 м. Израильское ТВ в гостях у НТВ. Утреннее супершоу «Проще Портнова», созданное вместо прежнего «Проще простого». Оказалось, что после отъезда этого креативного режиссера в Израиль можно ставить спектакли еще проще. Чему и посвящено новое грандиозное супершоу.

Перед следующим ТВ-анонсом необходимо напомнить, что был период, когда в театрах пооткрывали обменные пункты валют. Вот на эту тему и пришлось пошутить.

В 9 ч.50 м. Передача из цикла «Деловая Россия». «В какой театр пойти сегодня». Курс доллара в обменных пунктах московских театров.

В 11 ч. 20 м. Астрологический прогноз: «Звезды говорят». Интервью и беседа Льва Дурова с Михаилом Козаковым.

В 11 ч. 50 м. «Катастрофы недели». Юбилей Театра на Малой Бронной.

В 19 ч. «Час пук». Встреча со старейшими артистами Театра на Малой Бронной.

* * *

А сейчас несколько шуточных поздравлений, написанных к определенным датам. Вот, например, к какой-то годовщине фильма Владимира Яковлевича Мотыля «Белое солнце пустыни». На мотив, естественно, знаменитой песни Верещагина в исполнении Павла Луспекаева.

Ваше благородие, госпожа Россия,
Новых русских родина, старых – покосили.
Письмецо в конверте, в профиль и анфас —
Лучше, чем, поверьте, к вам пришедший факс.

Ваше благородие, госпожа Госдума…
Рифма так и просится
(Эта рифма – «дура»).
Даже Юлий Гусман
Заседает в ней…
Где-то – новый русский,
Где-то – иудей.

Ваше благородие, госпожа Госдача,
Для кого ты – дом родной, а кому – иначе.
Перестаньте, черти, клясться на крови
Ради этой дачи, ради к ней любви.

Ваше благородие, госпожа Идея!

Как боролись за тебя, духом не слабея!..
Бился Сухов, бился
За советску власть.
И чего добился?..
Чтобы ей пропасть!..

Ваше благородие, госпожа граната!
Что-то разлеталась ты по родным пенатам.
У кого спросить бы, Господи, спаси! —
Кончится ли вестерн по всея Руси?..

Ваше благородие, госпожа Наина!
К мужу обращаться нам было бы наивно.
Девять грамм культуры, постой, не дави.
Не везет с культурой, повезет в любви.

А вот непосредственно Владимиру Яковлевичу Мотылю.

Кавалергарды, век недолог,
Увы, особенно сейчас…
Когда приходит кардиолог,
То сразу огорчает вас.
Но все ж рокочет голос струнный —
Да и Мотыль еще в седле,
Идет своей дорогой трудной
По неприветливой земле.

Все так, ибо официальный кинематограф был к Мотылю очень неприветлив, точно так же, как и власть. Да и всенародная любовь к фильму «Белое солнце пустыни» адресовалась именно к фильму, а не к нему: в народе даже фамилию режиссера мало кто знал. Его, конечно, недолюбили и недооценили. И тем драгоценнее мужество, с которым он шел по жизни и искусству, никогда и ни разу себе не изменив, не потеряв лица…

Ко дню рождения моего коллеги, партнера по нескольким спектаклям, Альберта Филозова

Написано в то время, когда в «Школе современной пьесы» шел спектакль «С приветом, Дон Кихот!», в котором главную роль

исполнял Альберт.

Когда поет Альберт Филозов,
В Севилье расцветают розы.
Ну а когда Альберт играет,
В Севилье публика рыдает.
А если в танце он порхает,
В Севилье бабы обмирают.
Ну и вообще, у нас в Севилье
Артист Филозов – самый сильный.

P. S.
А от себя: Альберт Филозов —
Артист, и это без вопросов!

Юбилей знаменитого кинорежиссера Марлена Хуциева

Решили поздравить его песней из его же фильма «Весна на Заречной улице».

Исполняет трио «Школы современной пьесы». Тенор – Альберт Филозов; баритон – Владимир Качан; неизвестно что, но, скорее всего, дискант – Иосиф Райхельгауз.

Краткое содержание фильма. Рабочий паренек никак не может освоить всеобщее образование, которое ему подарила советская власть. У него плоховато с арифметикой, алгеброй, географией, но особенно плохо с головой, так как он ведет беспорядочный образ жизни, навязываемый ему дружками-кутилами. Поэтому он не знает даже самых простых вещей: например, когда приходит весна. Рабочий паренек так и поет: «Когда весна придет – не знаю». Странности поставленного вопроса не замечает и режиссер М.Хуциев, поэтому в песне высказывается смелая гипотеза, что весна наступит, когда «пройдут дожди, сойдут снега», то есть, скорее всего, после зимы.

Вскоре паренька настигает любовь. Первое настоящее чувство, ибо до этого он имел только случайные связи с товарищами по цеху – простыми фабричными девчонками. Он влюбляется в свою учительницу, которая не оставляет надежды как-нибудь вбить ему в голову, когда же все-таки приходит весна, а еще – научить считать до десяти.

Поздравляя Хуциева с 70-летием, не можем не сказать, что мы сегодня тоже отмечаем свой скромный юбилей: в эти дни

исполняется ровно три года с начала работы прославленного режиссера над пьесой «Визит к больному палаты № 16». И ровно год – с последней репетиции мастера. За это время многократно «прошли дожди, сошли снега», года наложили отпечаток на благородное лицо кавалергарда Игоря Костолевского, а у его партнера по предполагаемому спектаклю Альберта Филозова родилась вторая дочь, которой скоро уже пора собираться в школу. Поэтому наше трио исполнителей называется «Бесконечность».

Итак, – мягко, тепло, задушевно:

Когда Марлен придет – не знаю,
Но все же хочется сказать:
Мы вас, конечно, поздравляем,
Но где спектакль, едрена мать!

Любимец женщин он поныне.
Да, он красив, чего скрывать,
Он был знаком с самим Феллини,
Но где спектакль, едрена мать!

На свете режиссеров столько,
Но на кого его менять?
Осталось выяснить нам только,
Когда премьера, вашу мать!

Да, он известен всей планете,
Его усы волнуют кровь.
Зачем, зачем на белом свете
Есть безответная любовь!

В кинематографе вы классик!
От ВГИКа вас не оторвать.
Завкафедрой, профессор, мастер.
Когда ж спектакль, едрена мать!

Пройдет зима, весна и лето.
Мы терпеливо будем ждать.
Ну а пока спектакля нету —
Подарок просим не вручать!

В.Талызиной

А вот перед вами давнишнее поздравление с днем рождения Валентины Талызиной. Дело было в Анапе, на фестивале «Киношок». Прогулка на теплоходе «Витязь», группа избранных, худо-бедно поющих мужчин-артистов, исполняющих этот, мною написанный текст на мотив известной песни «На Тихорецкую состав отправится». Следует также напомнить про скандальный банк «Чара», который фигурирует в одном из куплетов. В этот банк вложили деньги многие известные артисты, в том числе и Валентина Талызина. Чем все кончилось для банка и его вкладчиков – известно.

Итак, песня:

Опять в Анапу фестиваль отправится.
Вагон поедет, Моссовет останется —
Моя гримерная, все театральное:
Спектакли скучные, артисты бедные, глаза печальные.

«Вам сколько лет?» – бестактно спросит кто-нибудь.
Я им отвечу: «Боже мой! Да разве в этом суть!»
Навру с три короба, пусть удивляются,
Но только возраст мой,
но только возраст мой вас не касается.

Мной увлекается матрос в тельняшечке
И капитан, и наш старпом в рубашечке.
Плывем на «Витязе», все пересолено…
А это кок влюблен,
в меня и кок влюблен, ему позволено.

Когда вложила деньги в «Чару» я,
То потянулись вслед за мной друзья.
Никто не ведает, как ни старается,
Что «Чара» гикнется, «Тибет» накроется,
«Алтай» аукнется,
Один лишь только Центробанк останется.

И мы признаемся в любви к Валюшеньке,
К артистке, женщине и просто душеньке.
Когда наш «Киношок» садился на горшок,
Уже тогда тебя, уже тогда тебя любили все, дружок!

К 60-летию И.А.Когана

От Советского Информбюро.

Сегодня, четвертого июня одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года нашей эры в Союзе Советских Социалистических Республик осуществлен день рождения директора Московского драматического театра на Малой Бронной. Днем рождения управляет гражданин Советского Союза Коган Илья Аронович. Почки, печень, желудок и все органы внутренней секреции юбиляра работают нормально. Самочувствие юбиляра отличное. На 60-м витке он передал сердечный привет и поздравления местному комитету Театра на Малой Бронной и лично товарищу Николаю Николаевичу Серебренникову.

Становление Когана Ильи Ароновича как директора сложных московских театров начиналось в Московском театре юного зрителя, где, управляя зайцами, кошками, медведями и волками, он выработал в себе профессиональные навыки директора зоопарка и острый наметанный глаз охотника. «С волками жить – по-волчьи выть!» – любил повторять Илья Аронович в интимных беседах с друзьями.

Благоприобретенные навыки помогли Когану выжить в экстремальных условиях космического центра на Таганке, куда он случайно попал, сбившись с заданной орбиты. Стойко и мужественно переносил он многочисленные перегрузки, центрифуги и барокамеры, устраиваемые ему генеральным конструктором Любимовым Юрием Петровичем. После одной из таких перегрузок нервы космонавта не выдержали, и он совершил вынужденную посадку на территории Советского Союза, в районе Малой Бронной. Летом, в дыму, на веранде, в лесу, в отпуске по ранению была осуществлена стыковка Театра на Малой Бронной со спускаемым аппаратом «Коган-Аполлон». Здесь он продолжал следить за моральным обликом вновь созданного экипажа. «Водка, водка, я – глотка. Прием», – частенько слыхивал он позывные бортинженера Новикова, который вскоре после одной из задушевных бесед был отправлен директором в дальний рейс в околозвездное пространство. «Я волком бы выгрыз алкоголизм!» – любил повторять после этого И.Коган в интимных беседах с зашитыми космонавтами.

Более подробно о жизни и деятельности юбиляра и его театра вы сможете узнать, ознакомившись с бурным потоком статей и критических эссе большого друга театра, кандидата оккультных наук Нонны Михайловны Стуль, столь полюбившейся творческой интеллигенции театра.

В ознаменование 60-й годовщины со дня рождения Когана предлагается:

1. Произвести салют шестьюдесятью артиллерийскими залпами в городах-героях: Эдинбурге, Лондоне, Хельсинки, Дюссельдорфе, Мюнстере, Франфурте-на-Майне и Челябинске-на-Миассе.

2. Установить на родине бюст жены героя.

3. Переименовать города-побратимы Таганрог и Иоганнесбург соответственно в Коганрог и Коганнесбург.

4. Известный яичный деликатес гоголь-моголь переименовать в коган-моган.

5. Обязать Министерство пищевой промышленности Армянской ССР выпустить юбилейный коганьяк «60 звездочек».

6. Обязать народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Сергея Аполлинариевича Герасимова приступить к съемкам широкоформатного многосерийного фильма «Юность Ильи».

7. Впредь именовать московские театры: Театр Юного Когана и Театр на Коганке.

8. Переименовать площадь 50-летия Октября в площадь 60-летия Когана.

9. Художнику Крымову приступить к созданию монументальной фрески для фасада театра с изображением трех русских былинных богатырей: Алеши Поповича, Добрыни Никитича и Ильи Ароныча.

И в заключение о погоде: сегодня в Челябинске – 40° по Когану, не при Фаренгейте будь сказано.

Ко Дню 8 марта в Театре на Малой Бронной

Праздничный выпуск устного журнала «Красный эфросовец», воскресного приложения к газете «Дунайская правда».

Главный редактор и метранпаж – Лев Дуров.

В передовой статье издания отмечается возросшая роль театральной женщины в общественно-эротических трудовых буднях нашей страны на ударных вахтах пятилетки. По сравнению с 1913 годом родовые показатели театральной женщины возросли на 92 %, и составляют теперь 0,83 ребенка, исходя из общего поголовья на каждую творческую мать. Значительно возрос уровень жизни русской актрисы по сравнению с тем же 1913 годом, несмотря на резкое снижение взносов от меценатов. Сейчас актриса получает в месяц на 4,2 % больше, чем актриса образца 1913 года – в день. А многие

ведущие актрисы играют даже без паранджи.

Маршрутами созидания

Несмотря на то, что спектакль «Ромео и Джульетта» в Театре на Малой Бронной сошел с репертуара еще в 1913 году, актриса Галина Васькова по-прежнему с успехом выступает в роли кормилицы.

Новости медицины

Крупнейшим вкладом в развитие современной гинекологической ортопедии среднего уха явился спектакль «Гнойная пилюля», поставленный на большой сцене Театра на Малой Бронной. Первыми благодарными зрителями спектакля ужасов были студенты-практиканты медвытрезвителей и работники передовых моргов столицы.

Новости спорта

Шахматы. В турнире весельчаков памяти Нила Саймона, гроссмейстер Дуров сделал ход конем. Международный гроссмейстер Валентин Смирнитский при помощи мата добился позиционного преимущества.

За рубежом

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, член ревизионной комиссии ЦК КПСС Михаил Александрович Ульянов по приглашению Общества малазийско-кампучийской дружбы выехал в творческую поездку по местам боевой славы, на остров Святой Елены и имел с ней беседу.

Токио

Наш специальный корреспондент из Японии Владимир Цветов сообщает: по японскому календарю в Японии сейчас весна. Вовсю цветет сакура, там и сям мелькают цветастые кимоно, растет безработица. Небывалая по численности демонстрация трудящихся прошла в японских городах Хиросима и Нагасаки в знак протеста против очередного взрыва общественного мнения, вызванного премьерой «Вишневого сада» в постановке Эфроса. Демонстранты несли лозунги: «Нет русским театральным базам на японской земле!» и «Долой эфросовскую диктатуру на острове Хонсю!».

Новости культуры

В Театре на Малой Бронной приступили к постановке известной сказки Шарля Перро «Красная шапочка» одновременно

три режиссера. На большой сцене спектакль ставит главный режиссер театра Дунаев, на малой – Дуров, режиссер Эфрос осуществляет экспортный вариант спектакля. Газета без сокращений публикует распределение ролей во всех трех спектаклях.

Постановщик Дунаев: Красная Шапка. Действующие лица и исполнители: Красная Шапка – нар. арт. Богданова, Шапкина Бабка – засл. арт. Перепелкина, Серый Волк – засл. арт. Платов, Охотник – Сайфулин. Художник-оформитель спектакля – Петров-Водкин, музыкальное оформление – Михаил Антонович Дзюбенко, в спектакле использованы частушки, припевки, осетинские народные песни, танцы народов Севера, пять романсов в старом доме, а также популярная революционная песня «И от тайги до британских морей Красная Шапочка всех сильней».

Постановка А. В. Эфроса: Шапочка и дым. Действующие лица и исполнители: Нервная шапочка – засл. арт. Яковлева, Бабушка – Сирина, Волк – Волков, Охотник – Лоуренс Оливье (Великобритания), пирожки для бабушки – Изотов, Москаленко. Художник – Крымов, музыка из произведений Сибелиуса, Дебюсси, Вивальди и Левенталя.

Постановщик Дуров: «А все-таки она красная?..» Действующие лица и исполнители: Красная Шапочка – Кириченко, Волк – Дуров, Бабушка – Лямпе, Охотник – Федоров. Художественное оформление – Иероним Босх, музыка – Джон Леннон, Пол Маккартни и Ян Френкель. Дрессура и собаководство – Наталья Дурова. Военный консультант по лазерной технике – маршал Советского Союза С.М.Буденный. Постановщик боев самбо и каратэ – засл. мастер спорта Александр Медведь.

В интервью нашему специальному корреспонденту Лев Дуров сказал: «В этот праздничный Женский день я вспоминаю о себе, о своем детстве в Лефортово. На днях я получил письмо из Вашингтона, где меня, в частности, спрашивают, что лучше – переименовать мыс Канаверал в мыс Дурова или назвать моим именем одну из крылатых ракет “Першинг-2”? Я сказал, что мне все равно. А что касается спектакля, мой замысел, как всегда, прост. Я мыслю этот спектакль как трагедию маленькой шапочки в условиях жестокой окружающей среды в дремучем лесу».

И в заключение о погоде

Сегодня, в День 8 марта, в Москву наконец-то пришла зима. За окном вьюжит, но в Театре на Малой Бронной теплее, чем на улице. Давление падает. Не набухают почки, деревенеют деревья.

С трудом плодоносят выдохшиеся от капустников Мартынюк и Качан. С праздником вас, дорогие женщины.

К юбилею завлита Театра на Малой Бронной Н.Скегиной

На малой сцене надо делать по-большому.

(Из письма Скегиной Эфросу)

Ярким солнечным днем 546 года до н. э. в Амфитеатр на Малой Бронной развязной походкой вошел юноша в потертой тунике и стоптанных сандалиях. Он вежливо обратился к дежурному легионеру с вопросом: «Как пройти в кабинет Юноны Михайловны Скегиной?» Это был начинающий драматург, имя которого впоследствии станет известно всему миру. Это был Эсхил. Много творческих сил и душевного такта вложила в него терпеливая Юнона, прежде чем он научился читать и писать пьесы. Она же, несравненная Юнона, открыла миру и другого выдающегося драматурга – Еврипида. Но в те годы остро стоял национальный вопрос, и Еврипид вынужден был уехать на родину, так и не дожив до создания еврейского театра.

Много их, известных и забытых, маститых и скромных, прошло через ее ласковые и заботливые руки. Как писал о ней Шекспир в сонете № 7.40, «Расскажи мне, скольких ты ласкала? Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?». Кстати о Шекспире. Несколько столетий решала великомудрая Юнона – быть или не быть Шекспиру в Театре на Малой Бронной. Долго ползали по сцене душевнобольные Ромео и Джульетта. А вот жертва геноцида Отелло до сих пор ходит, размахивая цепями, чтобы не заснуть. Невзлюбила коварная Юнона Горького за многословие. Почеркала его пьесу «Варвары», дабы можно было играть ее перед искушенными иноземцами. До сих пор история умалчивает о том, к кому ушел великий вегетарианец из Ясной Поляны душной зимней ночью по шпалам. Уж больно много толстовской мудрости, непротивления злу насилием и несогласия с официальной церковью проскальзывает в критических эссе о спектаклях нашего театра многочисленных эстетов, чьим пером движет подчас велеречивая Юнона.

Когда-то давно, робко и застенчиво сминая в потных дрожащих от волнения руках залоснившуюся кепчонку, переступил порог кабинета многоопытной Юноны забавный мальчуган Алеша Арбузов, шмыгая слегка подслеповатым носом.

Шли годы, подмораживало, вьюжило, пуржило… И вот теперь Алексей Николаевич Арбузов входит в Театр на Малой Бронной запросто, как в родной дом – в агентство по охране авторских прав. Последний этап жизни и творчества этого великого драматурга принес многострадальной Юноне горькое «воспоминание».

Шли годы… Сменялись эпохи… В белом плаще с кровавым подбоем, изнемогая от нужды, задыхаясь от волнения, постучался в дверь кабинета взыскательной Юноны непритязательный драматург Михаил Афанасьевич Булгаков… «Мастер и Маргарита», – застенчиво объявил он, протягивая всемирно известному завлиту замызганную и затасканную рукопись. «Если разберете почерк», – робко добавил он. «Рукописи не горят», – твердо сказала жестокосердная Юнона, небрежно швырнув рукопись в занявшуюся огнем администраторскую.

Шли годы… Мудрые пророчества вещуньи Юноны постепенно сбывались. С тех пор эту пьесу можно увидеть на сцене Театра на Таганке, если заблаговременно позвонить Дупаку по тел. 271-28-26.

Шли годы… Уходили в небытие драматурги… Была распущена Государственная дума… Измучившись в поисках свежей драматургии, прозорливая Юнона однажды ненастной летней ночью набрела на Чехова. «Вот вам “Три сестры”, – предложил Антон Павлович. – Делайте с ними что хотите». И Эфрос сделал – что хотел. Этот может…

Шли годы… Вечерело… И вот однажды в глухие осенние сумерки кропотливая Юнона, роясь в своих букинистических архивах, внезапно наткнулась на Чехова. Ее словно ударило… «Три сестры» – вот пьеса, которую давно не ставил Эфрос. И вот уже шесть сестер на одного брата Алешу, и все кричат: «В Софию, в Софию, в Будапешт…»

Прошли годы… Отцвело, отшумело, отстрекотало… Но посветлело в душе у несравненной Юноны. «Отцвели уж давно хризантемы в саду». Но Юнона живет в нашем сердце больном и, несмотря на экстремальные условия бермудского треугольника, в который она попала волей пославшей ее судьбы, она живет, здравствует и еще ухитряется оставаться вечно молодой.

«И все-таки она вертится…»

* * *

«Общие проблемы портеризма-сионизма и влияние портеризма на украинский национализм и антисемитизм в странах третьего

мира и пятой колонны». Доклад В.Качана на внеочередном заседании общества «Память». 26 сентября 1988 г.

Уважаемые дамы и господа, товарищи, мадам и мсье, синьоры и синьориты, другари и другарки, либе фройнде, хлопцы и девчата! Сколько же это можно терпеть?! То, что, несмотря на очевидные успехи в нашей борьбе, несмотря на растущую консолидацию русских сил вокруг «Слова о полку Игореве», здесь, в Москве, в Московском ТЮЗе, почти всенародно, нахально празднуется юбилей Портера Геннадия Исааковича! Невозможно, товарищи, без отвращения выговорить эту фамилию, ну а отчество вызывает просто спазмы и пароксизмы ненависти. Не потому, что Исаакович, в конце концов, и Ньютон тоже был Исааком, не потому, что Портер, и даже не потому, что Левинсон. Возмущение и протест вызывает то, что Портер – Геннадий, а Левинсон – его, кто не знает, жена – вообще Оксана.

Хлопцы, господа, скильки вже будемо тирпиты?! Эдак воны сына назовуть Грицком, а дочку Олесею!

У нас же, хлопцы, усё смешалось! Артист Ульянов, руководитель СТД (сионистской театральной дружины), играет Тевье-молочника, артист Костолевский, чистокровный еврей, играет русского дворянина Анненкова, артист Качан – наоборот Бабеля, ну тогда пусть Портер сыграет Есенина. Ведь эта ассимиляция происходит, товарищи, специально; нас, хлопцы, просто хотят растворить в себе, и многие русские лопухи этого не видят. И не только нас, товарищи. Ведь Портер уже играл грузина, англичанина, француза, ну это еще ладно, но сейчас он играет китайца в спектакле «Соловей», а это значит, что дамоклов меч сионизма навис над бедным миллиардным Китаем, они и их растворят. Кто сказал, что в Библии написано, мол, что миром будут править косоглазые? Это, товарищи, для отвода глаз написано, ведь Библию-то писали тоже они, Портеры. Пока будут ждать опасности с Востока, они их всех растворят!

Вы думаете, случайно названы города Порт-Саид, Порт-оф-Спейн, Портсмут, Порт-о-Пренс, Порт-Артур, Пуэрто-Рико, Порталегро, Портленд? Хотя правильно названо только одно – Порто-Негро. Случайно названа страна Португалией, фашисты – партайгеноссе, бумажники – портмоне, а напиток – портером? Нет, не случайно! Это многовековая диверсия этих ж…, этих… людей, направленная против всего остального человечества. В этот траурный для всех славян день я хочу обратить ваше внимание на то, что Портер родился 50 лет назад, и несложный подсчет показывает, что шел 38-й год. Только безумец мог думать в этот год о детях, но его отец Исаак, видимо, был мужественным

Портером и отважился.

Да, людей косило в тот страшный год, но ведь что-то же и рождалось. И если Портер сумел выжить в, мягко говоря, непростых условиях 38-го года, то становится понятным, как он выживает в экстремальных условиях у себя в театре в 88-м. А условия ведь похожи. Там все слушались и здесь все слушаются, тогда дружба с Китаем, а сейчас – все китайцы, там культ личности и здесь культ (только там мужчина с усами, а тут женщина – без), т. е. тогда генсек и сейчас Гетсек, но тогда все-таки расстрелы, а теперь все-таки – нет.

Поэтому для Портера, выжившего тогда, сегодняшний високосный год – семечки, или, как говорят они, – «жуткие пустяки». Выходя из образа, скажу, что этой способности к выживанию я завидую, и дай бог, чтобы она помогла ему и дальше, и пусть у него будет все, что ему нужно. А что нужно небедному еврею, не бедному ни умом, ни талантом? Немного удачи, немного здоровья, чтобы не помереть, пока не вырастут дети, и чтоб никто никого не клевал и не дергал. Чего и желает ему докладчик В.Качан, покидая общество «Память», с уставом которого несовместима давняя и постоянная симпатия докладчика к юбиляру. Чтоб ты у меня был здоровенький!

* * *

В эфире всеми любимая программа «Жуть».

Страшные светские новости, новости нашего высшего света, а точнее – тьмы.

На экране ведущий, весь в черном (можно в майке с черепом). По углам экрана – четыре желтеньких логотипа-гробика. Сам ведущий в траурной рамке.

– Начнем с ужасающей, потрясающей, на мой взгляд, новости. В стране за истекшие сутки не произошло ни одной авиакатастрофы, не сгорел ни один паровоз и даже никто не сбил ни одного пьяного на Каширском шоссе. С такой статистикой, друзья, мы далеко не уедем. Правда, есть одно обнадеживающее обстоятельство. К нам мчится огромный астероид размером в целых три футбольных поля, и если он не промахнется и не попадет, допустим, в Атлантический океан, то нам покажется не мало, а много. По прогнозам ученых, уцелеет только Сибирь, и именно поэтому кое-кто из звезд нашего шоу-бизнеса прикупили там участки в несколько га неподалеку от Саяно-Шушенской ГЭС. Но, как говорится, не только «береженого Бог бережет», но и этот «береженый» может оказаться не в том месте и не в то время.

Однако, господа, это еще не Апокалипсис, которого мы, сгорая от нетерпения, ждем со дня на день, не ориентируясь на 2012 год, согласно известному пророчеству майя. И вообще-то говоря, надо сначала провести Олимпиаду в Сочи, а уж потом…

Но, пожалуй, самым выдающимся событием сегодняшнего дня можно считать платье Тины Канделаки от Тиффани на траурной вечеринке по поводу безвременной кончины основателя гирудотерапии Дуремара II, наследного принца непроходимых болот неважно какой страны. В ушах у Тины (кстати) поблескивали небольшие пиявочки от Стефана Вебстера, из белого золота, с которых грациозно свисала капелька рубиновой крови. А на руках… Впрочем, об этом девичьем дуэте – Канделаки и Собчак – столько написано, и они так не вписываются в наш формат нежизнерадостных новостей, что не будем о них. А то еще не дай бог засмеемся… В том числе и над собой.

Вот и все на сегодня. Как всегда, заканчиваю программу следующими словами: «Провожая в последний путь сегодняшний день, мы не скорбим о нем, ибо нас с вами ждет еще день завтрашний и все другие уходящие в небытие дни. В траурном убранстве ваш вечерний стол. Помните: что бы вы не съели на ночь, к утру оно все равно превратится в то, что часто стекает с наших голубых экранов. Целую вас, мои дорогие, еще живые и неослепшие от слез телезрители и удаляюсь под свою любимую музыку – траурный марш В.Шаинского.

Ваш Жмур Некрофилов».

Часть 4
Наблюдения, эскизы, новеллы (То есть все то, что в газетах печаталось под рубрикой «Разное»)

Песня к программе «Белый попугай», в которой автор участвовал много раз.

Ах, белый, белый попугай,
Ты в каждый дом не залетай.
Лети к тому лишь, кто поймет
Остроту, шутку, анекдот.

Веселый белый попугай,
Прошу тебя, не оставляй
Того, кто беден, слаб, уныл,
Того, кто просто загрустил.

Пернатый говорящий друг!
Так много глупостей вокруг,
Что только шутка, анекдот
Нас от уныния спасет.

Пошлость, гадость, зло, глупость и жадность высмеивались в «Попугае» всегда. И хотя «Белый попугай» считался клубом анекдотов, а их королем неизменно был Юрий Никулин, тем не менее в программу все чаще и чаще входили обычные наблюдения, устные зарисовки членов клуба. Они занимали не менее значимое место в съемках, их невозможно забыть, потому что встречались добрые знакомые, которые были рады друг друга увидеть и старались друг друга рассмешить и опять-таки порадовать. Отчасти эти встречи превращались в соревнование, но соревнование, в котором не было ни победителей, ни побежденных. Одна радость. А участники заражались потом тягой к таким наблюдениям, зрение у них становилось лучше, обострялась восприимчивость к упомянутым глупостям и ситуациям, которые нормальный человек просто игнорирует, они проходят мимо его внимания.

Участники «Белого попугая» – отчасти больные люди, их мозги и нервы как бы заточены на ненормальности, которые для

всех остальных – ничего особенного и даже норма. И мне хотелось бы следующий раздел книги посвятить вот этим самым наблюдениям, которые в актерской среде называются «байками». Но автору это слово представляется каким-то необаятельным и к тому же отдает враньем. А вот «наблюдения» обязывают к достоверности и правдивости (иногда даже совсем невеселой). Что, например, веселого в пассаже одной из ведущих программы «Утро», которая как-то сказала: в таком-то, мол, районе совершаются «достаточно кровавые преступления»? Интересно, «достаточно» – это как? Или – кому достаточно? Тому, чья кровь, наверное – вполне.

Или вот еще. Одна ТВ-работница выразилась в репортаже о театре Спесивцева так: «То, что ребята-актеры навсегда *отравлены* атмосферой добра, искренности и тепла – это бесспорно». Действительно, в наше время доброта – весьма тяжелое отравление. В этом веселого мало. И тоже не байка, а грустное наблюдение, зафиксированное специфическим зрением.

А вот это, к примеру, вообще прелесть, несмотря на драматизм ситуации для персоны, о которой идет речь. Светлой памяти Борис Александрович Покровский сказал в интервью, что теперь, после недавнего медицинского происшествия, чувствует себя хорошо. А пережил он серьезный сердечный приступ. «Я, – говорит, – телевизор обычно не смотрю. Но тут ни с того ни с сего включил и услышал (я певца этого не знаю, фамилию не помню) песню “Зайка моя”. И… сердечный приступ. Вызвали скорую…» А?! Каково? Свежий взгляд культурного человека. Чайковский или, положим, Тютчев, услышав «Зайку», вообще, наверное, рухнули бы в обморок. Остальные привыкли. Даже не удивляются.

Каждый эпизод здесь заслуживает отдельного внимания и даже осмысления; каждый из них – отдельная микроновелла. И для начала в этом ряду будет то, что автору ближе всего, то есть песня. Кто только из юмористов не прохаживался по поводу идиотских песенных текстов! У меня тоже масса примеров, но не буду уделять им слишком много внимания. Сейчас коснемся одного лишь проявления невежества в пленительной песенной цитате. Девушка-певица, тоскуя, как обычно, по ушедшей любви, спела: «А стрелки на часах бегут, бегут куда-то вдаль…», чем повергла автора в тяжелую задумчивость. Как это? У часов циферблат, что ли, такой, позволяющий стрелкам бежать вдаль?.. Швейцарские часовые мастера удрученно помалкивают. Куда им! И потом… Оказалось, что ее песня называется «Шансон». То есть, в переводе с французского – песня. Песня называется «Песня». Клёво! Надо будет какой-нибудь рассказ назвать тоже вот этак,

без затей – «Рассказ». И не надо мучиться с заглавиями. Деревня пусть называется «Деревня», город – «Город», фильм – «Фильм». И всё!

* * *

В Московском ТЮЗе шел очередной спектакль «Три мушкетера». Заметим по пути, что спектакль создавался тем же коллективом авторов, что и фильм (Розовский, Ряшенцев, Дунаевский), и все главное из спектакля потом благополучно перешло на экран. Благородный Атос в исполнении артиста Н. перед песней «Есть в графском парке черный пруд» приходит на решающее объяснение с Миледи. Мрачный свет, зловещая атмосфера, предчувствие чего-то нехорошего… Артист Н. всегда выходил из левого портала с обнаженной шпагой в правой руке и всматривался в глубину сцены, ища там злодейку. В тот раз он, видно, решил обострить эпизод и придать ему еще более зловещий оттенок. Поэтому в левой руке у него красовался зажженный канделябр (ну, «зажженный» – это весьма условно сказано, там обычно встроены маленькие лампочки, имитирующие свечи). Он наконец, выдвинув вперед канделябр, разглядел Миледи и произнес первую реплику их диалога. И тут у него упала шпага. Атос нагнулся, чтобы поднять свое оружие, – и выронил канделябр. Потянулся за канделябром и снова уронил шпагу. Все это время продолжался напряженный и драматичный диалог с Миледи, но какой уж тут драматизм, когда диалогу сопутствует почти цирковой дивертисмент. Точно как у меня в школьной сценке с Задорновым, помните?

Тяжело, согласитесь, благородному Атосу сохранять стать и графскую осанку при таком конфузе. Но Коля выдержал. Он понервничал, но сохранил серьезность до конца. Однако для него это был явно не самый удачный день, а тот спектакль так и остался самым нелепым и комичным в жизни, так как впереди была финальная сцена, в которой мушкетеры вчетвером обороняют бастион в Ля-Рошели, окруженные десятками врагов. «Друзья, что мы видим вокруг? – вопрошает благородный Атос. И сам себе отвечает: – Мы видим горящие глаза наших врагов». Но он оговаривается и произносит: «Мы видим горящие друзья». Этого, пожалуй, достаточно, но через несколько секунд Николай снова порадовал друзей-мушкетеров, сказав, что за ними, мол, следит «всевидящий *друз* кардинала». «Друз», этот загадочный орган зрения, и «друзья» вместо глаз долго потом служили предметом шуток и дружеских насмешек над артистом.

Самое-то смешное было в том, что Николай в обеих ситуациях сохранял благородную осанку и прямую спину Атоса. Как тут не вспомнить Филатова, который всякого такого неуместно-гордого человека называл «обоссавшийся беркут».

Вообще надо отметить, что простейшие оговорки и самые безнадежные шутки чаще всего и оказывают наибольший эффект. Артисты могли тщательно готовить всякие розыгрыши. В них было все: и юмор, и фантазия, и точный расчет. Но – не действовали. А что-то совсем простое и даже примитивное вырубало разыгрываемого сразу и надолго. Прекращалось действие, и надо было ждать, когда он придет в себя, отсмеется и сможет продолжить. На актерском жаргоне это называется «колоть» или «расколоть».

* * *

Через несколько лет вот так меня «колол» в Театре на Малой Бронной известный артист Георгий Мартынюк. Дуров, который поставил спектакль «А все-таки она вертится!», всегда с удовольствием наблюдал, как мы взаимодействуем с Мартынюком по делу и не по делу. Не по делу – это как раз о регулярных попытках Мартынюка меня рассмешить. В упомянутом спектакле я исполнял роль директора школы, а Георгий – сантехника, которого Вася Лопотухин приводит в школу вместо вызванного отца. Историческая встреча происходила в кабинете директора. Мы шли навстречу друг другу по диагонали и встречались в центре сцены. Мне повезло, что я шел спиной, потому что Мартынюк, который шел мне навстречу лицом к залу, изгалялся как только мог. Он придумывал детали одежды – от нелепой нейлоновой шляпы до небесно-голубых носков, выглядывающих из-под неслучайно подобранных коротковатых брюк, или галстука (всякий раз нового), расцветке которого позавидовал бы даже гибрид попугая и павлина, – до сандалет, которыми побрезговал бы самый невзыскательный бомж России. Но главной фишкой его наряда был значок, подобранный на каждый спектакль с особой тщательностью и предвкушением моего раскола. Чего только он ни придумывал, чего только ни находил!.. Там был и значок «Гастроном № 1», и значок МВД (как известно, Георгий играл главную роль в сериале «Следствие ведут знатоки»), и «Чайхана № 1», и «1-я Конная» (а мы недавно оба в одноименном фильме поучаствовали) и т. д., и т. д. Сами понимаете, каково мне было удержаться, когда он шел мне навстречу, гордо выпячивая лацкан пиджака, на котором

красовалась очередная находка. Если же не находил ничего, то бутафоры театра делали ему на заказ – то значок с кочаном капусты, намекая на мою фамилию, то что-нибудь еще, не менее «остроумное». Я не смеялся. Я был готов ко всему, и это помогало мне сдерживать смех.

Но однажды… Однажды идет он ко мне как-то боком, а лацкан прикрывает рукой. Всем своим видом Георгий символизирует жгучий стыд и глубокое раскаяние в том, что, мол, ничего не нашел и принес только то, что попалось под руку, и ему меня никак не удивить, ни тем более рассмешить. Он приближается, встает напротив; из-под идиотской нейлоновой шляпы глядят виноватые глаза, он их стыдливо отводит. Рука по-прежнему прикрывает то, что он вынужден был нацепить за неимением лучшего. Но я упрямо и злорадно жду и наконец решаю полюбопытствовать, не дожидаясь, пока Мартынюк отважится приоткрыть мне тайну своего лацкана. И отвожу его руку. Ох, лучше бы я этого не делал… Была в то время, знаете ли, серия значков «Птицы». Большие, круглые значки, на каждом из них – своя птица и ее название. Да, тут еще надо упомянуть, что персонаж Георгия – хронический алкаш, и его отличительные приметы Мартынюк со знанием дела демонстрирует. Теперь представьте себе вот этот внешний облик неопохмелившегося забулдыги и значок с крохотной трогательной пичужкой на ветке. А под ней подпись: «Зяблик». И вот этот простой зяблик, в отличие от всех прежних ухищрений Мартынюка, прибил меня так, что я несколько минут не мог начать сцену, давясь от хохота. Лицо моего партнера осветилось торжеством победителя.

* * *

А теперь другой случай, но все о нем же. Точнее, о молодом артисте Театра на Малой Бронной. Фамилии его я не помню, но это и к лучшему. Это случилось, когда я, уже работая в другом театре, пришел на премьеру Дурова, режиссера спектакля «Дети Ванюшина». После спектакля зашел поздравить Георгия. Он только что умылся и стоял, раздетый до пояса. В гримерную вошел тот самый молодой артист и, одарив взглядом топлес Мартынюка, то есть его обнаженный торс, решил сделать ему комплимент. Получилось у него своеобычно. Он сказал буквально следующее: «Георгий Яковлевич, знаете, если вам голову отрезать, вы еще совершенно молодой человек».

* * *

Мы с Мартынюком в Театре на Малой Бронной были штатными, можно сказать, авторами и исполнителями капустников. Георгий – невероятно остроумный человек и пишет очень смешные стихи. К капустникам и всяческим шуточным поздравлениям мы обратимся в другой главе, а сейчас – в качестве живой иллюстрации к сказанному – я хочу предложить вашему вниманию несколько стихотворений Георгия с сопутствующими комментариями.

Дурову 70 лет

Я не верю, что Дурову 70 лет!
Это что-то напутал он сдуру.
У него, как у «мудрости» возраста нет,
Ну а «дурость» – вторая натура.

Ему же – 75

Я не верю, что Дурову 75.
Это что-то наш Лева напутал опять.
Его годы как будто попятились вспять:
Он как «ягодка баба» – опять 45.

* * *

Стоит Театр на Малой Бронной!
Идут спектакли в доме том.
И вечерами зритель томный
Все ходит по фойе кругом.

Пойдет направо – в зал заходит,
На сцену пристально глядит.
Там чудеса: там Дуров бродит
И Перепелкина сидит.

И обостряются все чувства,

Едва переступив порог.
Вас ждут «Славянские безумства»
И непрожаренный «Хот дог»!

В наш пенсионный юбилей
Мы вспоминаем ненароком
Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Театр рядом с синагогой.
Он был еврейским в те года.
Потом евреи понемногу
К себе уехали туда.

Здесь Гончаров блистал когда-то,
И Эфрос паутину плел.
Дунаев нас от горя прятал
И верною дорогой вел.

Портнов – художник с тонким вкусом,
Познавший тайны бытия,
Поставив пьесу «Мать Иисуса»,
Отбыл на родину Ея.

А Женовач был честных правил,
Когда ж не в шутку занемог,
Он Достоевского поставил
И, к сожалению, убёг!

Житинкин – мастер эпатажа,
Хотел упорно нас склонить,
В порыве творческого ража,
Ориентацию сменить.

Но в наших жилах кровь кипит,
Храним наш дух неугомонный.
И несгибаемо стоит
Наш символ – Коган многотонный!

Речей не будет, прямо скажем.
Чтоб не впадать в официоз,
Спектакль новый вам покажем.
Встречайте «Кавалера роз»!

P.S. Должен сказать, что представленные стихи не настолько искрятся юмором, как другие, которых ни Георгий, ни его супруга не нашли. Так что вам придется поверить мне на слово, когда я говорю, что Георгий Мартынюк – один из самых остроумных людей, которых мне в жизни довелось встретить.

* * *

Следующая театральная история произошла в Московском ТЮЗе во время спектакля «Грозовой год». Имелся в виду 18-й год и готовящееся восстание левых эсеров. Буквально завтра должно состояться покушение на Ленина на заводе Михельсона. И вообще советская власть – в смертельной опасности. Сцена разделена на две части. Это режиссерское решение, такая незатейливая география (она же – сценография) подчеркивает идеологическую пропасть между эсерами на левой стороне сцены и большевиками – на правой. Им не о чем больше разговаривать, они – враги.

Тем более странно то, что произойдет буквально через несколько минут. В стане эсеров идет заседание перед завтрашним решающим днем. На переднем плане сидит Фанни Каплан; ее настраивает, гипнотизирует, можно сказать даже – зомбирует левый эсер Котович. «Наступает твой день. Фанни-и-и!..» – низким, густым и вместе с тем напевным голосом (ну точно как удав Каа из фильма про Маугли), нависая над актрисой, вещает он. И тут… позади сцены раздается какой-то невнятный шум и слышится тихий мат. Все дело в том, что в тот день на роль Дзержинского вместо основного исполнителя, застрявшего с авиарейсом в Новосибирске, был введен другой артист. По роли слов у Дзержинского было мало, но выходов – много. И почему введенному артисту пришло в голову, что именно сейчас его выход, – об этом не ведает никто, да и сам он вряд ли мог объяснить свой внезапный импульс, толкнувший его из темной глубины сцены, оттуда, где черным задрапирована задняя стена, – туда, вперед, прямо в логово левых эсеров. Он гордо вышел на световое пятно в длиннополой шинели и резко повернул свою узкую бородку к группе злоумышленников. И только тут пришел в ужас, осознав, куда попал. Но надо было оставаться Железным Феликсом, несмотря на отчаянное положение. Он и старался, а лицо его при этом выражало «попурри» из двух несовместимых чувств – паники и грозной значимости председателя ВЧК. Словом, все тот же беркут, но обделавшийся.

Над сценой нависла тяжелая тишина и предчувствие катастрофы. Никто даже не засмеялся: ни один из эсеров, ни тем

более Железный Феликс. Как теперь продолжать уже обреченный сюжет?! Завтрашнее покушение на Ильича теряет всякий смысл. Какое, на хрен, покушение, какой заговор, когда сам Феликс Эдмундович уже здесь! И что делать? Секунд пятнадцать длится эта пауза, во время которой каждый старается найти хоть какой-нибудь выход. А его нет! Вся интрига пьесы провалена… И тут нашему Дзержинскому приходит в голову, как ему кажется, спасительная мысль. Он на наших глаза вновь обретает уверенность, выпрямляется… и делает нечто уж совершенно невообразимое. Поднимает руку и, как нашкодившим школьникам, яростно грозит эсерам указательным чекистским пальцем. И при этом восклицает: «У-у-у!» Мол, смотрите у меня, шалуны, ведите себя хорошо! И уходит.

Только тут эсеры стали расползаться по сцене с отклеившимися от смеха усами и бородами. Поползли за кулисы, ибо что они могли изобразить, как оправдать этот шокирующий визит, который свел на нет все их контрреволюционные усилия?! Расползлись, как отравленные тараканы. Кулисы сотрясались от хохота. Занавес закрылся. Все получили по выговору.

* * *

В МТЮЗе был очень активный комсорг. Ему (назовем его, допустим, Вадимом) недостаточно было оставаться, например, просто лояльным по отношению к партии и правительству, ему надо было быть *в восторге* от нашей партии и ее генеральной линии. Так же Вадим оказывался первым в любом начинании дирекции. Ко всему прочему театр существовал тогда временно без главного режиссера, и все дела, вплоть до новых постановок и распределения ролей, решал директор. Единолично. А ведь комсорг был еще и артистом и при покровительстве директора мог бы получить пару главных ролей, а вместе с ними и звание, и тогда вообще – жизнь удалась.

И тут представился случай проявить по отношению к директору не только все ту же лояльность, но еще и бескрайнюю преданность, а если получится, то и любовь. У директора умер отец. И директор попросил Вадима помочь ему во всех соответствующих ритуальных мероприятиях. Вадик, как всегда горячо, а сейчас – особенно, взялся за дело. Цветы, венки, кладбище, погребальную команду, музыку – все организовал. Не забыл организовать и пусть скромную, но все же достойную похоронную процессию из артистов театра. Друзей и родственников у отца директора было совсем мало, и скорбеть

Вадик обязал всех артистов, которых накануне отловил в коридорах театра. Надо ли говорить, что никто из нас с усопшим не только не был знаком, но даже никогда и в глаза не видел. И Вадик в том числе. Это, однако, не помешало ему, стоя у могилы рядом с директором, горько зарыдать, когда начали бросать землю. На что директор, у которого уж чего-чего, а юмора всегда было предостаточно, тихо заметил: «Вадик, ну не надо так убиваться, ведь это *мой* папа умер, а не ваш». Автор, находясь тогда в трех шагах от них, стал невольным свидетелем этой трагикомедии, отчего вынужден был немедленно покинуть погребальную церемонию, закрыв лицо платком и расталкивая стоявших рядом людей, с несмелой надеждой на то, что родственники примут его уход за невозможность справиться с горем и попытку скрыть душившие его слезы. Вадик с некоторым удивлением проводил автора глазами, в которых читалось ревнивое подозрение – в выражении траура его, кажется, превзошли.

Потом мне рассказали, что Вадим, бросив свою горсть земли в могилу, постучал ладонями, похлопал, как всегда делают, стряхивая с рук землю, потом обвел взглядом стоявших вокруг артистов и загадочно сказал: «Та-а-к!..» И в этом протяжном «та-а-ак» было то ли: «Кто из вас следующий?», то ли: «Ну, с этим мы разобрались, что там на сегодня дальше…» Бог его знает, что вложил Вадик в это свое «та-а-к», но окружающие почувствовали в тот момент, будто какой-то зябкий, неприятный ветерок пролетел рядом, и зловещее могильное будущее мелькнуло на миг перед мысленным взором и так же мгновенно исчезло, погасло.

Вы, конечно, понимаете, что коллеги пересказывали свои ощущения несколько проще, но автор, склонный, как и все авторы, к словоблудию, не мог не довести их впечатления до леденящей душу метафоры. Вежливо передернем плечами, произнесем «бр-р-р» и помчимся дальше по живописному тракту наблюдений (и отчасти фантазий) автора, который впредь будет иногда выступать и от первого лица.

* * *

Театр «Школа современной пьесы». Идет на малой сцене «Чайка» Чехова. Один из премьерных спектаклей. Роль Аркадиной исполняет Татьяна Васильева, Тригорина – Владимир Качан. Во время драматичного выяснения отношений Татьяна, решив, видимо, усилить комплимент, сказала Тригорину – Качану: «Ты лучший *советский* писатель». Таким образом Таня

модернизировала Чехова, и публика, которая кое-что читала или просто догадывалась, слегка удивилась. Но – слегка. Реакция же Тригорина вам, конечно, понятна. Во время таких «случайностей» автор бывал необыкновенно смешлив. Тем более что Таня повернулась к публике и сказала: «Ну бывает».

Надо сказать, что ей не всегда удавалось подобрать правильный эпитет к писателю Тригорину. Когда оригинал («Ты лучший из всех русских писателей») забывался, Таня в недрах своего подсознания отыскивала что-нибудь другое, как ей казалось – подходящее. Именно это место стало для нее камнем преткновения или, как теперь говорят, тут-то ее и переклинивало. Так, через несколько недель я был назван «самым русским из всех русских писателей». «А как же Лев Толстой, возделывающий пашню в армяке и лаптях?..» – подумал я тогда. Словом, на этот раз Таня непринужденно сделала Тригорина славянофилом и почвенником.

* * *

Тихо, но удачно сказанная во время действия реплика может дезавуировать любой серьезный момент. В той же чеховской «Чайке» (я не случайно подчеркиваю – «чеховской», ибо их у нас, как известно, три. Этот триптих вошел даже в российскую книгу рекордов Гиннеса) появление Нины Заречной в домашнем спектакле Треплева выглядит странно. На сцене большой ком тряпья. Из этой кучи появляется нечто с белым чулком на голове. Но прорези для глаз и рта в чулке все же есть. Из чулка вверх торчит хвостик волос. Артистка Ольга Гусилетова тихонько произносит: «Сибирская язва». А в ту пору об этой эпидемии только и говорили. Все мы тогда слишком живо представили себе сибирскую язву, обретшую живое воплощение в образе Нины Заречной. Артисты ведь дети. Им немного надо, чтобы развеселиться, и совсем немного, чтобы заплакать.

И вот – еще одна чеховская «Чайка». Финальный трагический монолог Нины. Остальные персонажи сидят за столом на другом конце сцены. «Да поможет Господь всем бесприютным скитальцам», – говорит Нина, имея в виду себя и свою судьбу. Но перед словом «скитальцам» Жора Мартиросян тихо произносит: «Китайцам». И все утыкаются лицами в стол. Всем достаточно этой малости, чтобы трагизм испарился мгновенно…

Кстати, незадолго до закрытия казино «Голден палас» я пришел туда на день рождения своего товарища. И в большом зале обнаружил огромное количество играющих «бесприютных

китайцев».

* * *

Еще о Татьяне Васильевой. Как-то стоим мы в фойе театра втроем. Райхельгауз, обожающий Таню, она сама и я. Происходит довольно примечательный в актерской среде разговор.

Я. Она скверная тетка, но артистка хорошая.

Райхельгауз. Тише. Нельзя при одной артистке говорить, что другая – хорошая.

Васильева (*низким своим голосом, небрежно*). Ничего-ничего. При мне можно. Тем более что ни одной хорошей работы я у нее не видела. А что скверная тетка – я полностью согласна.

* * *

Можно, конечно, подумать, что все это наши узкоспециальные, местечковые радости. Корпоративные, непонятные другим. Но мне почему-то кажется, что предлагаемая рассказчиком экскурсия в мир закулисья представляет интерес и для вас – не как оттенок «желтой прессы», признак гепатита, а как своеобычная человеческая комедия, черты которой наблюдаются и в других сферах деятельности.

Обратимся вновь к нашим «Чайкам».

В акунинской «Чайке» Аркадина в исполнении Ирины Алферовой после известия о гибели сына (пока еще никто не знает – застрелился он или его убили) говорит: «Я должна его видеть» (а убиенный Треплев лежит в другой комнате). Тригорин отвечает: «Не надо. Я схожу, а тебе не надо». Уходит, возвращается, пошатываясь, потрясенный зрелищем, которое открылось его глазам в соседней комнате. Он должен сказать Аркадиной и всем: «Лежит на зеленом ковре, и всюду кровь», но у него получается не сразу, так как Ирина Алферова импровизирует и задает ему вопрос, который в данной ситуации звучит несколько диковато: «Ну как он там?» То есть, как чувствует себя труп. Через полминуты Тригорин приходит в себя и вполне искренне отвечает: «Как-как… Теперь уже никак». Мог бы тут же добавить, что температура тела у него стала комнатной.

* * *

В оперетке «Чайка» (она у нас так игриво и называется – «оперетка»), в финале Саид Багов (Медведенко) пугает Тригорина (исполнитель тот же). Он держит за спиной чучело чайки и как можно более злобно спрашивает: «Помните, Константин Гаврилович подстрелил чайку, а вы заказали сделать из нее чучело?» «Не помню», – весь трепеща, отвечаю я. «Ой ли?» – еще более угрожающе вопрошает Саид. И тут… у него в кармане звонит мобильный телефон, который он попросту позабыл вынуть из своего черного (опять же – пугающего) костюма. Мы замираем. Зал – тоже. Мобильник продолжает звонить. Перед спектаклем ведь всегда звучит призыв отключить мобильные телефоны. Во всех театрах. Бескультурных зрителей об этом просят, но все равно звонки продолжаются. Мобильники превратились просто в кошмар для всех спектаклей. А тут – на тебе! У самих артистов! Да еще где?! На сцене.

У Саида некоторая растерянность в глазах, даже легкий испуг. А телефон в его кармане все звонит. И зал ждет, чем все это закончится, как теперь они выкрутятся. Хорошо еще, что это была оперетка, можно было и пошалить. И я говорю: «Ну ответьте». Саид достает трубку и отзывается: «Я не могу сейчас говорить, я на сцене. Играю спектакль». И мы продолжаем как ни в чем не бывало. Убийственная напряженность между черным человеком и Тригориным уступила место полной разрядке. Зал был в восторге. В нашей оперетке и до того было столько «дуракаваляния», что эта сценка оказалась не только не катастрофой для спектакля, а даже стала какой-то новой, неожиданной краской.

* * *

Вот еще один эпизод, связанный, к сожалению, с мобильным телефоном. Для этого придется опять вернуться к «Чайке» А.П.Чехова, которому повезло не узнать, что такое мобильный телефон на спектакле. Когда он звонит во время драматической или, того хуже, любовной сцены, вы не можете себе даже представить, что чувствует актер или актриса. Злость, растерянность – это самое меньшее. Возникает острейшее желание удавить владельца, а телефон переименовать в «могильный» и вместе с хозяином его закопать.

Иногда бывает, что совсем не реагировать, не обращать внимания и продолжать спектакль – абсолютно невозможно. Как раз такое случилось на той самой чеховской «Чайке» во время лирической сцены Нины и Тригорина. Она поставлена

Райхельгаузхом так, что Нина фактически предлагает себя Тригорину, говоря: «Я родилась здесь и знаю каждый островок» – и подходит к нему почти вплотную. Тригорин оглядывается на всякий случай, нет ли поблизости Аркадиной, и приближает лицо к лицу девушки, закрывшей глаза и уверенной в том, что поцелуй состоится. Ближе, ближе… Такие места в постановке всегда пользуются наибольшим вниманием публики, я бы сказал – напряженным вниманием: латентная эротика сцены вот-вот перейдет в очевидную. Публика замерла, тишина гробовая. И вот тут-то пронзительно и нагло звенит мобильник. А действие происходит в малом зале, посередине, между слева и справа сидящими зрителями. Сидящими буквально на расстоянии метра от артистов. Телефон продолжает звонить, тупоголовый хозяин то ли не может его сразу отключить, то ли не хочет. Делать вид, что ты ничего не слышишь, – становится как-то глупо и фальшиво. Поэтому моим губам, расположенным в десяти сантиметрах от губ актрисы, ничего не остается, как произнести: «И часто в этом саду соловьи так поют?» Актриса растерянно кивает головой. Текст далек от классического чеховского, но я все равно продолжаю: «До чего же противно!..» И в зале раздаются аплодисменты. Публика целиком на моей стороне, а хозяин телефона всенародно пристыжен.

Признаюсь, что этот «воспитательный» прием мне довелось потом повторить еще несколько раз – и на гастролях, и в Москве. Хорошо еще, что Райхельгауз об этом не знает…

* * *

И еще раз о многострадальной чеховской «Чайке». Очередные гастроли в Петербурге. И не где-нибудь, а в легендарном Большом драматическом театре им. Георгия Товстоногова. Женщины-капельдинеры в белых жабо за полтора часа до начала с нескрываемым ужасом на лицах наблюдали, как на сцене прославленного театра репетируют артисты с листами ролей в руках. То есть, значит, все они совершенно не готовы, не знают текста! Такую халтуру привезти в Петербург! В БДТ!!! А все дело было в том, что пришлось прямо перед гастролями произвести сразу несколько срочных вводов. Вместо Васильевой роль Аркадиной исполняла Екатерина Васильева (фамилия-то одна, может, зрители и не заметят, тем более что Екатерина Васильева знаменита не меньше, чем Татьяна). Затем вместо основной, но заболевшей накануне исполнительницы Нину Заречную играла известная киноактриса Даша Михайлова. В первый (!) раз. Лев

Дуров, игравший Дорна, был срочно перепрофилирован на роль Сорина вместо Михаила Глузского, который тоже не смог поехать по состоянию здоровья. А я, в столь же аварийном порядке, с роли Тригорина был переведен на роль Дорна. Тригорина же в тот вечер играл Владимир Стеклов.

Вот такой был пасьянс, такая вот перетасовка всей колоды. «Перезагрузка» – сказали бы в наше время. А в то время, вероятно, сотрудницы БДТ, которые готовились принять зрителей там, где блистали Смоктуновский, Доронина, Борисов, Лавров, Лебедев, да что там – весь цвет российского театрального искусства, вправе были подумать про эту труппу заезжих комедиантов с невыученными ролями все что угодно, и самым невинным определением в наш адрес были бы слова «легкомыслие» и «безответственность».

Во время спектакля Дуров очень мне помогал. Показывал, куда идти, где остановиться. Старался все время быть неподалеку, чтобы подсказать даже текст в случае чего. Поэтому его внимание раздваивалось и про поведение Сорина, то есть своего персонажа, он иногда забывал. Так, он пошел гулять, якобы любуясь природой, по огромной сцене БДТ как раз тогда, когда по пьесе должен был вздремнуть на своем стуле. Пошел гулять как раз перед чьей-то репликой «Спокойной ночи», напрямую касающейся его сна. К несчастью, именно в этот момент он оказывается слишком далеко от своего стула, на противоположном краю сцены. Он, Сорин, осматривал, понимаете ли, сад, совершал моцион. Но вот беда – далеко ушел! Следующая реплика «Спокойной ночи» прозвучать не может, потому что Сорин не спит. Он гуляет. Возникает неловкая пауза, во время которой каждый из срочно введенных мастеров сцены лихорадочно соображает – не он ли тут что-то напортачил, ошибся. Дуров очнулся первым. Оглянулся раз, другой, все понял и быстро побежал через всю сцену к своему стулу. Добежал и с размаху плюхнулся. Но еще до того как его зад коснулся сиденья, практически еще в движении, в полете, Дуров прилежно захрапел. Воспитанный на высоких образцах, интеллигентный петербургский зритель наверняка подумал, что это, наверное, такое режиссерское решение. Может, Сорин – такой бодрый старик, который только косит под больного и спящего, а на самом деле – о-о! он та еще штучка! Ведь говорит же про себя, что был некогда влюблен в прелестную девушку Нину Заречную, на что получает реплику Дорна «старый ловелас».

* * *

Ну, вроде как с «Чайками» покончено. Временно, конечно. Уверен, что эта красивая белая птица, ставшая некогда символом МХАТа и жестоко опущенная Райхельгаузом в «Школе современной пьесы», еще половит свою рыбку в море иллюзий и фантазий нашего режиссера и его артистов, которые из любой чайки могут при желании сделать чучело и еще этому порадоваться. Обратимся же теперь к другим спектаклям. Вглядимся в тронутые гримом и жизнью лица артистов, прислушаемся к тому, что о них говорят другие.

Если в театре партнеры специально готовят розыгрыш, специально стараются рассмешить (и иногда это лихо получается), то все равно случайные оговорки, случайно возникшие глупости, случайная потеря памяти у артиста, превращающая сцену в комический абсурд, – все эти «случайности», как правило, гораздо более эффективны, так как первое – ожидаемо, а второе – застает врасплох. И особенно – артиста, смешливого по природе. Ему труднее всего.

В спектакле «Провокация» я рассказываю Юрскому про свою двоюродную тетку Нюру. Рядом сидит Наталья Тенякова. И вот один раз, придя в сильный азарт от собственного рассказа, я оговариваюсь и произношу: «Моя двоюродная *теща* Нюра». Наталья Тенякова даже не попыталась спрятать смех, настолько поразили ее только что открытые мною новые родственные связи.

* * *

Следующий эпизод произошел уже не в театре. Тем не менее это тоже живая иллюстрация того, как небольшая оговорка может повлиять – в данном случае – на судьбу песни. В целях «борьбы с нищетой» мы с артисткой МТЮЗа Людмилой Черепановой образовали дуэт, который начинал с вполне серьезных песен и романсов. «Борьба с нищетой» особенно интенсивно проходила в дни календарных праздников. В день можно было сыграть даже четыре, а то и пять концертов. Были в этой области даже свои рекордсмены, которые на машине стремительно метались с концерта на концерт, едва успевая перед выходом наклеить усы и нахлобучить шапку. У одной пары был своего рода постоянный зеленый свет на светофоре: едва они вбегали за кулисы очередного концерта, как им уже давали место сразу за тем, кто выступал в данный момент. Поэтому в день они отрабатывали до десяти выступлений.

У нас же с Черепановой был в тот вечер пятый, рекордный для нас концерт. В Генштабе. Весь зал сверкал погонами, первые

пять рядов – генералы, а в первом ряду даже один маршал. Мы поем красиво разложенный на два голоса знаменитый и, надо полагать, любимый советскими офицерами романс «Ямщик, не гони лошадей». Первый куплет проходит нормально. Начинается припев. Мы поем: «Ямщик, не гони лошадей. Мне некуда больше спешить…» Грустная, печальная вещь об ушедшей любви, о погибшем счастье, у артистов скорбные лица, атмосфера найдена. И тут партнерша моя не без надрыва поет следующую фразу: не «Некого больше любить», а что-то совсем другое, уводящее романс в почти медицинском направлении – «Мне *некуда* больше любить…» Ну естественно, если некуда спешить, то и любить – тоже… А до конца романса еще далеко, и слезы у меня на глазах – отнюдь не от сочувствия клиенту ямщика. Но… кое-как допели. Хорошо, эта фраза пелась в два голоса, и генералы, скорее всего, такой пикантной оговорки просто не уловили.

* * *

Известные артисты нередко снимаются в рекламе, и это перестало удивлять и возмущать их поклонников. Но иногда реклама превращается в самопародию. Она становится даже привлекательной. Во всяком случае, одну такую рекламу я бы не отказался посмотреть еще раз. Несколько лет назад Виторган призывал неаккуратно пьющих людей воспользоваться чудодейственным средством «Алкостоп». В самом названии содержался смысл его действия. Итак. Крупный план всеми любимого артиста. Он пронзительно всматривается в телеаудиторию, убеждает, внушает, чем-то напоминая Кашпировского во время телесеансов. Но Виторган не пугает, он советует со свойственным ему обаянием. «Меня зовут Эммануил Виторган», – начинает он свою рекламную проповедь. И далее по сценарию, все про «Алкостоп».

Эту рекламу часто пускали по всем федеральным каналам. И в суверенной Украине она тоже шла. Но там ее озвучили по-другому, ибо параноидальная ненависть к русскому языку у тогдашнего руководства Украины приводила подчас к результатам попросту смешным. Я был в городе Днепропетровске, в короткой концертной поездке. В своем гостиничном номере я утром неспешно прохаживаюсь из спальни в ванную и обратно. Телевизор работает. И вдруг слышу: «Мэнэ клычут Эммануил Виторган» (с мягким «г», разумеется). Я оборачиваюсь и вижу родное лицо моего партнера по спектаклю «А чой-то ты во фраке?». И далее он по-украински чешет весь текст про

«Алкостоп», и это так неожиданно и забавно, что я аж присаживаюсь на стоящий рядом диванчик. И так не особенно хотелось немедленно бежать в ближайшую аптеку и приобретать «Алкостоп», а теперь – вообще комедия. И зачем было затевать это карикатурное переозвучивание, приглашать украинского артиста, к чему делать вид, что местные жители совершенно не понимают русского языка и способны бросить пить только с помощью украинского? Это вряд ли…

Когда встретились, я рассказал Эмме про то, как он, сам того не ведая, стал хохлом, завязавшим с горилкой благодаря «Алкостопу». Посмеялись…

* * *

В Московском ТЮЗе у доски приказов стоит немолодая уже артистка и читает распределение ролей в новом спектакле. Она видит, что ее опять распределили в массовку. Без слов, без прав, но со множеством обязанностей (переодеваний, выходов и т. д. и т. п.). Она прижимает руку к губам и тихонько говорит: «Ёб твою мать!» – и тут же вспоминает: «Ой! Надо же маме позвонить!» Искусство – искусством, но жизнь все-таки берет свое.

* * *

Не покидая театр (а это был все тот же МТЮЗ), я стал солистом знаменитого Государственного оркестра РСФСР под управлением Утесова. И когда в театре у меня случались перерывы между спектаклями, я с оркестром ездил на гастроли по родной стране. Часто вместе с нами ездила «звезда». И тогда первое отделение занимал репертуар оркестра и его солистов, а все второе отделение пела знаменитость. Такая практика обеспечивала сборы и применялась довольно часто.

Один раз с нами поехал композитор и певец Евгений Мартынов. Поехал на пике своей популярности. А самой известной и любимой его песней была тогда «Лебединая верность». Немало слез было пролито дамами во время исполнения Мартыновым этой песни. И пел он ее очень хорошо. Как бы в ту пору выразились – душевно. Или задушевно… «Лебединая верность» была хитом его программы: еще когда только объявляли название, в зале начинались овации.

И вот Евгений поет и добирается до ключевого момента: «Вдруг по птице кто-то выстрелил, и вырвался крик: “Что с тобой,

моя любимая? Отзовись скорей…”» – и т. д. А сразу за исполнителем сидят скрипачи оркестра, большинство – родом из Одессы. Их каламбуры и хохмы сопровождали все концерты. (В частности, нашу с Филатовым песню «Бизоны» они обшучивали постоянно. Простая строчка «Несутся на Запад бизоньи стада» претерпевала у них существенные изменения. Там было и «несутся на запах», и «несутся на запад кобзоньи стада» и пр. А известную картину Пикассо «Девочка на шаре» они переименовали в «Девочку на шару» (на музыкантском сленге «на шару» означает – даром, бесплатно.) Словом, непростые ребята служили в скрипачах в оркестре Утесова.) И вот, сразу после слов «Вдруг по птице кто-то выстрелил и вырвался…», один из них внятно вполголоса сказал: «кряк»… Превратив тем самым благородного лебедя в вульгарную утку, а весь пафос и горечь происходящего в песне опустив до водевиля, до капустника. К его чести, Мартынов если и обиделся, то ненадолго, а публика… та вообще ничего не разобрала.

* * *

Был у меня концерт в клубе «Эльдар». Как вы понимаете, Эльдар Рязанов имеет к нему прямое отношение. Творческие вечера, концерты превосходных, хороших и просто популярных деятелей искусства – вот типичный репертуар клуба «Эльдар». Мне, вероятно, следует отнести себя к отдельной категории – поющий артист, которого, мол, можно узнать хотя бы по тому, что он спел известный романс «Кавалергарды» в фильме Мотыля «Звезда пленительного счастья».

Словом, я выступаю, Эльдар Александрович в зале, в первом ряду, так что мы иногда даже перебрасываемся репликами. Шутим. Этакий парный конферанс у нас. Ему, вижу, все нравится, но в антракте я получаю от него записку с соответствующими пояснениями его супруги Эммы. Оказывается, несколько дней тому назад он на своей машине что-то нарушил и был за это остановлен. Сотрудник ДПС конечно узнал Рязанова, но это нарушителя не спасло, ибо выяснилось, что его права просрочены чуть ли не на год. Популярность и авторитет классика кинематографа, наверно, выручали раньше, но здесь не сработало, и классик, как простой автолюбитель, был отправлен на медкомиссию, без которой, как известно, получение новых прав невозможно. В записке содержались сдержанные комплименты и извинение за то, что он не сможет присутствовать на втором отделении, так как завтра обязан явиться на

медкомиссию к восьми утра! Тут стоял первый восклицательный знак, а дальше в скобках крупно, почти печатными буквами – «НАТОЩАК!!!». Именно с тремя восклицательными знаками. То есть ясно было, что к восьми утра – это возмутительно неприятно, но что не покушамши – это вообще катастрофа! Кто только не шутил на юбилеях и капустниках по поводу комплекции Рязанова и его любви к «хорошо покушать». Но вот как он сам к этому относится, не было известно широким народным массам. И будем надеяться, что история с запиской доказывает нам: Эльдар Александрович обладает драгоценнейшим для классика качеством – самоиронией, в придачу к обыкновенной «Иронии судьбы», радующей нас каждый Новый год. Что же касается состояния «натощак», без которого анализ крови не получается, то это лишь временное, одноразовое неудобство, потому что «тощак» Эльдару Александровичу не грозит по определению.

* * *

Как-то две звезды отечественного кинематографа прогуливались по улицам провинциального города N и полушутя спорили о том, кто из них популярнее. В городе N шли гастроли Театра на Таганке, в котором оба артиста в ту пору работали. Их звали Леонид Филатов и Борис Хмельницкий. У одного из них триумфально прошел недавно по экранам страны фильм «Экипаж», а у другого, немного раньше, – «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго» и «Стрелы Робин Гуда». Спор должен был разрешиться у газетного киоска. Объем продаж открыток из серии «Актеры советского кино» должен был объективно показать – к кому из них народная любовь сильнее. Точнее, «рейтинг» в основном обеспечивали девушки, грезившие по ночам о своих героях.

Оба подошли к киоску и, не показывая лица, Филатов спросил: «Есть ли у вас открытки с Филатовым?» Киоскерша достала свой бухгалтерский фолиант, перелистала несколько страниц, нашла то, что нужно, и сказала: «Еще есть, но осталось очень немного». Филатов торжествующе посмотрел на Бориса, но тот сделал ему знак, чтобы он продолжил вопрос, что, мол, еще не кончен спор и не погасли свечи. Леня с детским пренебрежением к поверженному, как он в тот момент считал, противнику спросил в окошко: «Ну а Хмельницкий есть у вас?» Ответ, прозвучавший из недр газетного киоска, буквально сразил его стрелой Робин Гуда: «Ой, а вы знаете, с Хмельницким, к сожалению, нет ни одной. Уж недели две как все продали».

Саркастический хохот Хмельницкого сопровождал этот облом. Леня не знал тогда, что происходит смена киноэпох, одни герои уступают место другим, подчас своим противоположностям, и так называемым секс-символом вскоре станет именно он: хотя до красавца Хмельницкого ему ой как далеко, но его открытки будут со свистом разлетаться из всех киосков страны. Тогда, у того киоска, этот перелом еще не наступил, Ленин звездный час ожидал его впереди, буквально через несколько недель. А Боря все равно остался в памяти людей не как уходящая натура, а как романтический герой, так же примерно, как Жерар Филипп для Франции. Мода на них вроде как прошла, но есть смутное пока предощущение, что эра романтизма скоро опять наступит. Что ж… подождем, потерпим…

* * *

Премьера спектакля «Провокация» в театре «Школа современной пьесы». Спектакль создал (то есть написал пьесу, поставил и сыграл в ней) Сергей Юрский. Перед самым началом все участники собрались за кулисами. «Ну, с Богом!» – сказал Сергей Юрьевич. И кто-то из артистов ответил: «К черту!» Перепутал адрес, подумав, что ему пожелали «ни пуха ни пера». «С Богом – к черту» – это не просто оригинально. Не это ли суть лицедейства, подумал я тогда. И сам себе возразил – нет, не всякого, конечно, не всякого… Бывает, все-таки, с Богом и к Богу. Правда, в последнее время все реже…

* * *

Вот так, с твердым стремлением приобщиться к Богу поехала к святому источнику недалеко от Богородского озера (под Сергиевым Посадом, километров двадцать пять – тридцать) маленькая компания артистов с друзьями. Дорога от трассы, с ее колдобинами, ямами, кочками, идущая под уклон к святому источнику, сама по себе становится тяжелым испытанием, но во время (или после) дождя – просто бедой. А тут случилась большая, страшная гроза. Мы легкомысленно понадеялись, что успеем выбраться наверх до грозы. Не успели. Вместе с нами не успели еще несколько машин. Застряли. Гроза стала утихать, а все застрявшие от долгого ожидания как-то сплотились, образовали дружелюбное сообщество людей, вместе попавших в небольшую, но все-таки – беду. Пытались угощать друг друга тем,

что было в машинах, шутили. С нами была Лидия Федосеева-Шукшина, и на нее все пристальнее смотрела одна милая женщина, предлагавшая всем пирожки (которые принимались и елись с удовольствием).

Наконец гроза и дождь совсем ушли и даже выглянуло солнце. Мы погрузились в машину и попытались выехать наверх. Остальные машины за нами. Не тут-то было! Ко всем своим «достоинствам» дорога стала еще и скользкой. После нескольких попыток, окончившихся отчаянной пробуксовкой, когда не помогли ни ветки, подкладываемые под колеса, ни найденные вокруг обломки кирпичей, Виталий, капитан нашего злополучного вездехода, приказал всем выйти из машины, а уже он, налегке, еще раз попробует. Все разулись и вышли. Грязь была почти по колено. Чавкала по грязи вслед за машиной и народная артистка, оказавшаяся в равном положении со своим народом. Она к нему фактически приблизилась, и ее теперь можно было близко рассмотреть тут, рядом, в родной грязи, а не на красной дорожке кинофестиваля. И вдруг, восторженно сияя, к ней с трудом подбежала, едва передвигая ноги в дорожном болоте, та самая женщина с пирожками и выкрикнула… Нет, это ее экстаз образовал тогда стилистическую фигуру, которая восхитила и Лидию, и всех, стоявших рядом: «Слушайте! А я вижу – что-то знакомое, но чтобы так!!!»

* * *

И еще раз о «доле» русского артиста. Особо отмечу, что все это совершенно не касается наших, так сказать, сериальных звезд. У них денег больше и качество жизни лучше. Что же касается качеств профессиональных, то это, как говаривает один телеведущий: «Не хочется никого обижать…» Впрочем и некоторые артисты сериалов заслуживают уважения (отметим ради справедливости). Но жизнь основной части театральных артистов, с их зарплатами, бесправием и вечным вопросом в глазах «как жить и как выжить», вполне отвечает теме «доля русского артиста» (подчеркнем – сугубо театрального артиста).

Главный режиссер МТЮЗа Генриетта Яновская как-то рассказывала об английском режиссере, которого она пригласила к себе в театр на постановку. Что была за пьеса, что он там ставил – к сути рассказа отношения не имеет никакого. А мы сосредоточимся как раз на сути. Большинство действующих лиц состояло из женщин разных возрастов. Они начали репетиции, и как-то раз англичанин, уже освоивший азы русского языка на

приличном уровне, так что даже мог быть понят русскими актрисами, пришел в кабинет Яновской с озадаченным лицом и стал допытываться – что означает на русском языке один звук, который все актрисы время от времени издают? Как это можно перевести на английский? Он не понимает, а они все произносят и произносят этот звук на каждой репетиции. Яновская долго не понимала, о чем идет речь, но наконец (после того как англичанин топорно, по-своему, но все же попытался его изобразить) догадалась, что этот таинственный звук, это смутившее иностранца звуковое оформление русского менталитета – не что иное, как тяжкий вздох, переходящий в короткий стон. Ну как можно перевести на английский язык «о-о-о-х!»? Никак! У них в Англии никто так не вздыхает, и он поэтому столкнулся с необъяснимым явлением, с тем, что нельзя перевести. «Доля», так же как и «воля», – с русского языка можно перевести только неточно и неполно. Наверное, Яновская и объяснять-то не стала, иначе пришлось бы углубиться в социальные причины таких тяжелых вздохов русских актрис. А это уже политика…

* * *

Снимается сериал «Бедная Настя». Сцена бала во дворце Николая I. На «Мосфильме» выстроили павильон, который чем-то напоминал императорский зал, если не по содержимому, то хотя бы по форме. Огромная массовка танцующих пар. Камера! «Стоп! – кричит вдруг второй режиссер. – Стоп, я сказал! Кто жует жвачку?! Я спрашиваю, кто жует жвачку в XIX веке во дворце, на балу у императора?! А?!»

Вот почему шикарные костюмы и не менее шикарный интерьер содержания не меняли. Всего лишь временно переодетые крутые пацаны и ряженые девчонки из спальных районов Москвы. Спасибо еще, Бенкендорф не вытирал руки об эполеты, а император не поедал в укромном уголке остывающий хот-дог. Нет, с аристократизмом у нас трудновато. Об этом еще Жванецкий писал. Давно. Но актуально и теперь. И думается, еще долго будет…

* * *

Несколько лет тому назад по одному из федеральных каналов шел «Голубой огонек». Все типично и предсказуемо, кроме…

Кроме того, что Швыдкой, бывший в ту пору министром культуры Российской Федерации, исполнял дуэт с Гурченко на мотив известного шлягера «Летка-енка». Швыдкой держит Людмилу, которая повернута к нему спиной, за талию. Они, как и полагается в этой нехитрой песенке, прыгают. Два прыжка вперед, три – назад. Гурченко поет: «Прыг, скок, кто там, Боже мой?» И министр культуры отвечает, прыгая: «Прыг-скок, это я, Швыдкой…» Господи! Посмотреть бы, хоть один разочек, на человека, который сочинил эти чудесные строки. Но демократизм министра заслуживает большого одобрения.

* * *

Афиша на фасаде Дома литераторов детского спектакля с участием Валерия Золотухина. Афиша своеобразная. В ней сочетается несовместимое: попытка склонить прохожего к покупке билета с помощью известного имени Золотухина и его фотографии и… честность. Никак не вяжется. Не бывает. А вот на этой афише – попытка налицо. Там было напечатано: «В спектакле *могут* принять участие – В.Золотухин и др.».

* * *

Не знаю, как кого, а меня, например, жутко насмешила реклама на очередном номере журнала «Караван историй»: «Ксения Собчак о смысле жизни».

* * *

Михаил Задорнов, будучи не скажу «фаном», но очевидным поклонником Евгения Евтушенко, взял и записал диск с любимыми стихами. В музыкальном сопровождении, которое сам тщательно подобрал. Круто: «Задорнов читает Евтушенко». По крайней мере должно вызывать любопытство.

Михаил поехал к поэту показывать готовую работу. Сели слушать. Весь диск прослушали молча. В конце – одно из самых знаменитых стихотворений Евтушенко «Идут белые снеги». Финальный аккорд. Пауза. Оба все так же молчат, только Задорнов изредка поглядывает на поэта – мол, ну как? И, когда ожидание стало уже нестерпимым, Евтушенко молчание нарушил. Он вытер глаза и дрогнувшим голосом произнес:

«Гениальные стихи»…

* * *

Телеведущие далеко не всегда понимают, что говорят и в каком контексте. 18 ноября. Первый канал поздравляет с юбилеем Эльдара Александровича Рязанова. Ведущий устремляет ретроспективный взгляд в прошлое Эльдара Александровича, в далекое прошлое, и произносит буквально следующее: «Рязанов в “Карнавальную ночь” взял Гурченко из-под палки Пырьева».

* * *

Однако неаккуратное обращение с русским языком свойственно не только ведущим. Превосходная певица, по праву расположившаяся в статусе еще советской звезды ответила как-то в интервью на вопрос о личной жизни: «Мне хотелось бы, чтобы рядом был человек покойный». Получилась у артистки, всю жизнь окруженной мужским вниманием, какая-то странная тяга к некрофилии. Или эти постылые мужики уже настолько надоели…

* * *

На новогоднем вечере в ЦДЛ, встретив Татьяну Догилеву, я одарил ее лобовым, прямым, но вполне искренним комплиментом. Я сказал: «Какое счастье, что в стране хоть что-то остается стабильным. Например, твое лицо. Как здорово, что ты не меняешься, не стареешь!»

Таня ответила: «О-о! Если бы ты знал, сколько мне это стоило!»

* * *

В бывшем ресторане «Яр» с цыганским уклоном теперь другая программа, другой уклон – в «Мулен Руж». Поэтому высокие девушки с обнаженной грудью, плюмажи, головные уборы, напоминающие наряд индейских вождей во время индейского праздника. Все в серебре, золоте и перья, перья, перья… В общем, любой гордящийся собой павлин умер бы от горя, увидав этих девушек в костюмах, украшенных его перьями.

Я после спектакля приехал туда на день рождения одной знакомой, поэтому на программу опоздал и попал только к финалу. Но и финал впечатлил сильно. Ритмичная музыка, безупречный вокал солистов (что-то на английском языке), светящиеся лестницы по бокам сцены, откуда спускаются вышеописанные красавицы. Вдруг всё на мгновение останавливается, и кода набирает еще бóльшую силу. Девушки распахивают во всю ширь свои юбки, и мы видим, что на их изнанке – российский триколор, а динамики взрываются песней Газманова: «Москва! Звенят колокола. Москва, златые купола…» И полуголые девушки, в перьях, держа юбки распахнутыми, начинают маршировать под эту любимую песню нашего бывшего мэра. Финальный реверанс в сторону Москвы и Лужкова, наверное, должен был покрыть все возможные недостатки этого искрометного шоу.

Что-то похожее по стилю и вкусу было обнародовано в Интернете на одном из сайтов: «Утро романтически настроенных патриотов». Вероятно, можно при таком раскладе предположить и такое, например: «Вечер скептически настроенных диссидентов» или «День сентиментального бизнесмена».

* * *

Респектабельный отель в Сочи «Рэдиссон Лазурная». В нем живет пара иностранцев, остальные – типичные персонажи из серии анекдотов про новых русских. (Следует отметить, что это наблюдение было сделано в первой половине 90-х годов прошлого века. Сейчас, может быть, все иначе.) Ах, этот бассейн, этот лифт, этот пляж, этот ресторан! И в ресторане, как принято на Западе, играет тихая, ненавязчивая музыка. Как правило, в таких заведениях класса люкс оркестра нет, играет либо фортепьяно, либо арфа. Чтобы все было тихо и нежно, чтобы не раздражать нервную систему, и без того расшатанную судорогами нашего бизнеса. А здесь деловые люди, у всех сотовые телефоны, и оркестр мешал бы разговаривать, вести дела. Ведь отдых отдыхом, но дела-то не стоят, они идут. Поэтому в этом ресторане – пианист. Он играет что-то французское, Леграна, кажется, Фрэнсиса Лэя, затем что-то из Нино Роты, Морриконе, чувствуется, что пианист очень хороший. И вдруг, явно по заказу «контингента» – «Мурку». Но не просто «Мурку», а вариации на тему – ажурно и деликатно: россыпь звуков, как горный ручей, как бы скрывает, ретуширует основную тему, но внимательный слух этот мотивчик вычленяет из «рапсодий» и угадывает. Или,

даже лучше и точнее сказать, не рапсодию создает музыкант, а мазурку Шопена, чтобы эта «Мурка-мазурка» органично вплеталась в предыдущий репертуар. Красиво и необычно. Вот как если бы оркестр Спивакова исполнял такие вариации «Мурки», а он сам стоял бы в ватнике и дирижировал фомкой. Или наоборот, бандит, стоя в цилиндре и поправляя монокль, обращался бы к заложникам шестистопным ямбом.

* * *

Вновь обратимся к «Лениниане» в Московском ТЮЗе. Один очень пожилой артист все в том же спектакле «Грозовой год» исполнял роль обыкновенного курьера, рабочего, который время от времени прибегал в кабинет Ильича с очередным известием. Тот спектакль шел зимой, в конце декабря, в так называемую «елочную кампанию». А для Бориса Ивановича (так звали этого артиста) эта самая «елочная кампания» была единственным временем, когда он мог заработать дополнительные (к небольшому театральному окладу) деньги. Группа артистов играла «елки» перед Новым годом во всех учреждениях, детских садах, школах, где проводился новогодний праздник. Специально писались сценарии, создавался новогодний спектакль, в котором, помимо Деда Мороза и Снегурочки, были и другие персонажи: волки, зайцы, кощеи, кикиморы, любая другая нечисть – в зависимости от фантазии авторов. Все равно в итоге добро побеждало зло и все с восторгом визжали: «Елочка, зажгись!» Иногда у артистов бывало по пять, а то и больше, «елок» в день. А Борис Иванович в одном из таких елочных шоу бессменно уже много лет подряд играл роль собаки. И в тот злополучный день он уже с утра свои пять – семь «собак» отыграл – и жутко устал. Он же все-таки был в почтенном возрасте, и здоровье у него было совсем скверное, некрепкое у него было здоровье. Борис Иванович жил в ожидании ухода на пенсию, а состояться это важное для него событие должно было уже через два месяца. И он очень надеялся прожить эти два месяца спокойно, без эксцессов, чтобы ничто не помешало получению вожделенной пенсии. Но…

Выход на сцену был прямо напротив актерской комнаты, где в ожидании своего эпизода сидели актеры, травили анекдоты и слушали по радиотрансляции, не подошло ли еще их время. Вот в этой-то комнате уставший Борис Иванович и прикорнул, задремал. И… прозевал свой выход, новое архиважное сообщение Ленину. На сцене пауза, которая затягивается все больше. Ильич за столом все пишет и пишет, а курьера все нет и нет. Все ищут

Бориса Ивановича по всему театру – в гримерных, в буфете, туалете, – не догадываясь о том, что он тут, совсем рядом, в двух метрах от сцены. Наконец находят его, спящего, расталкивают, он встает, шальной, ничего не соображая, все на него шипят, фыркают и буквально выталкивают на сцену, прямо в кабинет Ленина. И тут Борис Иванович, совершенно потеряв ориентацию и имея уже сегодня за плечами семь своих елок, Ильича… облаял… Он влетел на сцену, остановился посередине и, глядя прямо на Ленина, громко сказал «гав-гав-гав!», чем сильно озадачил вождя мирового пролетариата. Но сам уже через секунду с наплывающим ужасом осознал, что натворил, и так и остался посреди сцены, закрыв лицо руками.

Бедный, бедный Борис Иванович! Что он пережил в эти секунды своего невольного диссидентства! Он облаял самого Ленина! И это была, конечно же, политическая провокация, вражеский демарш! А до пенсии два месяца! Боже мой! Боже мой! Ведь никакой теперь пенсии, ведь выгонят с волчьим билетом, и что делать, как тогда жить? А если еще учесть, что роль Ленина исполнял секретарь парторганизации театра!.. Ой-ой, мама родная. Не простит! Все не простят… И он стоял там, на этой актерской голгофе, на этом позорище, как на похоронах – своей пенсии, своей жизни, своей судьбы… А на вопрос Ильича, который обязан был как-то разрядить ситуацию: «Вам что, товарищ?» – Борис Иванович слабо улыбнулся и, не найдя ничего лучшего, ответил: «Простите, Владимир Ильич» – и вышел. Спектакль тем не менее продолжился, публика так ничего и не поняла. А и правда – что же это такое было?.. Или послышалось?.. Почудилось?..

Выговор на следующий день Борис Иванович получил, но из театра его не выгнали, и через два месяца вся труппа благополучно проводила его на пенсию. Выпивали, вспоминали этот случай со смехом, шутили над Борисом Ивановичем, а он, поминутно протирая стекла своих старомодных очков, только твердил: «Спасибо… Спасибо вам всем… Спасибо, ребята…»

* * *

В Харькове, в местном драмтеатре двух артисток зовут Олеся Приступ и Ирина Плохотнюк. Разве не «доля»?

* * *

Многие телеведущие – не шибко грамотные ребята. Нет, не все, разумеется, но процент тех, кто со словарем русского языка на «вы», – большой. Сколько раз мы слышали в их исполнении слова «компромен*н*тировать», «инци*н*дент» и другие, когда хочется, но не можется говорить красиво, ввернуть умное ученое слово и тут же обнаружить свою безграмотность.

Ведущая одной познавательной программы федерального канала однажды сказала: «Все женщины опасаются за то…» Ей и в голову не пришло, что женщины опасаются не за то, а того, что… и т. д.

А в день милиции телеведущий пожелал всем ментам «здоровья и побольше интересной работы». Это как, простите? Может, все-таки лучше будет поменьше интересной работы? И им, и нам было бы куда спокойнее жить.

А об Олимпиаде и спортивных комментаторах разговор особый. Вот лишь несколько цитат из репортажей, которые могут озадачить любого окончившего среднюю школу без медали:

О гандболе. «Она бросается на паркет и прямо-таки выгрызает его». (Забыли сказать, что речь идет о мяче, хотя выгрызаемый мяч – тоже как-то…)

О марафонском женском заплыве. Д.Губерниев соорудил в репортаже немыслимый пластический этюд для нашей спортсменки, сказав: «Чтобы увидеть соперниц, ей надо вертеть головой *на 360°*. Как пилоту на истребителе». Метафора хлесткая, что и говорить, только при чем тут пилот, да еще на истребителе, да еще умеющий так вертеть головой вокруг своей оси!

А комментатор соревнований по тяжелой атлетике у женщин вообще родил репризу, сам того не подозревая: «Да-а, до толчка девушка так и не дошла». (Девушка провалила упражнение «рывок», ну а дальше следовало то, что вы прочли.)

Спортивный комментатор: «Наши женщины-стрелки… Если можно так сказать – стрельчихи… Нет, кажется, нельзя так сказать».

По кабельному ТВ: «Все преступления, совершенные в нашем районе, обслуживаются милицией нашего района».

Чудесный анонс в программе о фильме «Война и мир»: «Военная драма». Вот что, оказывается, представляет собой экранизация всемирно известного романа графа Л.Н.Толстого – «военную драму»! А мы-то думали… хотя – кому в газетке

интересно, что мы там себе думали…

Утренняя программа Первого канала. Ведущий в контекст не вникает и поэтому произносит: «Наше “Доброе утро” продолжается. Сейчас многие становятся жертвами квартирных мошенников…» Да, действительно, утро добреет ежеминутно на глазах.

Еще один спортивный комментатор. На этот раз бокс. Дерутся белый и негр. «Если мы не можем различить боксеров по цвету трусов, то мы можем различать их по цвету кожи».

Ведущий военной программы «Танки победы», видимо, совсем потерял разум, сказав о танках Т-34: «Эти танки знают не только в России, но и в Монголии, Китае, Германии, *Венгрии, Чехословакии*, Польше…» Жутковато, не правда ли?..

А в образовательной (!) программе, Ю.Николаева, одна учительница (!), решила поговорить «тет-*на*-тет».

Из новостей НТВ: «В пасхальном шествии были замечены Ю.Лужков, З.Церетели и В.Жириновский». Замечены! Ага-а! Попались!

Да что там далеко ходить, даже А. Масляков на одном из КВН-ов сказал: «За этим так интересно наблюдать, что я не хочу оказаться в одиночке».

А вот это, пожалуй, грустный итог всей приведенной вереницы примеров.

Передача «Библиомания». Рассказывают о главных книгах недели. Итак, смотрите внимательно: 1-е место – «Вещие и предостерегающие сны» (т. е. сонник); 2-е – учебник по приватной магии и колдовству; 3-е – каталог «224 красивых прически». Словом, все для истинных ценителей «настоящей» литературы.

А вот вполне веселый эпизод из программы «Вести». Вся программа, как известно, – набор ужасов. Наших и зарубежных. И, чтобы хоть как-то разбавить ужасы позитивом, ведущий поведал нам о том, что в Швейцарии один предприимчивый парень изобрел именные футляры для презервативов. С монограммами, инкрустацией и проч. И очень разбогател из-за этого, казалось бы, незамысловатого «ноу-хау». Стал даже миллионером. А ведущий после этой занятной информации закончил программу так:

«Таковы *основные* события сегодняшнего дня. О других важнейших событиях недели вы узнаете из…» Хотя, что может быть важнее этих чудесных футляров – ума не приложу!

Да, еще чуть не забыл… Из телевизора опять же. «Количество самоубийств в Пермской области превышает *норму*, установленную Всемирной организацией здравоохранения, в 2,5 раза».

В одной музыкальной программе выступали два толстых мужика. И все бы ничего, но они назывались «Дуэт “*Три* поросенка”».

В новостях шла речь о недоношенном на целых три месяца, но спасенном негритенке. Оговорка ведущей Первого канала была очаровательна: «Ребенок поправляется и набирает цвет». Потом все же поправилась, нимало не смутившись: «Извините, вес…»

Анонс какого-то фильма на кинофестивале «Лики любви»: «Смотрите самый скандальный фильм о прекрасном!» Просто «прекрасное» у нас уже не пляшет. А вот «скандальный»… Это как «самый порнографический фильм о светлой любви».

Все эти заметки получаются чем-то вроде сольного концерта на бумаге. Как жаль, что я не могу их прочесть вам вслух, акцентируя ваше внимание на наиболее нужных моментах! Но ничего, что есть, то и есть…

Вот, например, два взаимоисключающих слова в торжественном объявлении на кинофестивале: «Мы начинаем торжественную парадную церемонию *закрытия* 7-го *Открытого* фестиваля кино стран СНГ и Балтии!»

Вот так же в одной московской муниципальной больнице на лестничной клетке между этажами висела табличка «Не курить!». А чуть ниже – «Не бросать окурки на пол».

Фильм с Бандерасом в главной роли. Он влюблен в циркачку. Между ними происходит весьма поучительный для нас с вами диалог:

Она. Я уезжаю на гастроли.

Он. Я поеду за тобой.

Она. А если я поеду в Россию?

Он. Я за тобой поеду даже в ад…

Ну, понятно примерно, где мы с вами живем?.. Да?..

Объявление в газете: «Экстра-супер похудение! Как артисты!» Тут даже некоторая гордость возникает за свой профессиональный цех. Ложная гордость, надо признаться… Ну почему «как артисты»? Почему?.. А Семчев? А Калягин и др.?

У Киркорова одно время хитом была песня, в которой он рассказывал о том, как «Бала-Бала Чили-Чачу полюбил». То ли зоопарк, то ли фрагмент его биографии…

Он же в концерте к Дню милиции представил свою следующую песню так: «Это песня о счастливой любви, за которую умереть хочется». Вот какая любовь-то бывает! Так и тянет повеситься… Или с балкона – вниз…

Солист популярной группы между песнями выразил кому-то благодарность так: «От имени “Ногу свело” я хочу поблагодарить…» Да-а… воистину «есть в имени моем»… Вообще занятно было бы в одном концерте расположить подряд группы «Ногу свело», «Вопли Видоплясова», «Несчастный случай» и «Крематорий». А концерт провести на кладбище. Для полноты ощущений.

Несколько лет тому назад состоялся слет, форум цыган со всех концов света. В качестве почетного гостя был приглашен почему-то Владимир Жириновский, которого с цыганами роднят ну разве что удаль и размах. Все выступали, пели, танцевали и, наконец, дали слово Владимиру Вольфовичу. Он выступил в типичном для себя стиле. В конце своего зажигательного спича он при горячем одобрении «ромалэ» и «чавалэ» предложил соорудить в Москве памятник *Неизвестному цыгану*… А когда будет всемирный съезд евреев и его тоже не дай бог пригласят, что тогда предложит он, гордость нашей специфической демократии? *Неизвестному-таки еврею*?..

«Грациозные» чиновничьи зигзаги русского языка присутствуют и в официальных документах на радио. Я как-то подписал там договор, в котором был и такой пункт: «Осуществить декламацию произведения для радиопередачи…» А?! «Осуществить декламацию» – это же песня! Вместо обыкновенного «прочесть»…

Реклама «Аншлага» по ТВ с восхитительной рифмой: «Кто смеется в Новый год, тот смеется круглый год». Даже не «ботинки-полуботинки», а «ботинки-ботинки». Кроме того, тут речь, наверное, идет о дебиле, который способен смеяться

беспрерывно. В другом месте и в другое время нас одарили стихотворением, которое было украшено следующей пленительной строчкой: «А кто “Аншлага” не видал, тому бей шуткой в ухо». С другой стороны, и правда: в передаче встречаются такие шутки, от которых ты конкретно получаешь по уху, не понимая – за что же тебя так.

Иногда даже мэтрам отечественного ТВ удается с умным видом сплести совершенную чушь. Например, Виталий Вульф сказал как-то про Фрэнка Синатру, что «его окружали криминальные мафиози». Мафиози, стало быть, бывают и не криминальными, хотя… Что это я… Конечно бывают. Они ехали и едут в так называемых «эшелонах власти». Из пункта «А» в пункт «Б». Без остановок. И на всех светофорах для них – зеленый цвет.

Кстати, об «эшелонах власти». Все ж таки остановки «по требованию» у них иногда случаются. Шел в Кремлевском дворце съездов сольный концерт Розенбаума. В зале, помимо обычных любителей его песен, сидело множество пассажиров «оттуда». В середине, точнее, ближе к концу концерта Александр запел «Гоп-стоп». Над залом, в котором всего лишь несколько лет тому назад шли съезды КПСС, а позади сцены высился огромный бюст Ленина, над этим залом порхала кинокамера, фиксируя радостные лица зрителей. Пассажиры «эшелонов» с депутатскими значками на груди и их дородные жены в экстазе пели вместе с Александром «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла». Все подпевали и все (!) знали слова! Мощно звучала во Дворце съездов пусть шуточная, но все равно бандитская песня.

В том же Дворце был юбилейный вечер радио «Шансон», и я должен был вручать премию Олегу Митяеву. В списке пропусков в Кремль я значился как «вручант». Меня девушка в окошке бюро пропусков так и спросила: «Вы в каком списке? Вы вручант?» Я смутился и ответил: «Вероятно». – «Да говорите же, вы вручант или нет?» Наконец разобрались, мне выдали пропуск, и я подумал, что, если я – вручант, то Олег, значит, – получант. То есть русский язык можно теперь поздравить с двумя новыми словами. А то все «сникерсни» да «сникерсни»…

Прекрасный композитор Вениамин Баснер рассказывал при мне историю из своей юности – полную юмора и самоиронии, но с налетом типичной еврейской печали. Он тогда сочинил песню «На безымянной высоте», которую запела вся страна, и чувствовал себя триумфатором или по меньшей мере человеком, внесшим

высокий вклад в песенную культуру нашей державы. И вот ловит он такси, такси тормозит рядом, Баснер нагибается и, демонстрируя свою чудовищную картавость, говорит водителю: «Мне в консерваторию». Два злополучных раскатистых «р» в соединении с внешностью сразу дают таксисту возможность определить, что перед ним представитель его любимой нации. «Куда тебе? Повтори!» – агрессивно переспрашивает он, и Баснер упрямо повторяет: «В консерваторию», грассируя, как французский шансонье. Он не ждет ничего плохого, он недавно сочинил замечательную песню, он любит всех, и все любят его. И тут таксист – с предельным для себя сарказмом – передразнивает: «В консегватогию ему! Ага! Щас! – И, захлопывая дверь: – Пошел на х… жидовская морда». А нажав на газ, начинает победно орать: «На безымянна-а-а-й высоте-е-е!» И Баснер с выражением оплеванной, но все равно – кроткой гордости на лице остается на тротуаре, глядя вслед геройскому шоферу.

* * *

Очередное напутствие Сергея Юрского перед спектаклем: «Сегодня 11 сентября. Мы играем наш спектакль в знаменательный день. Во-первых, это трагический день для Америки и для всех. Во-вторых, это день усекновения головы Иоанна Крестителя. И, наконец, самое главное – приезд Мадонны». Юрский, с которым далеко не всегда можно понять – серьезно он говорит или нет, располагает эти три события якобы по степени важности, и приезд Мадонны в его устах имеет решающее значение для истории России. Мол, слава тебе, Господи, дождались наконец.

Этот известный всем, глубоко спрятанный, но все равно угадываемый юмор Юрского – его типичный прием, повторить который не может почти никто. Насмешка или даже издевательство, но все законспирировано, и в результате получается талантливое озорство и даже хулиганство – под маской абсолютной, непроницаемой серьезности.

* * *

Николай Волшанинов однажды рассказал, как в гостинице города Самары к нему в номер постучался цыган, который сумел его убедить, что они дальние родственники. Кстати, если покопаться, то родственные связи, хотя бы в пятом поколении,

можно найти у всех цыган. Однако причиной посещения было не столько изучение генеалогического древа, сколько просьба посетить ресторан-поплавок на реке, в котором у визитера с группой цыган-артистов была часовая программа. Николай, мол, как уже состоявшаяся цыганская звезда, снявшаяся в нескольких фильмах, своим появлением поднимет престиж маленькой, но удалой труппы. Коля не мог не согласиться. Надо помочь.

Он пришел и был посажен на почетное место прямо перед эстрадой. В зале погас свет и в луче прожектора появился дальний родственник в ослепительно серебристой куртке, алой бабочке и черных брюках, по которым струились опять-таки серебристые чешуйки. Он встал посередине сцены, поднял руку, призывая всех прекратить жрать и пить и приобщиться, наконец, к искусству. Затем бросил пронзительный орлиный взгляд в сторону Волшанинова и начал: «Цыгане шумною толпой…» Коля слегка напрягся от неожиданного визита классики в полупьяный кабак, но родственник продолжил. Строка, оказывается, была с сюрпризом – «…Отныне больше *не* кочуют!». Он подчеркнул слово «не», как бы намекая на коренные перемены в цыганском образе жизни. И финальные строки это блистательно подтвердили: «Они сегодня над рекой в домах построенных ночуют!»

Цыган победно глянул на Волшанинова, который с трудом удержался на стуле, настолько шибануло его это фантастическое стихотворение, но певец широко улыбнулся, блеснув поверх серебряной куртки золотыми зубами, и уже конкретно для Николая, тем самым формируя конечное впечатление, произнес: «Да простит нас Пушкин». С этакой лукавинкой произнес. По отношению к Пушкину. И Волшанинов на своем почетном стуле вновь чуть не потерял равновесие.

* * *

Олигарха бросила девушка. И с ними такое иногда происходит. Хотя в данном случае это был такой «мини-олигарх»: не миллиарды, но много миллионов, короче, очень состоятельный человек. Он был настолько обескуражен тем, что его (!) бросили, был настолько не готов к такому событию, что просто не знал, как реагировать, как в таких случаях надо правильно вести себя. Ну, что запил – это само собой, но что еще?! Что еще, чтобы унять сердечную тоску и девушку чем-нибудь как-нибудь вернуть?!

Случайно встретив на одной вечеринке знакомого поэта, олигарх решил пойти нетрадиционным путем, попытаться удержать возлюбленную чем-нибудь поэтичным. Поэтому весь

вечер он в состоянии алкогольно-любовного обострения донимал поэта просьбой написать для его «Лауры» одностишие. Поэт возражал, говорил, что одностиший не пишет; мини-олигарх настаивал и даже грозился, что позовет телохранителей и накажет.

Поэт сдался после предложения заплатить тут же, налом, три тысячи евро. Он никогда не выполнял столь маленькую работу за такую серьезную сумму. И после минутного, но ожесточенного спора со своим внутренним голосом родил шедевр, который мог бы украсить собой любую стихотворную кунсткамеру, если бы таковая существовала. Он написал… Нет! Даже не написал, а сочинил в уме нижеследующую жемчужину русской словесности: «Но я же все-таки еще люблю тебя». Олигарх заплакал и работу принял. Поэт зафиксировал произведение на ресторанной салфетке, получил деньги и заметил, как легкий, эфемерный дымок профессиональной совести смешивается с табачным дымом ресторана и тает, тает, а затем и вовсе исчезает за его стенами.

* * *

Аннотация в ТВ-программе к американскому фильму «Ведьма»: «По мотивам повести Н.В.Гоголя “Вий”». Далее – краткое содержание: «Журналист Айвэн Бергхоф направляется в маленький городок. Он должен отслужить три ночные мессы по погибшей дочери шерифа». Гоголь в это время в гробу даже не переворачивается, он там ерзает и пытается закричать, но затем успокаивается, понимая, что и мы принесли США кое-какую пользу.

* * *

В самом начале спектакля «Провокация» Валера Ярёменко присаживается на тот же стул, где уже сидит Князев, и на его вопрос: «Как Любовь Андреевна?» – мечтательно и вдохновенно провозглашает: «Какая Любовь Андреевна! Я ведь теперь… гомосексуалист». Этот момент всегда вызывает смех в зале, так как Валера произносит фразу, закинув руки за голову, с романтической гордостью человека, наконец-то обретшего смысл жизни. Что-то вроде: «Все! Меня вчера приняли в отряд космонавтов!»

В тот вечер в зале был не только смех. С задних рядов густой

баритон одиноко, сдавленно, но вместе с тем громко выкрикнул: «Браво!» И Юрский, который почти всегда смотрит эту сцену из-за кулис, пошел в мою сторону с округлившимися глазами и фразой, произнесенной взволнованным, почти кричащим шепотом: «Новые люди!!!» Ну новые не новые, а звонкая публичная легализация давно произошла. Сергей Юрьевич, автор произведения, этот момент как-то пропустил и потому на подобную реакцию в зале никак не рассчитывал. Да-а! Не все догоняют реалии сегодняшнего дня, не все врубаются в стремительный прогресс, не все вскакивают в скорый поезд развития межполовых связей, не каждая психика способна принять официальные браки геев.

Не успевают, не въезжают! Не все готовы строить свои сценические успехи по принципу «прикольно» или «не прикольно»… Но… Но… Вдруг посетила меня неожиданная мысль: а что если для Юрского восклицание «Новые люди!» не что иное, как все тот же прикол, и он-то как раз все догоняет? Ну тогда переадресуем то самое «Браво!» ему, да еще и поаплодируем!..

* * *

В одном из спальных районов Москвы на балконе седьмого этажа было вывешено начертанное на простыне объявление: «Бесплатно пою свои песни по телефону». Такая судьба. Вроде забавно, но забавно – до слез. Не этот ли человек поместил в городе Сочи, на местном ТВ, объявление бегущей строкой: «Ищу *любую* женщину для встреч»? Нет, вряд ли. Просто много на свете одиноких людей…

* * *

Я все думаю, почему Лев Лещенко и все ему подпевающие, да и сам автор – композитор Добрынин – поют знаменитый шлягер «Прощай» с таким весельем, почти ликованием? Они что, совсем не обращают внимание на то, что поют? А ведь там и «чтоб понять мою печаль, в пустое небо посмотри», и «плыли в вышине, но вдруг погасли две звезды, и лишь теперь понятно мне, что это были я и ты», и «прощай, мы расстаемся навсегда под белым небом января» и т. д., и т. д. А они так радуются! Или это все – тайное злорадство тривиального бабника при виде очередного развода?..

* * *

На спектакле «Своими словами», который теперь трансформирован в спектакль «Звездная болезнь», сценография такова: сценой, собственно, является середина зала, зрители сидят по обе стороны, в том числе и на бывшей сцене, там как раз расположены зрительские ряды. Середина зала превращена в ресторан. Поэтому все как полагается: семь-восемь столиков, есть даже небольшой ресторанный оркестрик со своим солистом. Часть столиков предназначена для артистов, и за каждым из них разыгрывается отдельный сюжет. За другими столиками – зрители, купившие эти VIP-места за отдельные же деньги. Ходят официанты: и настоящие, из кафе внизу, и молодые актеры и актрисы в роли официантов.

Уже 19 часов. Пять минут резервного времени для опоздавших зрителей. Одна из официанток стоит возле двери, ведущей в зрительный зал. Пара опоздавших, привстав на цыпочки и заглянув в зал, удивленно спрашивают: «Ой, а что это в середине? Кто там сидит? За столиками?» На что официантка простодушно, без всякого подтекста отвечает: «А-а, там артисты… – А потом, чуть помолчав: – И люди». «Артисты… и люди». И добавить к этому – нечего…

Часть 5
Что-то вроде фельетонов

Я слышу

Это мучает меня. Я включаю какую-нибудь передачу и сразу слышу. Причем страшновато еще и то, что слышу я один. То ли остальные привыкли и уже не обращают внимания, то ли у меня что-то со слухом, то ли все нормальные, а я не совсем, но это меня догоняет.

Сколько раз бывало: все сидим, смотрим, и вдруг я, одиноко ухая, как филин в лесу, начинаю смеяться. Еще дико то, что даже если я объясняю, из-за чего именно смеюсь, то не всегда бываю понят. Это раздражает. Я от этого становлюсь больной.

Чтобы как-то освободиться, я должен записать или спеть хотя бы частично то, что слышу, то есть как-то зафиксировать это, иначе можно сойти с ума. И может быть, где-нибудь живет еще кто-то, кто слышит так же, как и я, и мы вместе посмеемся или же нам обоим станет страшно от попытки проникнуть в смысл очередной услышанной… Ну вы, наверное, догадались, что я говорю о песне.

Чтобы не быть голословным, я хочу пробежаться по проспектам песенной лирики наших дней с помощью цитат из современных шлягеров, озаглавив это песенное путешествие, скажем так: «История любви».

История любви

Каждая любовная история имеет начало, затем продолжение, апофеоз и, если появится потребность в тоске (а она непременно появится, а как же!), – конец. Действующих лиц, как правило, двое, реже – трое: в том случае, если по сюжету требуется разлучница.

Итак, он, она и разлучница. Представим себе героя нашей истории любви – простого, скромного паренька с незамысловатым лицом мечтателя, романтика. Он созрел для любви, он ходит по улицам (можно за околицей) и ждет, когда она его ошарашит. Ведь, в конце-то концов, сколько же можно? «Должен где-нибудь каждый счастье встретить однажды. Сердце не зря дано, сердце любить должно». Сейчас главное – это готовность организма к большому чувству, к испепеляющей страсти, и это понятно, так как «жить без любви, без любви, без любви не могут люди. Час без любви – пропащий час» (то есть час пик, академический час и тем более «Сельский» – часы пропащие, никуда не годные).

Словом, наш герой готов. Его сердце сейчас – далеко не камень. Надо только заронить зерно в эту благодатную почву, в этот унавоженный, так сказать, чернозем, чтобы оно мгновенно проросло. Организм словно вибрирует в ожидании: «И возникает в сердце дрожь, когда же ты придешь». Душа раскрыта для могучего чувства, которое просто не может не возникнуть, ведь эту гулкую пустоту, эту весеннюю оторопь надо же чем-то заполнить, чем-то унять.

Да и куда оно денется, это чувство, некуда ему деваться по логике наших песенных авторов: «А земля вертится – и в любовь верится. А земля крутится – и любовь сбудется».

А и правда! Если земля крутится, то какого черта?! Где любовь?! Уже пора! И не подозревал он, что «любовь рядом была, следом шла, цветы рассыпала. А любовь рядом была, только сердце об этом не знало». Она шла рядом в образе такой же простой и скромной девчонки, готовой так же сгореть в чистом пламени настоящего чувства. Изнемогая от нерастраченной нежности, девчушка уже с тринадцати лет верила, что «так или иначе это вдруг случится, солнечной жар-птицей к нам любовь примчится», что придет время и «наступит самый счастливый, самый радостный день, и счастье встретишь, какого нет нигде».

Естественно, такого счастья больше нет нигде, и такое счастье возможно только с ним, нашим героем. Они, наши песенные герои, просто не могли не встретить друг друга, ибо друг для друга созданы и друг друга достойны. И вот она

грянула, эта любовь, и вот уже от нее «не уйти никуда!». Да и зачем?

Сбылось! Торжествует любовь! Грохочет счастье по ухабам нашей песенной лирики. Им так хорошо, что даже больно. Наш герой даже в некотором сладостном недоумении, которое нельзя не выразить в очередной песне, рвущейся из ликующей гортани: «Вот ты рядом здесь, искать готов был всю жизнь, и вдруг дороги сошлись».

И, словно вторя ему, героиня тоже удивляется: «Неужели это мне одной?» Тебе, милая, тебе, радуйся! И они радуются: «И сразу мир совсем не тот, и сразу солнышко встает»; «В ритмах мелодий и брызгах света вот и пришла любовь»; «И взглянешь ты на меня, и нет счастливее дня, и ты рядом со мной, и грусти нет никакой»; «В этом танцующем мире мы одни».

И именно в танцующем мире «однажды встретились мы под огромным костром любви». И пусть в метафоре есть некоторая дерзость, пусть злопыхатели скажут, что под костром могут встретиться одни головешки – пусть их! Это от зависти, от бедности воображения. А наши герои будут петь, и песни их не задушишь и не убьешь.

Это как трубный рев марала весной – в общенациональном масштабе.

«Годы не беда, если мы с тобой всегда вместе, а слова порой не всегда нужны песне». Вот это правильно! Даже порой никогда не нужны песне. Это, заметьте, некий песенный принцип.

Но дальше, дальше продолжается наша история любви. Порой в нее вкрадывается некая грустинка, я бы даже сказал, лирическая печалинка, хотя пока все хорошо:

Долго, долго шли друг к другу,
Живем как чувствуем, мы искали чудо.
Но только, только, только, только,
Только ты, ты – чудо!

Вслушайтесь! В этом многократном повторении «только» есть что-то паническое, словно наш герой уговаривает себя, что другого варианта чуда быть не может. Помните, «искать готов был всю жизнь, и вдруг дороги сошлись»? Уже тогда было некоторое разочарование: то есть я был готов провести в поисках настоящей любви всю жизнь, метаться, так сказать, в поисках радости, найти, понять, что ошибся, не сдаваться, найти другой объект, увидеть, что и там нет, и сям нет, не опускать руки, искать еще и еще, и так всю жизнь! Работа эта трудоемкая и неблагодарная, все объекты изучения плюют вслед, но все равно

не успокаиваться на достигнутом. Он, наш герой, готов сжечь себя в жертвенном пламени этого поиска, и вдруг, понимаете ли, дороги сошлись, и теперь только ты – чудо, и больше никто. Таким образом, пытливость нашего героя, его, я бы сказал, неутомимая любовная любознательность остается фактически не у дел. Только ты теперь чудо. Я, конечно, счастлив, разумеется, ликую, но не до такой же степени! Вот это – первый робкий стебелек сомнения, первая трещинка в монолите неунывающего любовного зуда.

А дальше все неотвратимо катится к обоюдной истоме разлуки, последнего «прости!». Катится следующим образом: «Час без тебя, день без тебя, год без тебя, как без птиц лето. Миг для двоих, мир для двоих, жизнь для двоих вдалеке где-то. Кто-то из нас виноват, что был весной листопад» и т. д. Все-таки хрястнуло чувство, нежное и глубокое.

А дальше – песенный диалог.

Он: «Горело, остыло, горело, остыло. Спасибо тебе, спасибо за то, что было!»

Она: «Не пиши, не звони, не стучи, обожди, когда кончатся злые дожди!» (То есть она еще на что-то надеется, думает, что всему виной метеорологические условия, что, когда кончатся злые дожди, еще что-то склеится, как-то слюбится…)

И самое интересное, что таких историй любви из песенных цитат можно сложить множество. И материал все время пополняется. И я все время это слышу. Как только включу, что-нибудь обязательно услышу. Но, может, я один такой? Или все-таки не один?.. Вы включите, вслушайтесь: вот небольшое вступление, вот поплыла нежная мелодия, сейчас пойдут… слова!..

«Я вас любил…»

Страшно. Даже несколько жутковато стало мне, когда я открыл, почему у нас в стране крайне медленный прирост численности населения, а в некоторых районах деторождаемость просто падает. Я в первый и последний раз говорю здесь «шершавым языком плаката». Выражения «прирост численности населения», равно как и «деторождаемость», вызывают у меня такое же омерзение, как «поголовье», «транспортное средство», «средства уничтожения противника», «законная гордость», «глубокое удовлетворение» и многие другие слова, сопутствующие нам все последние десятилетия. Обещаю, что больше не буду, а буду примерно так.

Товарищи! Нас, граждан СССР, становится немного больше только за счет неевропейской части страны, а в европейской нас – все меньше. Во многих семьях вообще нет детей, в большинстве семей только по одному ребенку, да и тот зачастую – муж, которого принято в таких случаях почему-то называть «большой ребенок». И я понял почему. Я первый это открыл. Ясно, что жизнь становится все сложнее, ясно, что мы все сегодня – словно «ежики в тумане», потому что слева – рак, справа – СПИД, под нами – землетрясения, над нами – озонная дыра, позади – Чернобыль, впереди – Апокалипсис, и куда деваться человеку – непонятно.

Но и это не главное. Главная же причина того, что нас становится все меньше, – это не страх перед будущим, не страх за своих детей в этом весьма туманном будущем, а равнодушие к самому факту появления детей со стороны многих мужчин, которые являются, некоторым образом, соучастниками процесса появления этих самых детей на свет. Мужчин, не вполне отвечающих смысловому значению этого слова; так сказать, девальвированных мужчин. У нас в стране стабильная инфляция, обесценивание двух очень важных понятий: рубля и мужчины. И хотя некоторые мужчины могут зарабатывать или воровать эти рубли килограммами, в большей степени мужчинами они от этого не становятся.

Все как бы соединилось в некую гармонию чепухи. Люди зарабатывают чепуху, покупают на нее чепуху, едят чепуху, одеваются в чепуху и развлекаются чепухой, таким образом, круг замыкается. Зачем трудиться сердцем и умом, если есть развлекающая чепуха, которой нас, как уже переваренной манной кашей, постоянно подкармливает радио и телевидение?..

Шел конкурс «Московская красавица», можно сказать,

набирал силу. Все чаще на экране появлялась наша советская, тоже набирающая силу, молодая и нахальная реклама, все чаще звучало слово «спонсор», все шире и искательнее становились улыбки претенденток. В общем, все как у людей, ясно было, что мы тоже не лаптем щи хлебаем. И вот в какой-то момент ведущий объявил, что, мол, наших очаровательных женщин сейчас будут приветствовать мужчины, звезды, мол, нашей советской эстрады. И началось. Вышли подряд несколько певцов, которые и сами могли бы запросто поучаствовать в конкурсе «Московская красавица», все данные для этого у них были: и симпатичные лица, обрамленные длинными локонами, и украшения, и игривые шляпки, и нежные голоса, которые надо беречь. Ну разве что у некоторых только голоса были чуть-чуть погрубее, а вообще, – довольно нежные голоса, которые надо беречь.

Но даже не эта ассимиляция, не это чисто внешнее взаимопроникновение двух полов навевало некоторую грусть, а содержание, то, *как* приветствовали красавиц наши песенные рыцари. Первый же из них сразу расставил все точки над «ё», спев, что «ты моей никогда не будешь, ты моей никогда не станешь, наяву меня не полюбишь и во сне меня не обманешь». Безрадостная перспектива того, что красавицы останутся невостребованными, замаячила впереди. Немного погодя вышла еще одна звезда советской эстрады в весьма кокетливой шляпке с лентой, и я тут же вспомнил, как в одной из телепередач она (звезда) спела: «Может быть, все было бы иначе, может быть, все было бы иначе, если б я себя уговорил».

Стала прослеживаться некая общая тема. От «ты моей никогда не будешь» до «если б я себя уговорил». Короче, если рыцарь себя не уговорит, плохи ваши дела, дорогие дамы. Но ведь от своих принципов в этом плане он никогда не отступится, потому что спел в другой программной своей песне: «Небо и земля, звезды и цветы – лишь затем, чтоб ты нашла меня». Ясно вам?! *Она* должна найти его, этот цветок хрупкий и нежный, а уж он потом, если себя уговорит, – то да, а не уговорит…

И добро бы было, если б только эта звезда занимала такую, мягко говоря, пассивную позицию в любовной жизни нашей страны, в любовной жизни, которую и так грубо и властно отодвинула на второй план жизнь социальная. Но нет же! Уже после этого конкурса я стал вслушиваться внимательнее в то, о чем поют и другие наши мужчины по радио и телевидению, и тут-то и открыл, что все это не случайно, а пугающе закономерно.

У еще одного нашего певца эта пассивная позиция – доминанта песенного творчества. К слову сказать, эта звезда, этот певец мне нравится: и хрипловатый сильный голос, и

экспрессивность исполнения, и яркая мужская внешность – все при ней (при нем), но… В одной песне он поет: «Почему я тебя, я тебя не сберег?», а в другой – «Я не хочу тебя терять, я не могу тебя терять! О, как мне быть?!» Да не терять, черт возьми, если ты мужчина! «О»! О, этот тоскливый вой наших эстрадных мужчин по поводу неумения или нежелания устроить свою личную жизнь!

Поэтому все отношения складываются как-то совсем легкомысленно, если складываются вообще. И если происходит робкая попытка остановить уходящую любовь, то и она выражена как-то не очень внятно: «Не уходи, не исчезай, купи меня у птичьих стай». Тут сразу возникает несколько вопросов: во-первых, за сколько надо выкупить нашу томящуюся звезду, во-вторых, продаст ли косяк? Вдруг не согласится, вдруг не уступит, скажет: «Пусть лучше с нами летает, чем с какими-то бабами»?

И остается только развести руками и сказать последнее «прости»: «Горело, остыло, горело, остыло. Спасибо тебе, спасибо за то, что было». Только единственное, о чем прошу, «не сыпь мне соль на рану, она еще болит». И в каких бы шляпе и бороде ты при этом ни был, все равно никуда не деть интонации кисейной барышни перед истерикой.

Таким образом, получается, что все это не случайно. Не случайно, что у наших рыцарей – косы и серьги. Кто там сетовал, что исчезает знаменитая русская коса? Подождите, пока еще это небольшие косички, но дайте срок, рыцари наши еще возродят былую славную часть женской красоты. Не случайны подведенные глазки, а у некоторых – даже и губки. Следующий этап – научиться рожать, и тогда мы сможем вообще обходиться без так называемой «лучшей половины человечества»; конкурсы будут только «Московский (или там Казанский) красавец», и опасения, высказанные мной вначале о падении рождаемости, станут вовсе беспочвенными.

– «Я вас любил, любовь еще, быть может…»

– Что это?! Кто это сказал?

– «В душе моей угасла не совсем…»

– Что за бред? Что значит «не угасла»?! Еще как угасла!

– «Но пусть она вас больше не тревожит…»

– Вот именно, пусть лучше не тревожит, а то… Этакая чушь, хотя что-то знакомое…

– «Я не хочу печалить вас ничем».

– Да кто это написал, в конце-то концов?! Когда?.. Зачем?! Что он еще написал? А где достать эту книгу?..

P.S. Этот фельетон написан в 1992 году, но, похоже, кое-что актуально и сегодня.

«Сделай сам» (Книжное обо*р*зение)

С таким названием в издательстве «Массовая культура» вышла недавно книга известного поэта-песенника Ивана Матёрого. Она представляет собой, в сущности, методическое пособие по написанию текстов для лирических песен, своего рода поваренную книгу о вкусной и здоровой песне и способах ее быстрого приготовления, или, проще сказать, стряпни. Для всех, кто желает попробовать состряпать песню самостоятельно и внести таким образом свой вклад в нашу поп-культуру, презрительно именуемую всяческими снобами от искусства попсой. Книга призвана обеспечить легкость и непринужденность процесса, всего лишь помочь всякому желающему – без напряжения, головной боли и удушающих мук творчества – создать конкурентоспособное произведение по принципу: «Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка. Раз словечко, два словечко – будет песенка». Таким образом, все становится доступным не только для мастеров слова, но и буквально для всех желающих влиться в многоводную реку нашей эстрады без всякой опасности встретиться с очистными сооружениями (которых на этой реке практически не осталось).

Благородный жест, согласитесь, для признанного мэтра отечественной песенной культуры, который решил щедро поделиться секретами своего мастерства, пригласить, так сказать, на свою творческую кухню любого случайного прохожего, не боясь, что он там натопчет и украдет кухонную утварь. Щедро, широко, с истинно русским размахом поделился Иван Матёрый своим бесценным опытом с каждым, мечтающим взойти на наш песенный Олимп, оседлать Пегаса и создать очередной хит сезона.

Поэтому первый вопрос, который мы задали классику жанра, встретившись с ним в его офисе на Пушкинской (что знаменательно!) площади был такой:

– Иван Самойлович, не боитесь ли вы, что теперь, после выхода в свет вашей книги, вас потеснят молодые и дерзкие конкуренты?

И вот что ответил патриарх, любезно согласившийся дать нам интервью:

– Нет, не боюсь. Во-первых, надо делиться. И не только опытом, а то прибьют. Это стали понимать даже наши олигархи. Во-вторых, мне уже терять нечего: все и так знают, что я могу

написать что угодно – от гимна до блатняка. Так что я могу позволить себе сегодня быть честным. В-третьих, я уже поимел от песни все, что можно от нее поиметь, включая и ее саму. Ну и наконец, самое главное – чисто творческий интерес. Мне уже давно хотелось поставить выпечку эстрадных песен на поток, обеспечить их бесперебойное конвейерное производство. Пора уже как-то упорядочить во многом стихийный рынок нашего шоу-бизнеса, хотя бы в песенной его части. Это было моей мечтой, и она стала наконец обретать реальные перспективы. Мое методическое пособие позволяет практически каждому попробовать свои силы на песенной ниве, еще раз по-новому перепахать тысячу раз перепаханное, проложить, образно говоря, свою борозду на нашем «поле чудес» в стране… Впрочем, не будем об этом… Словом, не зарывать свой талант, а наоборот – откопать его и предъявить широкой публике.

– Например?

– Ну вот, всего лишь одна страничка практических советов, которая тем не менее дает ясное представление о моем труде в целом. Походный, можно сказать, сундучок, в котором есть все необходимое для создания лирического произведения. А в данном случае на этой страничке – произведения об ушедшей любви.

Для начала скажу, что она (любовь) должна уходить весело. Не забывайте, что произведение пойдет, скорее всего, в дискотечном изложении под жестяной стук синтезатора и с танцами. Певец будет тоже танцевать и одновременно петь – игриво, озорно и широко улыбаясь, несмотря на формальную грусть содержания. Например: «Кружило нас одной пургой, тебя со мной, меня с тобой», и через два куплета: «Промчалось все шальной пургой, и ты – с другим, а я – с другой». То есть вы понимаете, что серьезного отчаяния тут быть не должно. Черт с ним, в конце концов, пурга обязательно принесет кого-нибудь еще, и рана непременно зарубцуется. Ну ладно… Так или иначе, веселее надо, веселее! Главное – не вникать, и успех будет. Смотрите, как весело поет сейчас популярный певец по телевизору! – Тут наш собеседник завелся с пол-оборота и как мог исполнил: «Ум-ца, ум-ца, ум-ца-ца. Но не дано нам повторить лето. И не вернуть, и не вернуть любовь!» – И ни грамма грусти! Вот как надо! Я несколько отвлекся на чужие примеры, но и они принесут несомненную пользу начинающим. Вернемся к упомянутой странице из моей книги.

Поэт полистал красочное издание с цветными фотографиями всех эстрадных звезд, когда-либо исполнявших песни на его слова. Потом вдруг решительно захлопнул ее и сказал:

– Да зачем книга, я вам лучше так расскажу. Тем более что есть свежие образцы, на которые следует ориентироваться. Не будем замыкаться только на моем творчестве, это неправильно и нескромно. Охватим шире, согласны?

– Еще как согласны, – обрадовались мы, рассчитывая на вдохновенную импровизацию, и не ошиблись.

– Итак, – сказал поэт, потирая руки в предчувствии удовольствия от предстоящего вскрытия. Как увлеченный патологоанатом, безумно любящий свою непростую работу – работу не для слабонервных, – в которой необходимо докапываться до обнаженной медицинской правды, приступал сейчас к вскрытию песни наш уважаемый собеседник. – Так-с! – сказал он. – Начнем! Вот вам дежурный набор слов и выражений для песни под рубрикой «Сделай сам». То, что чаще всего встречается и сильнее всего действует на нашу простую и доверчивую публику.

Напомню, речь пойдет только об «ушедшей любви», о пришедшей – отдельный разговор и другой конструктор для сборки. Итак, «разбитые мечты», ну куда без них! Затем – «все прошло» или «все прошло, как сон». Вообще сон очень подходит для песни. Всегда уместно такое, например, выражение: «Это был чудный (или дивный) сон». А рифмовать лучше всего «сон – влюблен». Получится что-нибудь вроде: «Это был дивный сон. Был я в тебя влюблен». Считай, полпесни уже готово, и музыка напрашивается сама. Сюжет уже в кармане, ясно, что что-то было, но не сложилось.

Есть, однако, и множество других вариантов, вовсе не обязательно, чтобы любовь прошла, как сон. Можно – как дождь, или как снег – с рифмой, которая тянет на грустное обобщение «снег – век – человек». Здесь хорошо усугубить грусть тем, что «умчалось» (или «промчалось») – лето. Или еще: «Промчались наши дни», наши общие дни, парные дни ведения совместного хозяйства, сексуального партнерства и совместных планов на будущее. Потом все рухнуло, и «наше» разделилось на «мое» и «твое», от этого – грустно, понятно?

Далее на фоне наступившей осени (или зимы, как хотите) следует абсолютно беспроигрышный вариант продолжения темы печали и горького сожаления о случившемся: «Уже не вернуть, уже не найти». Тем не менее тему надо обозначить, сформулировать словами, поэтому если что-то и осталось от «погасшего костра любви», то это – печаль. «Осталась печаль» обязательно надо включить, тем более что напрашивающаяся рифма «жаль» даст вам дополнительно еще две строчки к тексту. Можно, конечно, еще и так: «Осталась только рана лишь

глубокая», потому что вы имеете в арсенале рифму «одинокая», а уж это ведет к сочувствию и потоку слез определенной категории женщин, оказавшихся по разным причинам одинокими, а следовательно, увеличивает вашу потенциальную аудиторию. Струны надо трогать, понимаете? Теребить их надо!

Затем. «Ты унес все мои надежды, ты унес все, о чем мечтала». Не надо стесняться того, что это напоминает сакраментальное: «Я отдала тебе свои лучшие годы», сказанное прозой в каждой второй семье. Не надо! Именно поэтому выраженное в песне, оно будет теребить еще большее количество струн и отзываться аплодисментами. Туда же – «Все, что было – обман, и остался туман». Или «От слез моих гаснут свечи»… Хотя нет, это не пойдет, несмотря на то, что песня такая есть…

– Почему? – азартно спросили мы.

И тут мастер показал, что за логикой он все-таки следит и подобных ошибок в своих текстах никогда не допустит.

– Не пойдет, потому что, если «от слез моих гаснут свечи», то это значит, надо плакать над свечой, вертикально, и будет ожог!

– А-а-а, вот оно что… – сказали мы.

– Конечно, – гордо откликнулся Поэт и продолжил: – Вообще слезы, особенно если вы пишете женскую песню, – необходимейшая вещь, и пренебрегать ею нельзя ни в коем случае. Это совершенно убойная сила, и если вы вставляете в песню обороты типа «слеза из подкрашенных падает глаз», или «растеклась на две части слеза», или вот еще – «скатилась в шляпу мелкая монета, а следом по щеке – огромная слеза», то вы на правильном пути. Пускай «огромная слеза» выглядит как водянка, зато печали больше, а это – главное.

А вот для мужской песни хороша горечь упрека, типа «растеряла любовь, растоптала цветы» и повела себя так, что «на сердце тоска». И, конечно, не помешает вялое, безынициативное сожаление, что «тебя уж нет со мной» (вариант: «меня уж нет с тобой»). Можно также – «ты со мной не рядом», и по этой причине кто-то – «другой твои целует руки». Или губы, или плечи, далее – по вкусу и в зависимости от рифм. «Плечи – свечи», например, диктуют одно продолжение, а вот «губы – у Любы» – совсем другое. Но еще раз напоминаю, что сожаление должно быть выражено озорно и в мужском варианте песни, и в женском. Легкомыслие не должно пропадать. Мысль должна быть в песне замаскирована так, чтобы ее вообще нельзя было найти.

Идеальное воплощение женского сожаления о былом романе это: «Ах, какие ушки были у Андрюшки». Поэтому и «губы – у Любы» – тоже очень правильное направление. Восточный колорит тоже не повредит, особенно сегодня, поэтому смелее рифмуйте,

например, «руки – у Мамуки» или «ноги – у Гоги». Дерзко, но верно! Тем более что в ресторанах таким песням цены не будет! Но это так, технология одного лишь фрагмента песни.

Вернемся все же к стратегическому плану. После аморфного сетования на то, что любовь куда-то смылась (любовь, впрочем, в песне всегда смотрится как фатальная ошибка), хорошо бы напомнить ей (или ему) о том, как все было. Например: «Было хорошо нам с тобой». И рифма «прибой» тут очень пригодится. А если еще снабдить воспоминание свежей метафорой, вроде «как твой поцелуй – соленый прибой», то будет совсем эффектно. Тут надо заострить ваше внимание на том, что если ушедшая любовь уходила (или уплывала) где-то у моря – то это почти всегда прием уместный и сильно действующий. Сталкиваются две стихии – любовь и море, и поскольку одноименные заряды отталкиваются, то море как бы остается, а любовь как бы уходит. И тогда: «Ветер с моря дул» (лучше несколько раз), а потом – «Видно, не судьба» (и тоже много раз). Повторы ключевых слов песне не вредят, а наоборот, вводят слушателя в сладкий транс и даже слегка зомбируют.

Второй или третий куплет лучше всего начинать со слов «а помнишь», или «ты помнишь», или «ты вспомнишь». При этом нелишним будет добавить в проснувшуюся память некоторую долю скрытого злорадства: «Вспоминай мои губы, вспоминай»; и дальше продолжать терзать ее (память) аллюзиями по поводу того, как все было хорошо, а ты – «растоптала (растоптал) цветы». И тут очень уместно будет употребить обороты типа «там, в голубой дали», или «верили в мечту», или «верили в любовь, как в мечту». Должен чувствоваться скрытый горький упрек: мол, мы верили в любовь, а ты, дрянь, тварь, гадина такая, наложила фекалий в ее цветущий сад, ну и – в песенном смысле, конечно, – «растоптала цветы».

Легкие штрихи упрека в адрес тех, кто топчет любовь, в принципе должны пронизывать всю песню и формировать ее нравственную идею, поэтому хорошо начинать какой-то куплет со слов «ты не понимаешь», а заканчивать выражением «и тогда ты поймешь», хотя на это рассчитывать трудно… Ну тогда – «Кто любил, тот поймет», тем самым призывая к пониманию всех соратников по несчастью и увеличивая таким образом тоже потенциальный электорат вашей песни.

Наиболее рекомендуемые слова к любому припеву нашего произведения, которое мы уже почти создали, это – «ничего не говори», «последний раз», а также обязательно – «ты меня не зови» (вариант: «позови»).

Для настроения, хотя это и не обязательно, можно

подключить сюда телефон, и тогда следует воспользоваться такими наиболее типичными выражениями: «телефон молчит» – лучше всего с рифмой «в ночи», затем «ты не звонишь» или же решительное «больше мне не звони», или, наоборот, мольба – «хоть когда-нибудь позвони». Но, повторяю, телефон – это не обязательно.

А вот без чего действительно нельзя в песне обойтись, это без риторических вопросов, без вскриков в пустоту, вроде следующих: «Где ты?», или «Где ты теперь?», и уж конечно куда нам без классической фразы – «Я не могу без тебя». Чего ты не можешь, в песне расшифровывать не надо, это лишнее. Не могу и все, ничего не могу! С тобой – могу, а без тебя – нет!

Ну а для тех, кто сочиняет песню без тоскливой концовки, а с надеждой на лучший исход, на то, что любовь ушла не навсегда, что она пошляется где-то, а потом устанет и приползет, подойдут красивые слова, полные оптимизма и – пусть даже немотивированной – уверенности. Для женской песни хорошо, к примеру, такое выражение: «Все равно ты будешь мой», или «Будешь ты моим». А для мужской – несколько абстрактнее, менее категорично: «Рассвет придет», или «Весна придет», хотя как раз именно это, то есть неизбежность прихода рассвета или зимы, может вызывать сомнение только у идиота. Но для песни – хорошо. Споют тебе, что весна придет, и ты подумаешь: а ведь и правда!.. И на душе станет легче и веселее…

Итак, – закончил свою речь мастер, – я надеюсь, что мои советы вам помогут. Надеюсь, что убедил вас в том, как это просто. Поэтому дерзайте, пишите, вы будете не хуже других, уверяю вас! И напоследок, в качестве примера, последний шлягер, вышедший из-под моего уставшего пера. Пора готовить смену…

Мастер подошел к CD-плееру и тоном ярмарочного зазывалы, явно издеваясь над собой и слушателями, провозгласил:

– Спешите услышать! Первая строчка в хит-параде января 2009 года! Хит-дог сезона! Убойный шлягер «Промчалось лето, ушла любовь»! Музыка Игоря Кромешного, стихи Ивана Матёрого, поет Степан Отпетый! Заметьте, отпетый – однако же поет! Да еще как! (Шутка.) Включаю! Поют и танцуют ВСЕ!

Интервью из Ясной Поляны

«Прошел месяц. Самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву. Вонь, камни, роскошь, нищета. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют…» Это не из газеты «Завтра». Это из дневника Л.Н.Толстого 1879 года.

Потому мы решили взять интервью у известного и популярного писателя в традициях некоторых современных средств массовой информации.

Вот это эксклюзивное интервью из Ясной Поляны, взятое нашим специальным корреспондентом Отаром Кушайнашиле для популярных еженедельных изданий «СПИД-инфо», «Сифилис-инфо» и ежедневной массовой газеты «Гонорея-инфо».

Корреспондент. Лев Николаевич, это правда?..

Лев Толстой. Нет…

Корр. Так я же еще не спросил.

Л.Т. Уже спросили.

Корр. Тогда другой вопрос: а это правда, что…

Л.Т. Нет.

Корр. И это нет?

Л.Т. Это – тем более.

Корр. А вот, говорят…

Л.Т. Врут…

Корр. Все врут?

Л.Т. Абсолютно.

Корр. Но, может…

Л.Т. Не может.

Корр. Совершенно?

Л.Т. Вполне.

Корр. Подождите, вы автор эротического триллера «Анна Каренина»…

Л.Т. Это что за слова?

Корр. Анна Каренина?

Л.Т. Нет, то, что вы перед этим сказали.

Корр. А-а! Эротический триллер? Ну это, как вам сказать…

Л.Т. Это на каком языке?

Корр. На нашем, на русском.

Л.Т. На каком «вашем»? В русском языке таких слов нет.

Корр. Есть!

Л.Т. Нет!

Корр. Мы друг друга не понимаем…

Л.Т. Это правда…

Молчат.

Корр. Вы, может, не знаете даже, что такое сексуальный маньяк?

ЛТ. Не знаю.

Корр. Ну, например, Пушкин. Он же перетрахал почти всех более-менее заметных женщин Петербурга, Москвы, Кишинева, Одессы…

Л.Т. Не понял, что Пушкин сделал?

Корр. Перетрахал…

Л.Т. Чем?..

Корр. (*даже он смущен*). Ну вы даете, Лев Николаевич. Это ведь каждый ребенок знает.

Л.Т. А я – нет! Почему трахал? Он их любил.

Корр. (*обрадованно*). Так это же одно и то же.

Л.Т. Нет, мы друг друга не понимаем…

Корр. Это точно. Мы будто на разных языках говорим. Ну вы согласны хотя бы, что Пушкин был крутой: стрелялся всю дорогу?..

Л.Т. Какой?

Корр. Крутой!.. И кликухи у него были, как у криминального авторитета: Сверчок, Француз, Обезьяна.

Л.Т. Кликухи?

Корр. Нет, мы друг друга не понимаем. Хорошо. Чтоб вам было понятнее – на вашем примере: вы ведь тоже в своем роде сексуальный маньяк.

Л.Т. Я?!

Корр. Вы. Вы! Вам ведь жена шестнадцать раз рожала, а вы все не унимались. И крепостные девушки тоже…

Л.Т. Значит, я сексуальный маньяк…

Корр. Ну поняли наконец. Я вас еще русскому языку поучу. Вы знаете, что вы – культовая фигура в литературе?

Л.Т. Не имею чести…

Корр. А у меня ее вообще нет. И не надо. Только работе мешает.

Л.Т. Честь?

Корр. Ну да, она. Вы ведь были знакомы с суперзвездой русской эстрады в ваше время, Петром Чайковским?

Л.Т. Ну да, был. Только почему вы его так странно назвали «супер»?..

Корр. Вот вы опять. Только нашли общий язык… Погодите, вы знаете, что он был голубой? Он вас кадрил когда-нибудь?

Л.Т. (*начиная учиться*). Вы хотите спросить – трахал?

Корр. Вот! Ну наконец-то! Вы ведь тоже, говорят, э-э-э… любили вашего друга Черткова?

Л.Т. Не так, как вам бы хотелось…

Корр. (*жадно*). А как? Как? Наших читателей это интересует больше всего!

Л.Т. Я бывший артиллерийский офицер. Я в вас выстрелю из пушки.

Корр. Да нам не привыкать. Все великие на нас обижаются. Вот и Пугачева тоже…

Л.Т. (*раздумчиво*). Да… Емельян бы вас убил.

Корр. А кто это?

Л.Т. Да так, один… секс-символ XVIII века.

Корр. Ага-а! Вот вы уже и по-нашему! Так приставал к вам композитор-то?

Л.Т. Побойтесь Бога!

Корр. Кого-кого?!

Л.Т. Нет, не поймем мы друг друга.

Корр. Никогда!

Вот так закончилось это интервью с культовой фигурой второй половины XIX века, суперзвездой и половым гигантом Львом Толстым. От предложенных за интервью ста евро писатель отказался, не поняв, что это такое.

Эпилог

Ну вот, дорогой читатель, пасьянс разложен. И надо честно признаться, что он не сошелся. Названный «арт-пасьянсом», он не удержался в отведенных ему рамках. Сюда затесались (кроме рассказов об артистах) и фельетоны, и наша глупая реклама, по поводу которой кто только ни шутил, и ляпы телевизионных комментаторов, и многое другое, к чему «арт-пасьянс», люди искусства не имеют ни малейшего отношения. Но я за это даже не прошу прощения, ибо лавину глупости и пошлости, сопутствующую нам в жизни, можно хотя бы приостановить, немного попридержать – исключительно юмором, сарказмом, иронией.

В какой же веселой, интересной и полной неожиданностей стране мы с вами живем! Как же надо любить жизнь, *такую* жизнь, чтобы не хотеть отсюда уехать! До свидания, друзья! До новых встреч!